ISSN 0131—0097

ДЕКАБРЬ № 49 1991

THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ВСЯ ПРЕЗИДЕНТСКАЯ РАТЬ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 49 (3359)

30 ноября — 7 декабря

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Картина Валерия ЧЕРКАШИНА.
(См. в номере материал «Человек десятилетия».)

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.

Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 11.11.91. Подписано к печати 26.11.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 1082. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НЕТУ «ИХ»,

И ВСЕ РАЗРЕШЕНО

Леонид **РАДЗИХОВСКИЙ**

Есть такой старый анекдот. Живут рядом профессор и пьяница-студент. Студент, приходя ночью домой, с грохотом снимает сапоги, будит беднягу соседа. Профессор много раз просил его не шуметь. И вот однажды студент приходит, как всегда, на бровях. Сорвал один сапог, запузырил им в стенку — и вдруг вспомнил про слезные мольбы соседа. Тогда он, не снимая другого, как был, валится на кровать и засыпает. И вдруг через полчаса раздается страдальческий крик: «Послушайте, вы когда-нибудь снимете второй сапог?!»

...Добрых два года мы провели в положении несчастного профессора. Но вот вроде бы разбуженное нашими стонами российское правительство разулось-таки. Началось! По крайней мере так кажется, когда читаешь последние указы Ельцина, слушаешь его последние интервью. Верно, столько раз руководство широко взмахивало руками и оставалось стоять на месте, что полной уверенности нет и на сей раз... И все-таки надо быть уж чистым самоубийцей, чтобы в нынешней ситуации, сказав все, что сказано, опять медлить. Нет, кажется, капиталистическая революция, о необходимости которой так долго говорили антибольшевики, совершилась.

Однако тут и видна вся разница. Строить — не рубить, и тут никаким декретом революцию не совершишь. В лучшем случае можно создать для нее формально-правовую почву. А дальше должно начаться развитие. Только вот начнется ли?

Опускаем подробности. Предположим (хотя это и не совсем так!), что имеющиеся декреты уже означают полную свободу предпринимательской деятельности. Все разрешено! Предположим (хотя мы уже точно знаем, что это не так!), что декреты не будут слишком сильно искажены, обкромсаны Верховным Советом, местными органами власти. Что же из этого следует — не в парламенте, а в жизни?

«Развяжите руки. Дайте размять запястья, опухли — и поговорим. Вот тогда поговорим!» Конечно, восклицательный знак, поставленный здесь Юрием Черниченко, имел угрожающее значение по адресу всех этих старо-ново-дубцевых. Однако сегодня сия проблема в лучшем случае снята. В лучшем — потому, что в худшем случае люди будут себя тешить новой борьбой с мумией Ленина и КПСС, имитировать активность и оправдывать свое безделье противодействием страшных коммунистических вервольфов в рыночной шкуре.

Полноте! 74 года заговорщиков не было, была лишь борьба с ними. И не ищите их сейчас. «Нету чудес, и мечтать о них нечего». Нет такой партии. Есть, конечно, группы политиков и дельцов (со своими клановыми интересами) и их интриги, но это нормально, так всегда и будет. Поэтому оставим заговоры фантастам и поклонникам большевиков, а сами обратимся к стульям. В каком из них прячется капиталистическое сокровище? Как вспороть обивку этого стула? Кто ее вспорет?

Вот здесь я вижу самую серьезную проблему. У нас просто нет капиталистической ментальности.

С таким утверждением радостно согласятся все — и писатели и читатели,— и польются речи про то, что это сознание вырабатывается годами, про правовую и рыночную среду, про то, что ничто не проходит даром, что мы отучились (отучили гадкие марсиане-большевики) работать, и все это закончится знаменитой фразой: «Дело надо делать, господа!»

Нет, господа. Не надо «дело делать». И призывать не надо. И уж в особенности не надо ждать десятилетий, пока появится (возникнет, создастся) «рыночная среда».

Ничего не надо. Это при социализме людей учили жить, как «надо» — в расчете на завтра. А при капитализме люди просто живут — сегодня. Каждый сам решает, что ему надо, чего не надо. Только решая это, он всегда понимает одну, всего лишь одну вещь — это его решение, и отвечать ему. Он никому не должен, но и ему никто не должен. При социализме живут капризные и запуганные дети. При капитализме живут взрослые.

Эти правила игры легко поняли наши люди, эмигрировавшие в Америку. И их, эти правила, неплохо усвоила значительная часть нашей молодежи. Той самой молодежи, которая, к ужасу своих отцов, не ходит с ними на митинги в защиту рынка, не интересуется судьбой России и политикой, а интересуется своей судьбой и торгует.

Эта молодежь давно развязала себе руки — отвязалась от помочей государства. И не нуждается для этого ни в чьих декретах, призывах и разъяснениях. Выгодные им законы они соблюдают, невыгодные обходят, и на диво согласованно, будто по единому плану, ткут свою паутину. Их паутина плохая: торговли много, производства мало; много лжи и коммерческого разбоя... Но это процесс, он идет по своим законам, и остановить его уже никто не сможет.

В какой мере для них экономическое «все разрешено» станет моральным «все дозволено»? Это вечный вопрос. Ясно одно — капитализация резко ускорится. И не спрашивайте, что будет,— оно уже есть. Правительство лишь сняло намордник, лишь развязало руки, лишь распахнуло вторую половину двери. А процесс идет сам собой и уже давно.

Так что нелепо задавать вопрос «Что будет?». Практически для человека нужно (вот тут — нужно!) лишь обрести сознание: все (увы? к счастью?) разрешено, и за себя отвечаю только я сам. Кто обретет такое сознание — спасется. А если их будет много, то спасется и Россия.

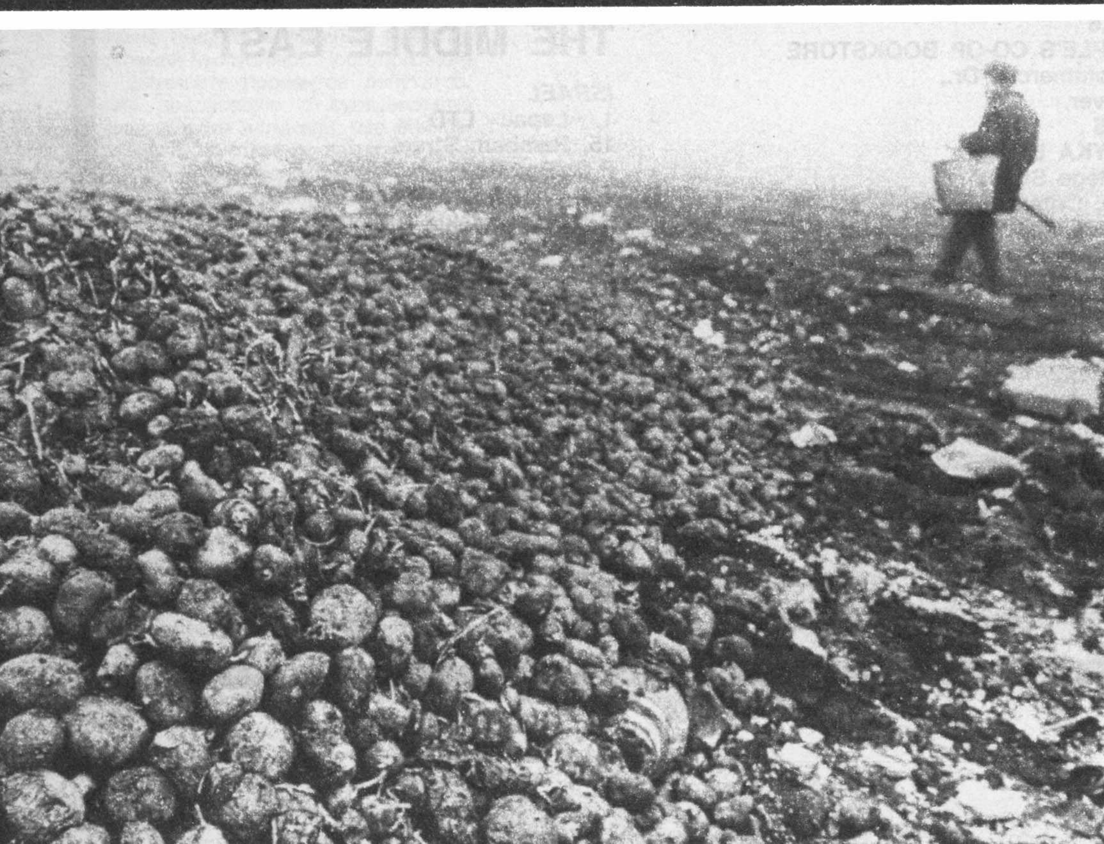

Фото В. ВЕЛЕНГУРИНА, Г. ГОРБУНОВА, Ф. МАШЕЧКО, Н. ТИТОВА, Ю. ФЕКЛИСТОВА

Где можно подписаться и купить «Огонек» за рубежом

EUROPA

BRD
1. Kubon & Sagner
8000 München 34
Postfach 340108
2. Lange & Springer
Wissenschaftliche
Buchhandlung
Otto-Suhr-Allee 26/28
1000 Berlin 10
3. Gebrüder Petermann GmbH & Co.KG
Kurfürstenstraße 111
1000 Berlin 30

CSFR
Местные почтовые отделения
Local post office

DENMARK
1. Akademisk Boghandel
Universitetsparken
8000 Aarhus C
2. Sputnik International Boghandel og Forlag
Vester Voldgade 11
1552 Copenhagen K

ENGLAND
1. Collet's Holdings, Ltd
Denington Estate,
Wellingborough
Northants, (NN8 2QT)
2. Central Books Ltd.
99 Wallis Road
London, (SE1 3ER), England

ESPAÑA
Libreria Rubiños
Alcalá 98
Madrid 28009

FINLAND
1. Akateeminen Kirjakauppa Oy
Subscription Department
Postilokero 128
00101 Helsinki 10
2. Orient-Express
Ruoholahdenkatu 4
00180 Helsinki 18

FRANCE
Librairie du Globe
2, Rue de Buci
75006 — Paris

ITALIA
1. Libreria Italia — URSS
Via Edilio Raggio, 1—10
16124 Genova
2. Libreria Italia — URSS
Piazza della Republica, 47
00185 Roma
3. Santo Vanasia
Via Mauro Macchi, 58
20124 Milano

NETHERLANDS
1. Swets Zeitlinger bv
Heereweg 347
P.O. Box 830
2160 SZ Lisse
2. Martinus Nijhoff International
P.O. Box 269
2501 AX The Hague
3. Oost-Europa Instituut
University of Amsterdam
Institute for Soviet and East
European Studies
O.Z. Achterburgwal 237
1012 DL Amsterdam

NORWAY
1. Narvesen INFO CENTER
Bertrand Narvesens vei 2
P. O. Box 6125 Etterstad
N-0602 Oslo 6
2. Akademika Internasjonal Fagbokhandel
P.O. Box 84
Blindern, 0314 Oslo 3

POLAND
1. CHZ «Ars Polona»
Krakowskie Przedmescie, 7
Warszawa/PR
2. «ORPAN»
PKIN
00901 Warszawa/PR

SCHWEIZ
1. Pinkus Genossenschaft
Froschaugasse 7
8025, Zürich 1
2. Reiher-Verlag
Posfach
3000 Bern 6
3. Cobram,
Rue Louis Favre 37
1201 Genève

SWEDEN
1. Wennergren-Williams AB
Subscription Department
Box 30004
S-104 25 Stockholm
2. AB E. Lundgrens Intosearch
and Subscription AB
Sodergatan 3
S-211 34 Malmo

AMERICA

CANADA
1. PROGRESS BOOKS
72 Tecumseth Street
Toronto, Ontario,
M5V 2R8
2. UKRAINSKA KNYHA
962 Bloor Street West
Toronto, Ontario,
M6H 1L6
3. PEOPLE'S CO-OP BOOKSTORE
1391 Commercial Dr.,
Vancouver,
V5L 3X5
4. TROYKA LTD
799-College Street
Toronto, Ontario,
M6G 1C7
5. Periodica Inc.
1155 Avenue Ducharme
Outremont (Quebec)
H2V 1E2

USA
1. Victor Kamkin Bookstore,
4956 Boiling Brook Parkway
Rockville, Md. 20852
2. Znanie Book Store
5237 Geary Boulevard
San Francisco, Calif. 94118
3. EBSO Industries, Inc.
Post Office Box 1943
Birmingham, AL 35201-1943
4. Turner Subscriptions
116 East 16th Street
New York, N.Y. 10003

AMERICA LATINA

CUBA
Ediciones Cubanas
Obispo N 461
La Habana

MEXICO
«Serviciios Bibliográficos
Palomar S.A.»
Apartado Postal 42045
C.P. 06400
México 4 D.F.

ASIA

INDIA
1. People's Publishing House (P.), Ltd.
5-E Rani Jhansi Road
New Delhi-110055
Phone: 529365-Grams «Qaumikitab»
2. National Book Agency (P.), Ltd.
No. 2, Surya Sen Street
Calcutta-700012
Phone: 341677-Grams «Marxistlit»

JAPAN
1. NAUKA, LTD
2-30-19, Minami-Ikebukuro.
Toshima-ku, Tokyo 171
2. NISSO-TOSHO, LTD
1-5-16, Suido, Bunkyo-ku,
Tokyo, 112

MPR
1. Местные почтовые отделения
Local post office
2. Бюро печати, Улан-Батор
Press bureau, Ulan-Bator

REPUBLIC OF KOREA
UNIVERSAL PUBLICATIONS
AGENCY, LTD
54, Kyonji Dong, Chongro-ku,
Seoul 110—170

THE MIDDLE EAST

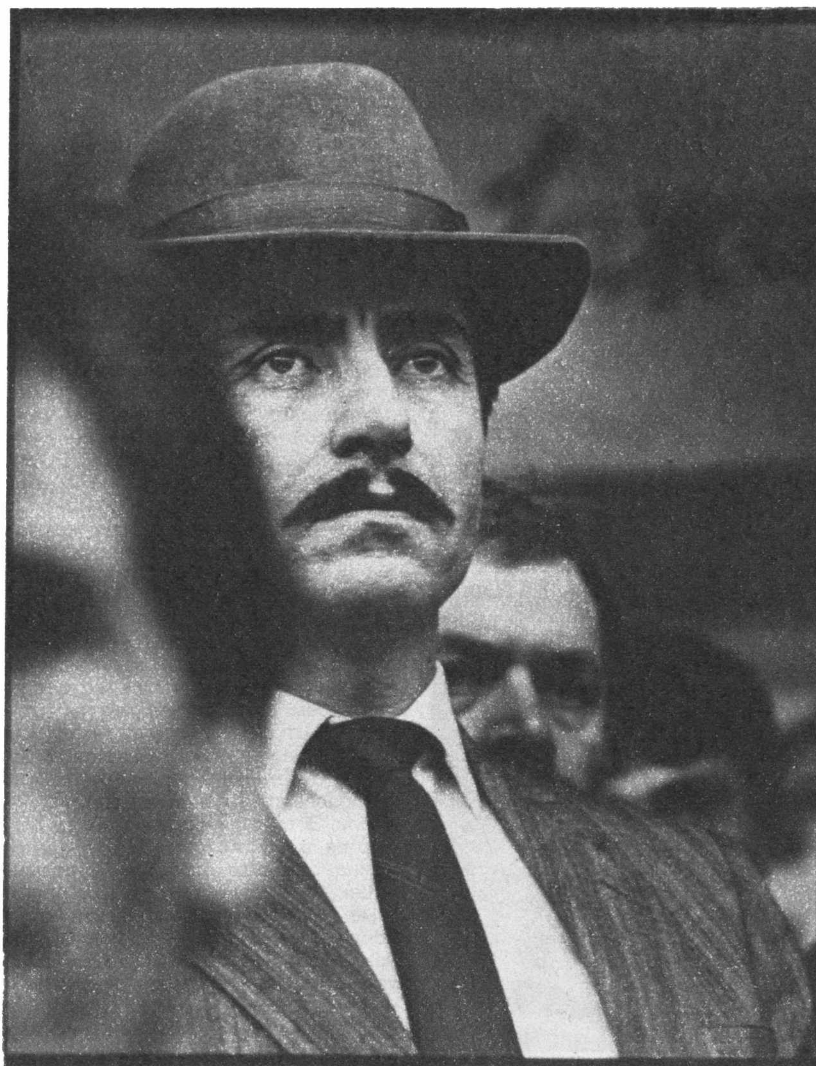
ISRAEL
1. «Lepac» LTD
15, Rambam Street
P.O. Box 1136
Tel-Aviv, 61010
2. «Boleslavski» LTD
72, Allenby Road
P.O. Box 3346
Tel-Aviv

SYRIE
«Al-Zahra» New Bookshop.
P.O. Box 2858
Damascus

AUSTRALIA

NEW ERA BOOKS AND RECORDS
64—68, Shepherd ST.,
Marrickville, N.S.W. 2204

Геннадий ЖУКОВЕЦ

ДЖОХАР ДУДАЕВ: «ВЛАСТЬ МЫ МОГЛИ ВЗЯТЬ В ТЕЧЕНИЕ ЧАСА»

Прольетс ли большая кровь на Северном Кавказе? Станут ли чеченцы на тропу священной войны «газават»? Выдержит ли испытание на прочность Российское государство, если автономии пойдут по пути Чечни? Кто положит конец беспределу этнических конфликтов?

Десятки вопросов с леденящими душу ответами поставил перед нами чеченский кризис. Слава Богу, до крови дело не дошло. Приходят сообщения о некоторой нормализации полож ния. Но тревога остается. Пружина взведена. Палец на спусковом крючке. Будет ли выстрел?

Похоже, что Джохар Дудаев — самый доступный для журналистов президент из всех ныне существующих на просторах бывшего Союза.

При входе в здание Совета Министров, где находится его кабинет, меня остановили вооруженные люди.

— К кому?

— К президенту.

Беглого взгляда гвардейца на редакционное удостоверение оказалось достаточно, чтобы я, обходя людей в полувоенной, а чаще в цивильной одежде, с «калашниковыми» за спиной, через плечо и наперевес, дошел до приемной.

Здесь заправляла энергичная Марьям. Я понял, что время встречи с президентом целиком зависит от нее, и не ошибся.

— Приходите к двум. Постараюсь, чтобы «Огонек» прошел в числе первых.

В два пополудни я был на месте. В приемной томился разный люд, я вышел покурить на лестничную площадку и в это самое время почувствовал, что в здании что-то происходит, потому что исчез тот ровный звуковой фон из людских голосов, к которому слух уже притерпелся. В наступившей тишине слышен был только шум шагов на лестничном марше, да пару раз брякнуло железо. В плотном окружении девяти-десяти вооруженных людей в штатском к кабинету президента быстро прошел человек в защитной форме. Я узнал в нем «мятежного генерала». Через три часа я задавал ему свои вопросы.

— Господин президент, о событиях в республике много разнотолков, мнений и оценок, многие из которых со стороны представляются убедительными. Хотелось бы знать, как видите и оцениваете происшедшее вы лично?

— Полностью убежден, что руководители Российского государства и средства массовой информации сделали все, чтобы извратить события, которые здесь произошли и происходят. Более двадцати комиссий и депутаций из России побывали у нас, оставляя за собой шлейф политических провокаций. И более ничего. Мыслимо ли, чтобы двадцать делегаций не смогли договориться с нами ни по одному пункту? Полностью извращена информация о происходящем.

События же, если следовать хронологии, разворачивались следующим образом: 27 ноября 1990 года высшим форумом народной власти — съездом чеченского народа — была принята декларация о суверенитете. Она ратифицирована бывшим Верховным Советом автономной республики. Проголосовало «за» девяносто процентов депутатов. Приняв декларацию о суверенитете, прежние власти полагали, что они будут править по-старому, сохраняя свои структуры, а Верховный Совет — статус законодательного органа. Но по экспертной оценке Организации Объединенных Наций, ее юридического отдела, Верховный Совет безнадежно потерял законодательное право со дня принятия декларации о суверенитете. Поскольку появилось совершенно новое государство.

Съезд чеченского народа, а в дальнейшем — конгресс избрал исполнительный комитет для выполнения решений съезда. Не доверяя бывшему Верховному Совету, созданному по однопартийной схеме и не отражающему интересы всех граждан, мы предъявили представителям Российского государства документ, в котором утверждали, что по шести различным признакам Верховный Совет Чечено-Ингушетии не может дальше считаться властной структурой республики.

— Таким образом, был предъявлен как бы ультиматум. Не напоминает ли это печально известный разгон Учредительного собрания?

— Нет. Исполнительный комитет хотя и признавал, что ВС потерял право законодательной власти, но не предъявлял ему никаких счетов, а требовал только консолидации усилий. Исполком разрабатывал концептуальные, основополагающие законодательные акты, предлагал ВС перейти к новым демократическим государственным структурам. Но, увидев в нашей программе правовую основу, сверенную, кстати, с международным правом, ВС не только стал препятствовать ее проведению в жизнь, но и запретил деятельность исполнительного комитета на территории республики.

— А кто составил оппозицию Верховному Совету?

— Ему противостояли исполнительный комитет, конгресс чеченского народа, это более 1200 человек, избранных на правовой основе. То есть представители всех политических сил, имеющих реальную опору в массах. Вайнахская демократическая партия, партия «Исламский путь», движение «зеленых», международный комитет по защите прав человека... Вот основные силы, объединенные политическим договором на специальной ассамблее. Договорились, что все они поддержат программу исполнительного комитета, консолидируют свои силы на выполнение решений конгресса.

— Это было только чеченское движение?

— Нет, не только. В комитет по защите прав человека входят все граждане, желающие принимать участие в его деятельности. Вайнахская демократическая партия открыта для разных национальностей. Партия «Исламский путь» открыта для всех людей, исповедующих ислам. Поэтому говорить о чисто чеченском движении нельзя. Программа конгресса отвечала интересам всех граждан. Противостоящих сил в республике не было, за исключением самого Верховного Совета и его клановых и мафиозных структур, державшихся у власти за счет тоталитарного режима.

— Можно ли полагать, что взять власть было достаточно легко?

— Власть мы могли взять в течение часа. Просто отодвинуть ВС и занять их кресла. Но мы не использовали силовые методы. Мы хотели правовым путем прийти к власти. Вот почему затянулся этот процесс. Нам навязывали незаконный путь, навязывали, буквально принуждали взять законодательную власть.

— Вы говорили, что противостоящих сил практически не было. Так кто же мог навязывать незаконный путь?

— Ну, те же КГБ, МВД, прокуратура, Верховный Совет. Государственные структуры буквально принуждали нас сделать серьезную ошибку и провоцировали, чтобы исполком взял силой власть. И когда ВС увидел, что мы действуем правовыми методами, закрутилась машина массовых провокаций, подталкивающих к кровопролитию.

Три часа, проведенные в приемной, не пропали даром, хотя бы для того, чтобы сделать несколько поверхностных наблюдений. Обстановка здесь напоминала знакомые с детства кадры из фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», переложенные на кавказскую почву. Ритм броуновскому движению задавала неутомимая Марьям, ее поддерживали парни из охраны — достаточно вежливые и столь же решительные.

Старики и священнослужители пропускались к президенту беспрепятственно и в первую очередь. Затем настал черед военного совета, и к охране президента добавилась охрана военного министра. Стало тесно от тел, увешанных оружием. Нас, журналистов, попросили подождать в коридоре. В кабинет прошли несколько офицеров в форме Советской Армии, полковник-пограничник и кавторанг в черной шинели военно-морских сил. Я понял, что че-

ченская гвардия стянула к кабинету президента свои лучшие военные умы.

Что решал военный совет, для меня осталось тайной. Но уже в Москве, через три дня, стало известно распоряжение президента об отмене военного положения в республике. Честно говоря, находясь почти за две тысячи километров от эпицентра событий, я, узнав об этом, вздохнул с облегчением. Слишком много за сутки с небольшим насмотрелся на оружие в руках гражданских лиц. И надолго запомнил парня лет семнадцати-восемнадцати, который в ресторане, дожидаясь ужина, вращал на столе ручную гранату, как сваренное вкрутую яйцо.

— Господин президент, не считаете ли вы, что у населения слишком много оружия? Стволы обнажены. А вам, военному человеку, известно, что при определенной критической массе оружие стреляет не в того, против кого предназначалось...

— Я согласен, что это ненормально. Это вынужденная мера. Мы несколько раз изымали оружие, опечатывали его на складах. Но каждая угроза нашему суверенитету вынуждала нас снова его раздавать. Не будет провокаций против нас — не будет и оружия.

— Верно ли, что действия российского правительства и указ о чрезвычайном положении консолидировали национальные силы в республике и если до этого многополитическая панорама предполагала разномыслие, то после указа нация сжалась в один кулак?

— Не только согласен, но убежден в этом. Те, кто принимал решение, не оставили нам никаких других шансов. А начиналось сплочение нации с ГКЧП. Когда ВС и все властные структуры полностью поддержали программу ГКЧП, мы узрели серьезную опасность физического уничтожения нашего народа, нового геноцида. В горячке первых часов путча мы и не заметили, что нам угрожало. Но те, кто испытал 1944 год, приезжали со всех концов республики и говорили: «Джохар, это повторение 1944 года». Выяснилось, что более 500 транспортных машин нагнали на территорию республики, причем с мобилизационным ресурсом водительского состава. Были расконсервированы и подготовлены к приему арестованных лагеря. Бронетехника и войска по всей территории республики были в повышенной готовности.

Указ Ельцина о неподчинении ГКЧП был однозначно нами принят. Уже в 9 часов 10 минут 19 августа на заседании исполнительного комитета одобрили указ президента. А в 10 часов пошли массовые митинги, возмущение и протест. Сотрудники КГБ начали хватать наших лидеров. А потом уже, в ночь с 19-го на 20-е, произошло нападение на штаб руководства, который я возглавлял. Более 50 милиционеров и кагэбэшников ворвались на этаж. Там произошел рукопашный бой. Семь-восемь наших ребят отбили нападение, и когда нападавшие увидели, что стоять будем насмерть, только тогда ретировались.

В те часы мы поняли, что местная власть готова потопить чеченский народ в крови. 19-го числа вечером 100-тысячный митинг принял резолюцию: Верховный Совет — в отставку, весь! К половине восьмого мы овладели ситуацией. В каждом селе и районе стали формироваться боевые отряды противостояния ГКЧП.

И сейчас, когда Бориса Николаевича Ельцина ввели в заблуждение по поводу наших намерений, чеченский народ дал понять, что свобода для него дороже всего.

Беседу прерывает телефонный звонок. Президент снимает трубку:

— Добрый вечер, Звиад Константинович... Да... Спасибо за помощь... Сейчас они слезы льют, бензин к ним не поступает... Он жив-здоров, дает показания. Это всему миру известно... Я хочу переправить его к вам, чтобы вы с ним поработали... Это не по телефону. Телефон ненадежный... Через вашего представителя... Спасибо. До свидания.

Еще один звонок, по всей видимости, из Москвы.

Президент:

— Ведется расследование... Дело с исчезновением ректора — это провокация, направленная против нас... Да, кое-что становится известным... Об этом лучше пока не говорить, чтобы не было тягчайших последствий... Всего доброго...

— Вас называют «мятежным генералом» и связывают это определение с вашей службой на территории Эстонии. Расскажите о мятеже.

— Ну, никакой я не мятежный. И мятежа не было. Старался только по мере сил наладить добрые отношения между вверенной мне дивизией и населением, между офицерами и властями. В Эстонии ведь большое недоверие к дислоцированным там войскам Советской Армии. А я хотел показать всем живущим рядом людям, что мы, авиационная дивизия дальних бомбардировщиков, не несем и не можем нести никаких жандармских функций.

Что для этого делал? Устроил день открытых дверей, разрешил заходить в ангары, казармы. Люди интересовались всем. Поняли, что мы ничего не прячем, открыты для них. Потом один наш офицер говорит: «Вы знаете, мой сосед — эстонец — первый раз со мной поздоровался». Какой же мятеж?

Или. Эстонский праздник. Люди собираются в одном месте. Но процессии нужно обходить аэродром — военный объект. А места там сырые, болотистые. Я даю разрешение пройти по летному полю, а в конце — сюрприз. Военно-полевая кухня. Солдаты чайком угощают. Так рассеивали недоверие к нам.

Может быть, и был мятеж, когда в их национальный праздник с высоты двух тысяч метров наши парашютисты спустили национальный эстонский флаг. У многих тогда на глазах стояли слезы...

— Скажите, легче быть генералом или президентом?

— Трудно и то, и другое. И на военной службе, и здесь я выполнял и выполняю свой долг.

— Вас упрекают в том, что с появлением вооруженных формирований в республике обострилась криминальная обстановка. Это связывают с вашим именем. Кроме того, приходилось слышать, что вы жесткий человек, способный на крайность. Так ли это?

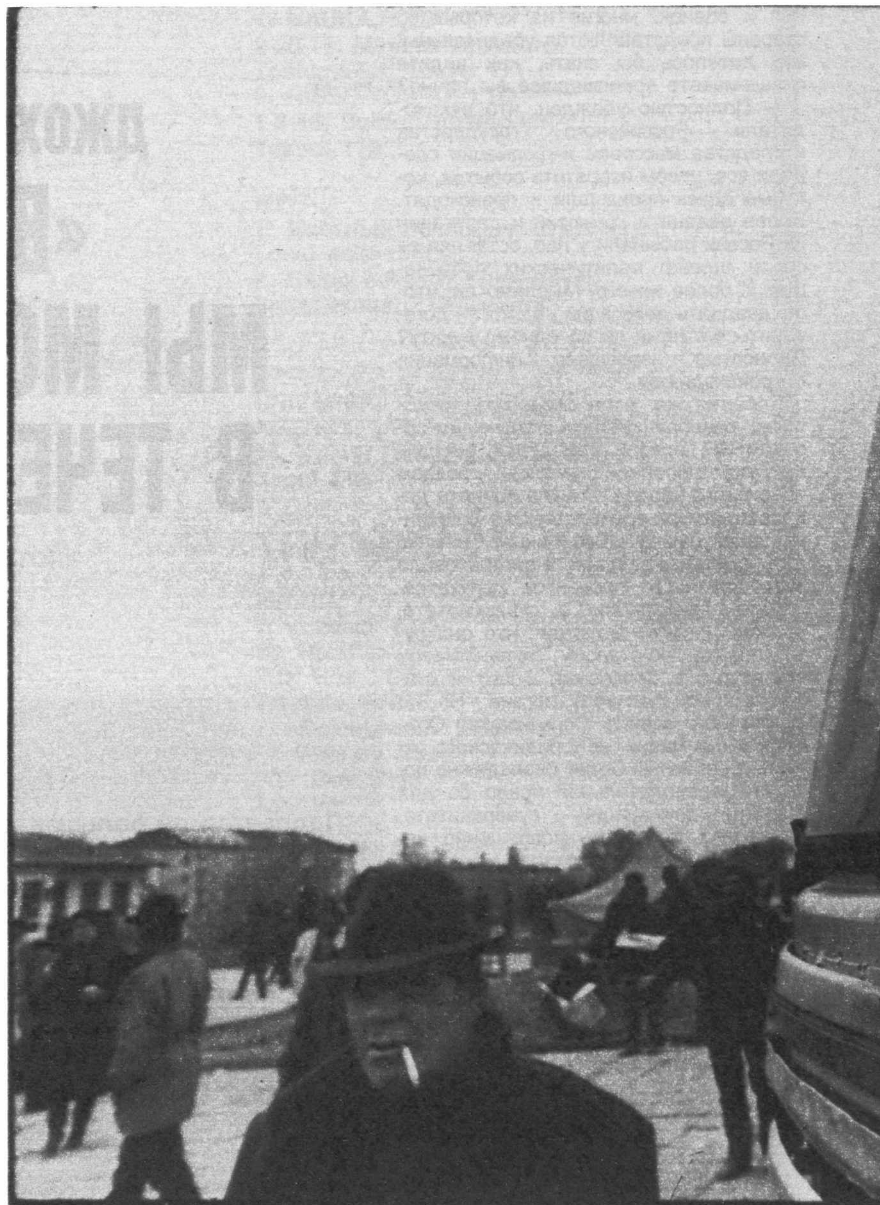
— Говорить могут всякое. И всякие. Можно догадаться, откуда идут и кто распространяет слухи. Могу сказать лишь одно: я сторонник правового государства, сторонник верховенства закона.

О чеченцах тоже говорят и пишут разное. Ну а вы знаете, например, что в нашем языке нет слова «приказать». Что еще каких-нибудь восемьдесят лет назад у чеченцев не было смертной казни. Для мужчин были две кары: запрещение участвовать в бою и самая суровая — навсегда покинуть пределы Отчизны.

— Вы верующий человек?

— Да. Глубоко верующий с детства. Неверующие глупы уже тем, что не понимают: есть силы намного выше и сильнее тех, коими может обладать человек.

Уже давно охранник, как бы ненаро-

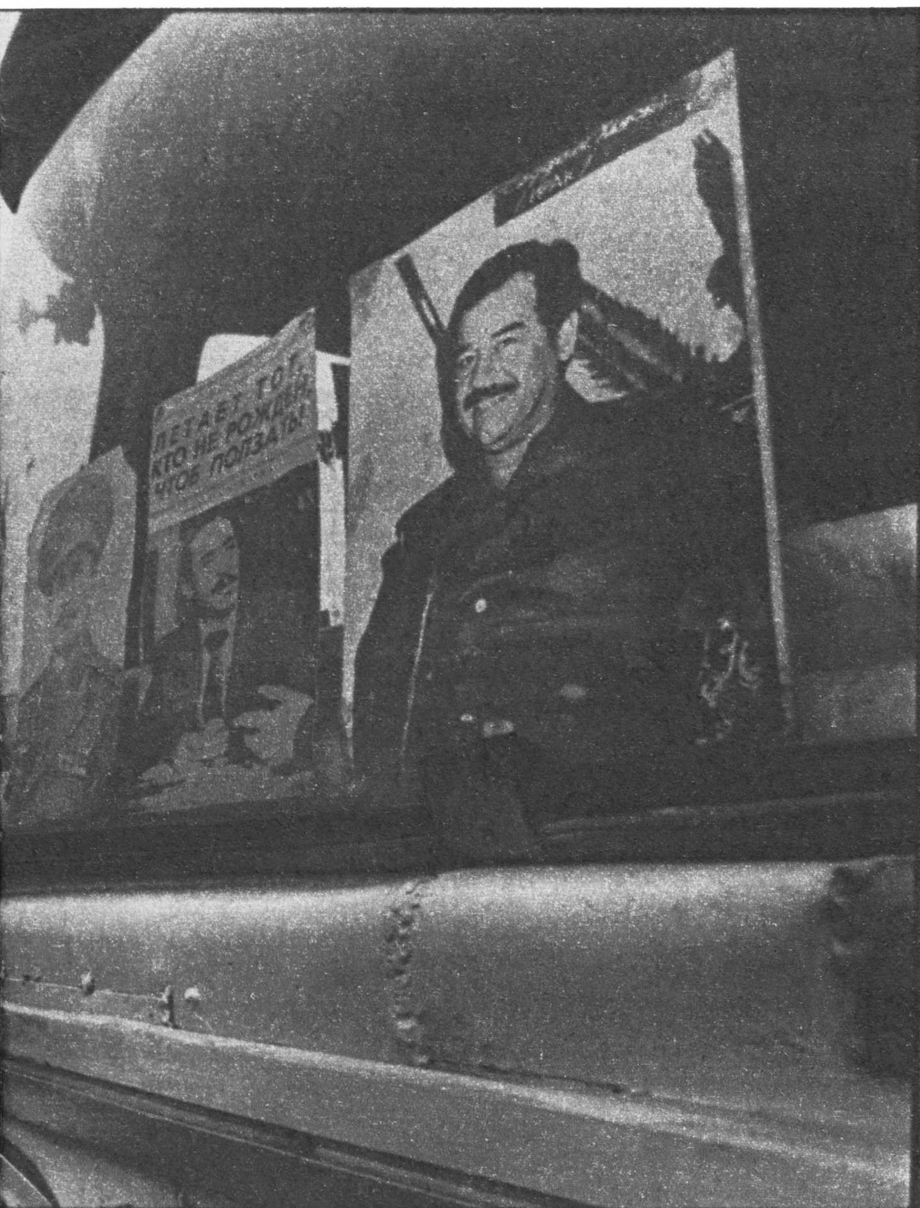

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ком, клацает предохранителем «ака-эса». Встает, пытаясь обратить мое внимание на то, что беседа слишком затянулась. Украдкой от президента показывает на часы. Я понимаю. В приемной ждут мои коллеги — советские и зарубежные. Ждут встречи с самым доступным для нашего брата президентом.

Вместе со мной выходит Марьям. В руках у нее текст только что подписанного президентом указа.

— Можно взглянуть?

— У нас секретов нет.

Указ предписывает жителям Чеченской республики оказывать всемерное содействие всем командированным, а также частным лицам, прибывшим сюда на время. Предприятиям и учреждениям велено неукоснительно соблюдать договорные обязательства, заключенные в любой точке страны.

Хороший указ. Но хороших указов мы читали немало. Будет ли он работать? Честно говоря, пока полной уверенности в этом нет.

Грозный

Следственная бригада по делу ГКЧП разрешила небольшой группе журналистов, в том числе и нашим корреспондентам, посетить Матросскую Тишину — следственный изолятор, приютивший организаторов августовского переворота.

Павел НИКИТИН,
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

...Матросская Тишина оказалась самой что ни на есть обыкновенной тюрьмой, каких в России, наверное, тысячи. Низкие своды. Аляповато окрашенные стены. Малюсенькие прогулочные дворики, из которых видно только зарешеченное небо. Единственное отличие — усиленный режим надзора. К каждой камере приставлен охранник, который обязан следить в глазок за высокопоставленными заключенными.

Условия посещения «ИЗ-48/4» — так официально называется Матросская Тишина — были строго оговорены. Самое главное: не фотографировать сотрудников «изо». Даже начальник тюрьмы отказался запечатлеться на фото. Даже со спины.

Разрешалось немногое: пройтись по коридорам («Громко не разговаривать!»), осмотреть прогулочные дворики и следственные кабинеты — вот и все.

Но жизнь преподнесла сюрприз. Следственные кабинеты оказались не пустыми. В одном — следователь беседовал с Баклановым, в другом — со своими адвокатами держал совет Лукьянов. Начальник тюрьмы сдался: если подследственные согласятся сфотографироваться — так тому и быть!

Бакланов холодно объявил, что не «собирается позировать». А Лукьянов согласился! Попросил только сделать одолжение: сфотографироваться в цивильном костюме, при галстуке. Но тут возник начальник тюрьмы: никаких галстуков! Объяснив отказ тем, что «посредством галстука можно покончить жизнь самоубийством».

Но Анатолий Иванович, судя по всему, не собирается сводить с жизнью счеты. Встретил с распростертыми объятиями, а фотокора «Правды» М. Скурихину удостоил даже поцелуя. Шутил, балагурил. Улыбка его была лучезарной.

Вкратце о тюремных новостях.

Гэкачеписты дружно изучают книгу М. С. Горбачева «Августовский путч», попросив временно не беспокоить допросами. Остается гадать, какой будет их реакция на прочитанное.

Бывший шеф КГБ Крючков недоумевает, почему ему не разрешили встретить октябрьские праздники дома. Неужели нельзя было пойти навстречу?

В Матросскую Тишину мы попали в час, отведенный для приема пищи. На обед было: ароматный гороховый суп, разваристые макароны, сверху густо присыпанные тушеным мясом, на третье — компот. Начальник тюрьмы, увидев, что мы вносим меню в блокноты, сошел с лица и стал умолять не доводить до читателей тюремный рацион.

Вот тут и стала ясна природа страха, с которым мы столкнулись в Матросской Тишине. Миллионы добропорядочных советских граждан не могут позволить себе на завтрак бутерброд с маслом — каждый зэк каждое утро получает пайку первосортного сливочного. Миллионы советских граждан почитают за праздник поесть мясца — у зэка каждый день в миске должно быть не менее 100 граммов мяса.

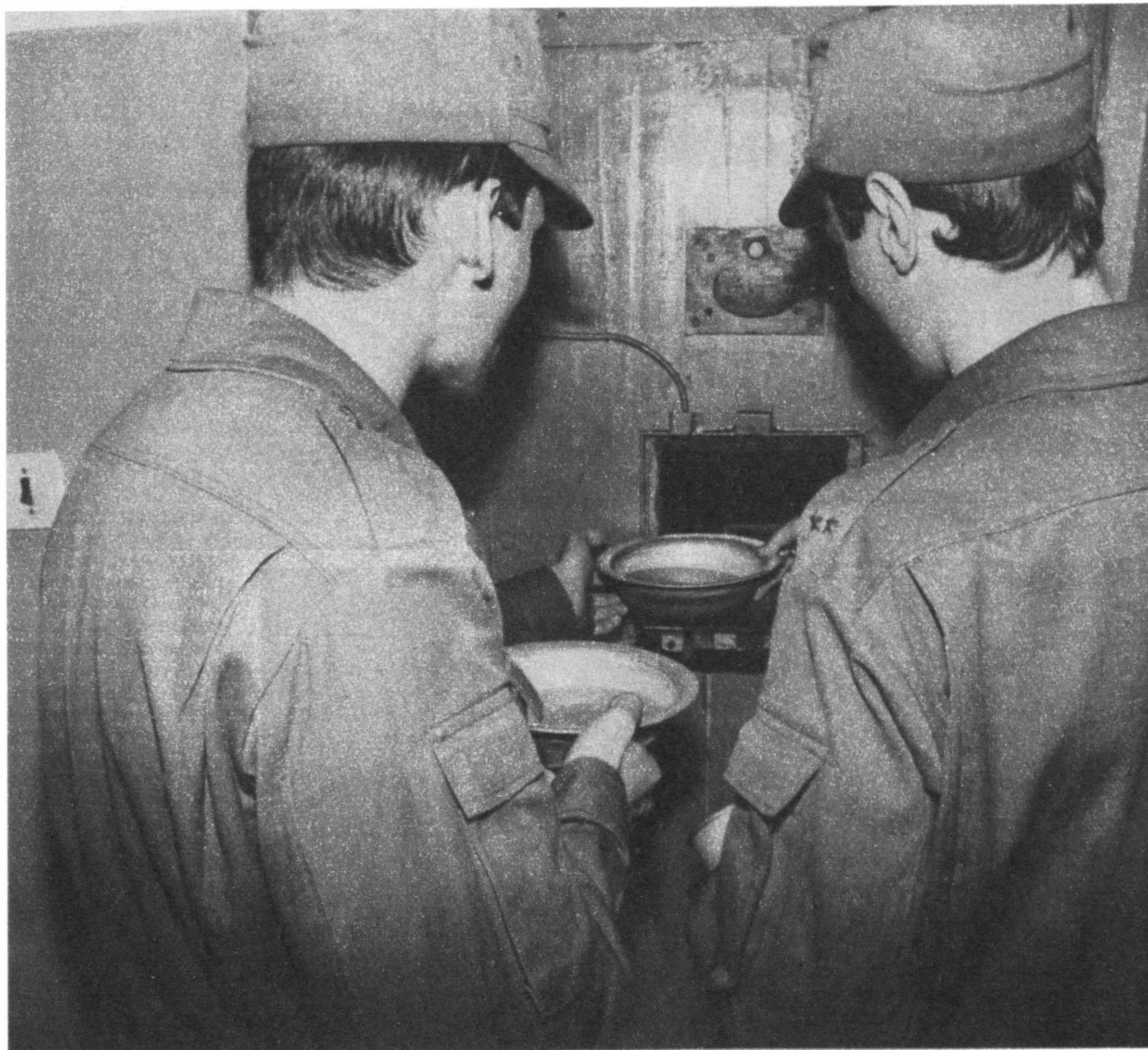
Жизнь на воле подчас хуже, чем в тюрьме. Кризис — слишком мягкое определение тому, что происходит. Дело катится к катастрофе.

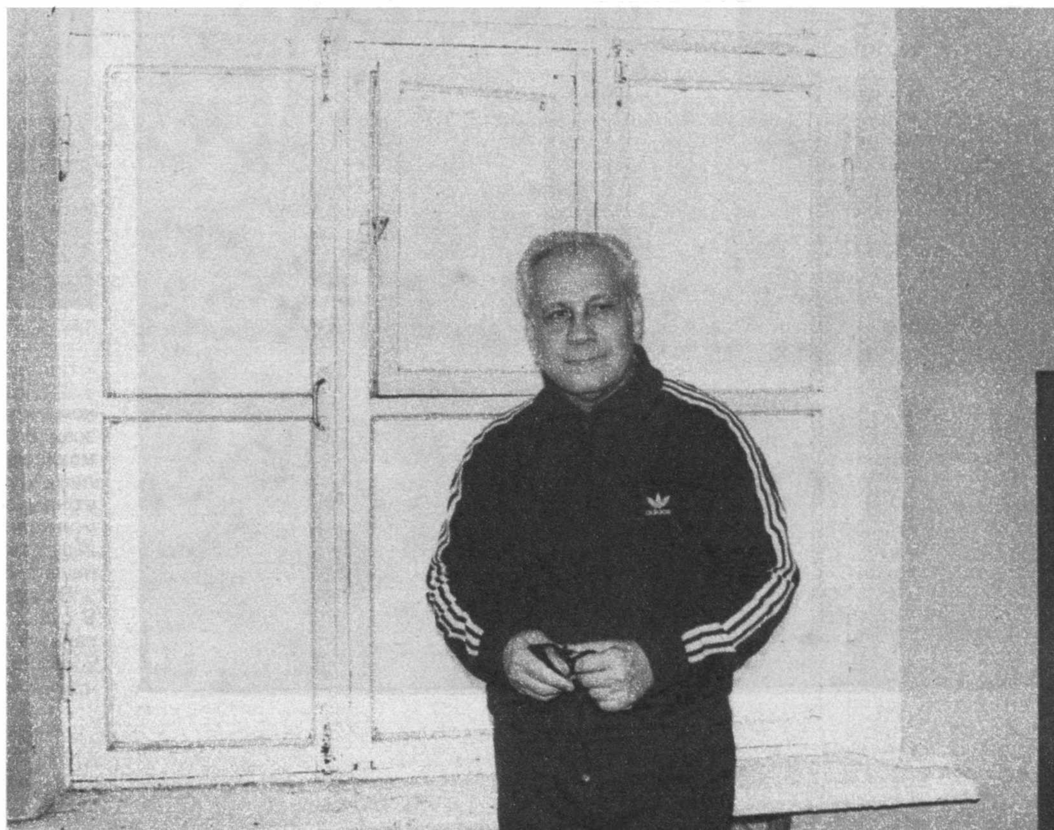
Ожидать можно чего угодно. Это тюремщик, отворачивающийся от фотокамер, хорошо понимает. А вдруг завтра демократам по шапке? Вспомнят и о надсмотрщиках. Как не вспомнить! Ты заглядывал в глазок, отвлекая поэта от написания стихов?

«Правда», «Советская Россия», «День» бередят душу рассказами, в которых рисуют узников Матросской Тишины, беззастенчиво десятилетиями разорявших народную казну, бессребрениками, встречающими старость в нищете. Надежда коммунистов России Сергей Бабурин с высоких трибун утверждает, что августовский переворот был «заговором во имя государства». 90 процентов писем в адрес следствия по делу ГКЧП поддерживают самозваный комитет...

Время пока работает на них. Чем хуже стране, тем лучезарнее их улыбки.

Москва.

МАКАРОНЫ ПО-ФЛОТСКИ В МАТРОССКОЙ ТИШИНЕ

ОБОКРАЛИ...

Все произошло, как в итальянском детективном фильме. В конце сентября, дождливой ночью, с выставки русского искусства в Генуе исчезли сразу 18 (!) картин. Среди похищенных оказались полотна Саврасова, Маковского, Пукирева, Шишкина... Все — из уже давно недоступного отечественному зрителю собрания Третьяковской галереи. Это могло стать нашей большой бедой, если бы спустя три недели итальянская полиция не отыскала шедевры в багаже некоего синьора, известного неблаговидными делами. Вскоре нашли еще три холста, но портрет работы Ильи Репина («Отдых») — самое дорогое по страховой стоимости и по художественной ценности произведение — по-прежнему остается в розыске.

Казалось, подробности кражи подобного масштаба должны были бы долго не сходить с первых полос газет. Кражи, редкостной по наглости грабителей (или по беспечности устроителей?). Никто не заметил, как разбили фонари, приставили лестницу ко второму этажу, сломали жалюзи (сигнализация при этом не сработала); как преступники влезли в окно, неторопливо отвинтили подрамники от золоченых рам и — так и хочется написать — **спокойно** удалились.

Уже очевидно, что реставраторам Третьяковки предстоит тяжелая работа — многие полотна сильно повреждены. Нам же сейчас интересно другое: почему тех сотрудников Третьяковки, кто случайно узнал о происшествии, еще долгое время обвиняли в клевете и распространении слухов; почему пытались скрывать информацию о краже, не сделали заявления прессе, зачем-то утаивали список пострадавших работ, не давали их репродукций (то, что мы репродуцируем в номере, предоставлено НЕ Третьяковкой)?..

Можно, впрочем, высказать несколько предположений. Если взять список украденных работ и сверить его с каталогом Третьяковки, станет очевидно, что на выставку в Италию поехали не просто первоклассные произведения русских живописцев, а уникальные работы, исчезновение которых вычеркнуло бы из истории русской живописи целые страницы. Что бы осталось от Пукирева, например, известного всего пятью полотнами, два из которых могли исчезнуть навсегда, от Михаила Петрова и Алексея Юшанова, оставивших после себя по одной картине?! Музейные работники знают, что существует негласный список произведений, запрещенных к вывозу из страны. Даже если подобный список только легенда, руководителям Третьяковки следовало бы задуматься о принципе отбора экспонатов самим и раньше.

Итак, в разгар летнего сезона в портовом городе, на вилле в парке (как теперь очевидно, плохо охраняемой) оказались картины, увидеть которые мы сами не можем уже много лет. Партнером национальной галереи выступил небольшой музей города Монца — миланского пригорода, более известного современным автодромом. Детали заключенного контракта неизвестны, но,

В. В. Пукирев. ПРИЕМ ПРИДАНОГО ПО РОСПИСИ. 1873.

А. Л. Юшанов. ПРОВОДЫ НАЧАЛЬНИКА. 1864.

по мнению экспертов газеты «Коммерсантъ», страховая стоимость картин просто смехотворна... Может быть, столь же беспомощен и сам контракт, подписанный Третьяковкой?

Это не первый случай немыслимо странных историй с зарубежными выставками, в которых участвует Третьяковка. На выставке Малевича в Нью-Йорке, куда были отправлены работы из третьяковского собрания, случилось скандальное происшествие, о котором у нас сочли нужным не писать. Нарушив священное музейное право, в отсутствие хранителя и реставратора, которые должны сопровождать коллекцию, произведения Малевича были расконвертированы (вскрыта упаковка, сорваны пломбы и сделана рентгенограмма). Для любого цивилизованного музея это просто плевок в душу. Третьяковка, кажется, утерлась. 22 ноября 1990 года, при отправке на выставку в Ленинград, опять-таки в отсутствие должностных лиц, в нарушение инструкции было порвано полотно В. М. Васнецова. По условиям контракта, Третьяковка, отправившая на выставку «Ландшафт и свет» в Швейцарию полотна Левитана и Поленова, получила жалкую подачку — 25 каталогов и возможность оформить выезд четырем сотрудникам. А срок пребывания картин на выставке был нарушен и увеличен до восьми месяцев. И так далее. (Эти факты взяты из официальной справки о результатах проверки деятельности и комплексной ревизии ВМО «ГТГ», проведенной комиссией Министерства культуры СССР и подписанной десятью специалистами.) Нам уже доводилось писать о том, как обдуманно рабо́тают коммерческие службы Русского музея. Может быть, эта печальная история заставит тех, кто отвечает в Третьяковке за заключение зарубежных контрактов, поучиться у коллег умению действовать профессионально?

Когда дело касается зарубежных контрактов, Третьяковка чаще всего оказывается в убытке. Данные о количестве бесконечных вояжей, не приносящих музею выгоды, тоже приведены в документах проверки, как и сведения о последствиях бесконечных накладок с реконструкцией галереи, погрязшей в гигантомании... Сколько раз обманывали Третьяковку зарубежные поставщики дорогого и, как часто выяснялось, ненужного валютного оборудования... Об этом уже не раз писали. И поэтому можно сделать вывод: история с картинами в Генуе не случайность, а результат полной некомпетентности руководителей галереи. Мы попросили высказаться профессора МГУ, доктора искусствоведения, председателя Ассоциации искусствоведов Александра Морозова, чье мнение выражает точку зрения большинства ведущих специалистов.

— За последние два года мы уже не раз выступали в печати по поводу состояния дел в Третьяковской галерее. Не буду говорить о разного рода скандалах, которые сотрясают коллектив музея. Только о принципиальном: долгие годы закрыта для отечественного зрителя главная коллекция национального русского искусства. Тем самым нанесен невосполнимый духовный ущерб обществу. И хотя реконструкция здания галереи пусть медленно, но продвигается, положение с музейной работой носит глубоко драматичный характер. Даже имеющиеся экспозиционные площади не используются хотя бы для фрагментарного показа основной коллекции. Да и научный, хранительский коллектив галереи к созданию новой экспозиции не готов.

Ситуация настолько критична, что летом прошлого года министр культуры СССР Н. Н. Губенко проводил специальное совещание по этому вопросу. После этого был создан новый Ученый совет, куда вошли независимые компетентные специалисты, способные содействовать решению научных проблем, стоящих перед Третьяковкой. Но вот уже многие месяцы при попустительстве Министерства культуры этот новый совет игнорируется дирекцией Третьяковки во главе с Ю. К. Королевым, занятой по преимуществу организацией коммерческих выставок.

Нет никаких гарантий, что при нынешней ориентации и стиле работы руководства Третьяковки трагедии, подобные той, что произошла в Генуе, не повторятся.

К сожалению, конъюнктурные манипуляции с коллекцией и с самой галереей национального искусства всегда были основными в деятельности Королева. Придя в Третьяковку в брежневскую эпоху, он искал официального успеха, предлагая залы галереи под выставки мастодонтов Академии художеств — Налбандяна, братьев Ткачевых и т. п. Или модных, в том числе и у властей, представителей массовой культуры типа Глазунова. С изменением политической ситуации выставочная политика галереи окрасилась в сугубо авангардные тона. Но в любом случае главным, на мой взгляд, остается конъюнктурная, коммерческая ориентация. В результате падает уровень искусствоведческой музейной работы. И до сих пор не сделано серьезных шагов, чтобы изменить положение дел.

Надеемся, что истинных ученых, еще остающихся в Третьяковке, эти мнения не могут обидеть. Но, чтобы читателю не показались слова о деградации научного коллектива преувеличением, приведем лишь один маленький отрывок из протокола совещания внутренней комиссии Третьяковки по валютным средствам от 13.02.91. Речь шла о неудачных контрактах, о скандале с Малевичем, который, кстати, так и не получил объяснения, и т. д. Вероятно, желая как-то оправдать эти неудачи, в разговор вступает **С. А. Филимошкин, зав. отделом новой техники:** «Недавно мы разговаривали с французами, и они сказали, что только одна выставка в мире была рентабельной, когда выставлялся портрет Мадонны с младенцем».

Л. И. Иовлева, зам. директора по науке: «Наве́рное, вы имеете в виду «Мону Лизу» Леонардо да Винчи?»

С. А. Филимошкин: «Да».

В. Я. Рафаенко, зав. отделом научной популяризации: «Но ребенка у нее не было».

Пожалуй, на этой анекдотичной ноте стоит закончить разговор о драматическом положении сегодняшней Третьяковки.

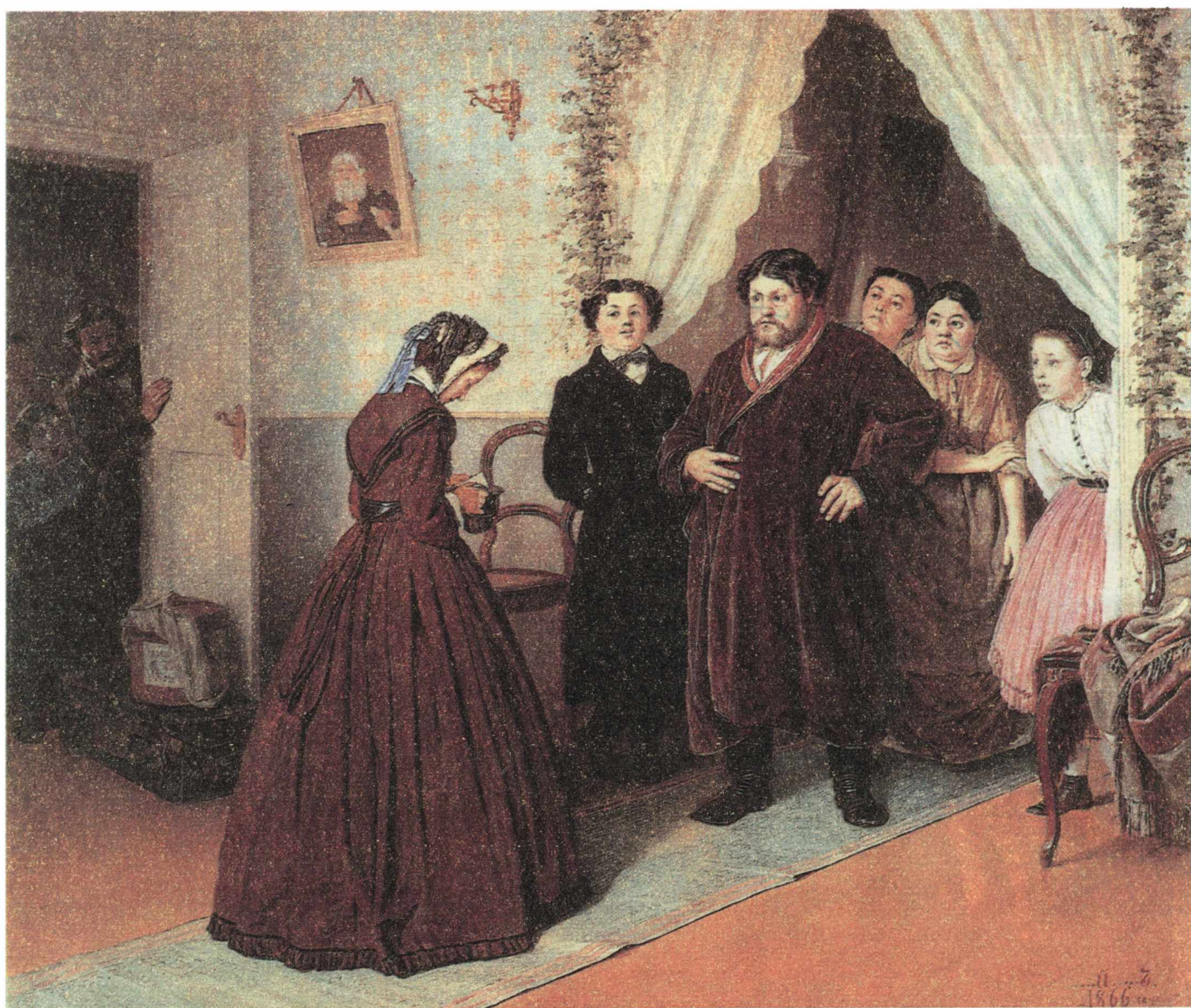
Материал подготовили
Н. ТРОЕПОЛЬСКАЯ,
Н. СЕМЕНОВА,
А. ТАРУНОВ.

ОГОНЁК

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ ПОЛОТНА

И. Репин. ОТДЫХ. (Портрет Веры Репиной, жены художника.) 1882.

В. Перов. ПРИЕЗД ГУВЕРНАНТКИ В КУПЕЧЕСКИЙ ДОМ. 1866.

М. Петров. ПАНСИОНЕРКИ. 1872.

Ф. Васильев. ЗАБРОШЕННАЯ МЕЛЬНИЦА. 1871—1873.

Еще недавно, буквально месяц назад, большинство этих картин, принадлежавших Третьяковской галерее, находились в международном розыске. По счастью, все закончилось более или менее благополучно: хоть и с повреждениями, хоть и в плачевном состоянии, требующем реставрации, но полотна найдены. Для нас это замечательный повод показать вам произведения, которые увидеть практически невозможно. Ведь основные фонды «Третьяковки» по-прежнему закрыты...

И. Репин. ПОРТРЕТ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА. 1874.

Фото
Бориса ЯКОВЛЕВА

Максим ГОРЬКИЙ

О РУССКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ

Публикация в этом номере (с сокращениями) брошюры Горького преследует цель не только закрыть очередное «белое пятно». Да, об этих мыслях Горького наш читатель не знал. Как и многие другие периода двадцатых годов, они оказались для советской власти «несвоевременными», причем навсегда. Но никого сейчас не удивить очередным «репринтом», перепечаткой. Как никогда прежде, прозвучало в этой статье «буревестника» тяжкое разочарование и в самой революции, а главное, в русском народе, ради которого эта революция осуществлялась. Для Горького, не расстававшегося с имиджем «выходца из народа», «народного писателя», судя по этой статье, оказались слиты воедино жестокость революции и жестокость народного характера. Для Бориса Можаева, его оппонента через семь десятилетий, которому мы предоставили слово на наших страницах, все по-другому. И в первую очередь его сомнения относятся к самой фигуре Горького. Остается надеяться, что статья М. Горького положит хотя бы временный, промежуточный предел этим спорам, что заблуждение, высказанное с такой силой, пролет наконец свет на истину.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

Люди, которых я привык уважать, спрашивают: что я думаю о России?

Мне очень тяжело все, что я думаю о моей стране, точнее говоря, о русском народе, о крестьянстве, большинстве его. Для меня было бы легче не отвечать на вопрос, но — я слишком много пережил и знаю для того, чтобы иметь право на молчание. Однако, прошу понять, что я никого не осуждаю, не оправдываю,— я просто рассказываю. в какие формы сложилась масса моих впечатлений. Мнение не есть осуждение, и если мои мнения окажутся ошибочными — это меня не огорчит.

* * *

В сущности своей всякий народ — стихия анархическая: народ хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей. Атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ. убеждает его в законности бесправия, в зоологической естественности анархизма. Это особенно плотно приложимо к массе русского крестьянства, испытавшего более грубый и длительный гнет рабства, чем другие народы Европы...

* * *

Человек Запада еще в раннем детстве, только что встав на задние лапы, видит всюду вокруг себя монументальные результаты труда его предков. От каналов Голландии до туннелей Итальянской Ривьеры и виноградников Везувия, от великой работы Англии и до мощных Силезских фабрик — вся земля Европы тесно покрыта грандиозными воплощениями организованной воли людей,— воли, которая поставила себе гордую цель: подчинить стихийные силы природы разумным интересам человека. Земля — в руках человека, и человек действительно владыка ее. Это впечатление всасывается ребенком Запада и воспитывает в нем сознание ценности человека, уважение к его труду и чувство своей личной значительности как наследника чудес труда и творчества предков.

Такие мысли, такие чувства и оценки не могут возникнуть в душе русского крестьянина. Безграничная плоскость, на которой тесно сгрудились деревянные, крытые соломой деревни, имеет ядовитое свойство опустошать человека, высасывать его желания. Выйдет крестьянин за пределы деревни, посмотрит в пустоту вокруг него и через некоторое время чувствует, что эта пустота влилась в душу ему...

* * *

...Технически примитивный труд деревни неимоверно тяжел, крестьянство называет его «страда» от глагола «страдать». Тяжесть труда, в связи с ничтожеством его результатов, углубляет в крестьянине инстинкт собственности, делая его почти не поддающимся влиянию учений, которые объясняют все грехи людей силою именно этого инстинкта.

Труд горожанина разнообразен, прочен и долговечен. Из бесформенных глыб мертвой руды он создает машины и аппараты изумительной сложности, одухотворенные его разумом, живые. Он уже подчинил своим высоким целям силы природы, и они служат ему, как джинны восточных сказок царю Соломону. Он создал вокруг себя атмосферу разума — «вторую природу», он всюду видит свою энергию воплощенной в разнообразии механизмов, вещей, в тысячах книг, картин, и всюду запечатлены величавые муки его духа, его мечты и надежды, любовь и ненависть, его сомнения и верования, его трепетная душа, в которой неугасимо горит жажда новых форм, идей, деяний и мучительное стремление вскрыть тайны природы, найти смысл бытия.

Будучи порабощен властью государства, он остается внутренно свободен — именно силою этой свободы духа он разрушает изжитые формы жизни и создает новые. Человек деяния, он создал для себя жизнь мучительно напряженную, порочную, но — прекрасную своей полнотой...

* * *

Был в России некто Иван Болотников, человек оригинальной судьбы: ребенком он попал в плен к татарам во время одного из их набегов на окраинные города Московского царства, юношей был продан в рабство туркам — работал на турецких галерах, его выкупили из рабства венецианцы и, прожив некоторое время в аристократической Республике Дожей, он возвратился в Россию.

Это было в 1606 году; московские бояре только что затравили талантливого царя Бориса Годунова и убили умного смельчака, загадочного юношу, который, приняв имя Дмитрия, сына Ивана Грозного, занял Московский престол и, пытаясь переборить азиатские нравы москвитян, говорил в лицо им:

«Вы считаете себя самым праведным народом в мире, а вы — развратны, злобны, мало любите ближнего и не расположены делать добро».

Его убили, был выбран в цари хитрый, двоедушный Шуйский, князь Василий, явился второй самозванец, тоже выдававший себя за сына Грозного, и вот в России началась кровавая трагедия политического распада, известная в истории под именем «Смуты». Иван Болотников пристал ко второму самозванцу, получил от него право команды небольшим отрядом сторонников самозванца и пошел с ними на Москву, проповедуя холопам и крестьянам:

«Бейте бояр, берите их жен и все достояние их. Бейте торговых и богатых людей, делите между собой их имущество».

Эта соблазнительная программа примитивного коммунизма привлекла к Болотникову десятки тысяч холопов, крестьян и бродяг, они неоднократно били войска царя Василия, вооруженные и организованные лучше их; они осадили Москву и с великим трудом были отброшены от нее войском бояр и торговых людей. В конце концов, этот первый мощный бунт крестьян был залит потоками крови, Болотникова взяли в плен, выкололи ему глаза и утопили его.

Имя Болотникова не сохранилось в памяти крестьянства, его жизнь и деятельность не оставила по себе ни песен, ни легенд. И вообще в устном творчестве русского крестьянства нет ни слова о десятилетней эпохе — 1602—1613 гг.— кровавой смуты, о которой историк говорит, как о «школе своеволъства, безначалия, политического неразумия, двоедушия, обмана, легкомыслия и мелкого эгоизма, неспособного оценить общих нужд». Но все это не оставило никаких следов ни в бытие, ни в памяти русского крестьянства.

В легендах Италии сохранилась память о фра Дольчино, чехи помнят Яна Жижку, так же, как крестьяне Германии Томаса Мюнцера, Флориана Гейера, а французы — героев и мучеников «Жакерии», и англичане имя Уота Тайлера — обо всех этих людях в народе остались песни, легенды, рассказы. Русское крестьянство не знает своих героев, вождей, фанатиков любви, справедливости, мести.

* * *

Жестокость — вот что всю жизнь изумляло и мучило меня. В чем, где корни человеческой жестокости? Я много думал над этим и — ничего не понял, не понимаю.

Давно когда-то я прочитал книгу под зловещим заглавием: «Прогресс как эволюция жестокости».

Автор, искусно подобрав факты, доказывал, что с развитием прогресса люди все более сладострастно мучают друг друга и физически, и духовно. Я читал эту книгу с гневом, не верил ей и скоро забыл ее парадоксы.

Но теперь, после ужасающего безумия европейской войны и кровавых событий революции — теперь эти едкие парадоксы все чаще вспоминаются мне. Но — я должен заметить, что в русской жестокости эволюции, кажется. нет. формы ее, как будто, не изменяются.

Летописец начала XVII века рассказывает, что в его время так мучили: «насыпали в рот пороху и зажигали его, а иным набивали порох снизу, женщи-

нам прорезывали груди и, продев в раны веревки, вешали на этих веревках».

В 18 и 19 годах то же самое делали на Дону и на Урале: вставив человеку — снизу — динамитный патрон, взрывали его...

Можно допустить, что на развитие затейливой жестокости влияло чтение житий святых великомучеников — любимое чтение грамотеев в глухих деревнях.

Если бы факты жестокости являлись выражением извращенной психологии единиц,— о них можно было не говорить, в этом случае они материал психиатра, а не бытописателя. Но я имею в виду только коллективные забавы муками человека.

В Сибири крестьяне, выкопав ямы, опускали туда — вниз головой — пленных красноармейцев, оставляя ноги их — до колен на поверхности земли; потом они постепенно засыпали яму землею, следя по судорогам ног, кто из мучимых окажется выносливее, живучее, кто задохнется позднее других.

Забайкальские казаки учили рубке молодежь свою на пленных.

В Тамбовской губернии коммунистов пригвождали железнодорожными костылями в левую руку и в левую ногу к деревьям на высоте метра над землею и наблюдали, как эти — нарочито неправильно распятые люди — мучаются.

Кто более жесток: белые или красные? Вероятно — одинаково, ведь и те, и другие — русские. Впрочем, на вопрос о степенях жестокости весьма определенно отвечает история: наиболее жесток — наиболее активный...

* * *

Думаю, что нигде не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне, и, вероятно, ни в одной стране нет таких вот пословиц-советов: «Бей жену обухом, припади да понюхай — дышит? — морочит, еще хочет». «Жена дважды мила бывает: когда в дом ведут, да когда в могилу несут». «На бабу да на скотину суда нет». «Чем больше бабу бьешь, тем щи вкуснее»...

Вообще в России очень любят бить, все равно — кого. «Народная мудрость» считает битого человека весьма ценным: «За битого двух небитых дают, да и то не берут».

Есть даже поговорки, которые считают драку необходимым условием полноты жизни.

«Эх, жить весело, да — бить некого».

Я спрашивал активных участников гражданской войны: не чувствуют ли они некоторой неловкости, убивая друг друга?

Нет, не чувствуют.

«У него — ружье, у меня — ружье, значит — мы равные, ничего, побьем друг друга — земля освободится».

Однажды я получил на этот вопрос ответ крайне оригинальный, мне дал его солдат европейской войны, ныне он командует значительным отрядом красной армии.

— Внутренняя война — это ничего! А вот против чужих — трудное дело для души. Я вам, товарищ, прямо скажу: русского бить легче. Народу у нас много, хозяйство у нас плохое; ну, сожгут деревню — чего она стоит! Она и сама сгорела бы в свой срок. И, вообще, это наше внутреннее дело, вроде маневров, для науки, так сказать. А вот когда я в начале той войны попал в Пруссию — Боже, до чего жалко было мне тамошний народ, деревни ихние, города и вообще хозяйство! Какое величественное хозяйство разоряли мы по неизвестной причине! Тошнота!.. Когда меня ранили, так я почти рад был — до того тяжело смотреть на безобразие жизни...

Это говорит человек, по-своему гуманный, он хорошо относится к своим солдатам, они, видимо, уважают и даже любят его, и он любит свое военное дело.

Я попробовал рассказать ему кое-что о России, о ее значении в мире — он слушал меня задумчиво, покуривая папиросу, потом глаза у него стали скучные, вздохнув, он сказал:

— Да, конечно, держава была специальная, даже вовсе необыкновенная, ну, а теперь, по-моему, окончательно впала в негодяйство!

Мне кажется, что война создала немало людей, подобных ему, и что начальники бесчисленных — и бессмысленных — банд люди этой психологии.

* * *

Говоря о жестокости, трудно забыть о характере еврейских погромов в России. Тот факт, что погромы евреев разрешались имевшими власть злыми идиотами — никого и ничего не оправдывает. Разрешая бить и грабить евреев, идиоты не внушали сотням погромщиков: отрезайте еврейкам груди, бейте их детей, вбивайте гвозди в черепа евреев — все эти кровавые мерзости надо рассматривать, как «проявление личной инициативы масс».

Но где же — наконец — тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века?

В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и — не нашел его. Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который — когда это выгодно ему — прекрасно умеет показать себя простаком. По природе своей он не глуп и сам хорошо знает это... Люди — особенно люди города — очень мешают ему жить, он считает их лишними на земле, буквально удобренной потом и кровью его, на земле, которую он мистически любит, непоколебимо верит и чувствует, что с этой землей он крепко спаян плотью своей, что она его кровная собственность, разбойнически отнятая у него. Он задолго раньше лорда Байрона знал, что «пот крестьянина стоит усадьбы помещика». Литература народолюбцев служила целям политической агитации и поэтому идеализировала мужика. Но уже в конце XIX столетия отношение литературы к деревне и крестьянину начало решительно изменяться, стало менее жалостливым и более правдивым. Начало новому взгляду на крестьянство положил Антон Чехов рассказами «В овраге» и «Мужики»...

* * *

Существует мнение, что русский крестьянин как-то особенно глубоко религиозен. Я никогда не чувствовал этого, хотя, кажется, достаточно внимательно наблюдал духовную жизнь народа. Я думаю, что человек безграмотный и не привыкший мыслить, не может быть истинным теистом или атеистом и что путь к твердой, глубокой вере лежит через пустыню неверия. (...)

Беседуя с верующими крестьянами, присматриваясь к жизни различных сект, я видел прежде всего органическое, слепое недоверие к поискам мысли, к ее работе, наблюдал умонастроение, которое следует назвать скептицизмом невежества.

В стремлении сектантов обособиться, отойти в сторону от государственной церковной организации мною всегда чувствовалось отрицательное отношение не только к обрядам и — всего меньше — к догматам, а вообще к строю государственной и городской жизни. В этом отрицании я не мог уловить какой-либо оригинальной идеи, признаков творческой мысли, искания новых путей духа...

Мне кажется, что революция вполне определенно доказала ошибочность убеждения в глубокой религиозности крестьянства в России...

Когда провинциальные советы вскрывали «нетленные», высоко чтимые народом мощи — народ отнесся и к этим актам совершенно равнодушно, с молчаливым, тупым любопытством. Вскрытия мощей производились крайне бестактно и часто в очень грубых формах — с активным участием инородцев, иноверцев, с грубым издевательством над чувствами верующих в святость и чудотворную силу мощей. Но — и это не возбудило протестов со стороны людей, которые еще вчера преклонялись перед гробницами «чудотворцев»...

— Это хорошо сделано — одним обманом меньше.— Но затем у них являются такие мысли — я воспроизвожу их буквально, как они записаны мною.

— Теперь, когда монастырские фокусы открыты,— докторов надо пощупать и разных ученых — их дела открыть народу.

Нужно было долго убеждать моего собеседника, чтобы он объяснил смысл своих слов. Несколько смущаясь, он сказал:

— Конечно, вы не верите в это... А говорят, что теперь можно отравить ветер ядом и — конец всему живущему, и человеку, и скоту. Теперь — все озлобились, жалости ни в ком нет...

Другой крестьянин, член уездного совета, называющий себя коммунистом, еще более углубил эту тревожную мысль.

— Нам никаких чудес не надо. Мы желаем жить при ясном свете, без опасений, без страха. А чудес затеяно — много. Решили провести электрический свет по деревням, говорят: пожаров меньше будет. Это — хорошо, дай Бог! Только, как бы ошибок не сделали, повернут какой-нибудь винтик не в ту сторону и — вся деревня вспыхнула огнем. Видите, чего опасно? К этому скажу: городской народ — хитер, а деревня дура, обмануть ее легко. А тут — затеяно большое дело. Солдаты сказывали, что на войне электрическим светом целые полки убивали.

Я постарался рассеять страхи Калибана — и услышал от него разумные слова:

— Один все знает, а другой — ничего; в этом и начало всякого горя. Как я могу верить, ежели ничего не знаю?

Жалобы деревни на свою темноту раздаются все чаще, звучат все более тревожно. Сибиряк, энергичный парень, организатор партизанского отряда в тылу Колчака, угрюмо говорит:

— Не готов наш народ для событий. Шатается туда и сюда, слеп разумом. Разбили мы отряд колчаковцев, три пулемета отняли, пушечку, обозишко небольшой, людей перебили с полсотни у них, сами потеряли семьдесят одного, сидим, отдыхаем, вдруг ребята мои спрашивают меня: а что, не у Колчака ли правда-то? Не против ли себя идем?* Да и сам я иной день как баран живу — ничего не понимаю. Распря везде! Мне доктор один в Томске — хороший человек — говорил про вас, что вы еще с девятьсот пятого года японцам служите за большие деньги. А один пленный, колчаковский солдат из матросов, раненный, доказывал нам, что Ленин немцам на руку играет. Документы у него были, и доказано в них, что имел Ленин переписку о деньгах с немецкими генералами. Я велел солдата расстрелять, чтобы он народ не смущал,— а все-таки долго на душе неспокойно было. Ничего толком не знаешь — кому верить? Все против всех. И себе верить боязно.

Не мало бесед вел я с крестьянами на разные темы, и в общем они вызвали у меня тяжелое впечатление: люди много видят, но — до отчаяния мало понимают. В частности, беседы о мощах показали мне, что вскрытый обман церкви усилил подозрительное и недоверчивое отношение деревни к городу. Не к духовенству, не к власти, а именно к городу как сложной организации хитрых людей, которые живут трудом и хлебом деревни, делают множество бесполезных крестьянину вещей, всячески стремятся обмануть его и ловко обманывают.

Работая в комиссии по ликвидации безграмотности, я беседовал однажды с группой подгородних петербургских крестьян на тему об успехах науки и техники.

— Так,— сказал один слушатель, бородатый красавец,— по воздуху галками научились летать, под водой щуками плаваем, а на земле жить не умеем. Сначала-то на земле надо бы твердо устроиться, а на воздух — после. И денег бы не тратить на эти забавки!

Другой сердито добавил:

— Пользы нам от фокусов этих нет, а — расход большой и людьми, и деньгами. Мне подковы надо, топор, у меня гвоздей нет, а вы тут на улицах памятники ставите — баловство это!

— Ребятишек одеть не во что, а у вас везде флаги болтаются...

И в заключение, после длительной, жестокой критики городских «забавок», бородатый мужик сказал, вздыхая:

— Если бы революцию мы сами делали — давно бы на земле тихо стало и порядок был бы...

Иногда отношение к горожанам выражается в такой простой, но радикальной форме:

— Срезать надо с земли всех образованных, тогда нам, дуракам, легко жить будет, а то — замаяли вы нас!

В 1919 году милейший деревенский житель покойно разул, раздел и вообще обобрал горожанина, выманивая у него на хлеб и картофель все, что нужно и не нужно деревне.

Не хочется говорить о грубо насмешливом, мстительном издевательстве, которым деревня встречала голодных людей города...

Один инженер, возмущенный отношением крестьян к группе городских жителей, которые приплелись в деревню под осенним дождем и долго не могли найти места, где бы обсушиться и отдохнуть,— инженер, работавший в этой деревне на торфу, сказал крестьянам речь о заслугах интеллигенции в истории политического освобождения народа. Он получил из уст русоволосого, голубоглазого славянина сухой ответ:

— Читали мы, что действительно ваши довольно пострадали за политику, только ведь это вами же и писано. И ведь вы по своей воле на революцию шли, а не по найму от нас — значит, мы за горе ваше не отвечаем — за все Бог с вами рассчитается...

Я не привел бы этих слов, если бы не считал их типичными — в различных сочетаниях я лично слыхал их десятки раз.

Но необходимо отметить, что унижение хитроумного горожанина перед деревней имело для нее очень серьезное и поучительное значение: деревня хорошо поняла зависимость города от нее, до этого момента она чувствовала только свою зависимость от города.

* * *

В России — небывалый, ужасающий голод, он убивает десятки тысяч людей, убьет миллионы. Эта драма возбуждает сострадание даже у людей, относящихся враждебно к России, стране, где, по словам одной американки, «всегда холера или революция». Как относится к этой драме русский, сравнительно пока еще сытый, крестьянин?

— «Не плачут в Рязани о Псковском неурожае»,— отвечает он на этот вопрос старинной пословицей.

— «Люди мрут — нам дороги трут»,— сказал мне старик новгородец, а его сын, красавец, курсант военной школы, развил мысль отца так:

— Несчастье — большое, и народу вымрет много. Но — кто вымрет? Слабые, трепанные жизнью; тем, кто жив останется, в пять раз легче будет.

Вот голос подлинного русского крестьянина, которому принадлежит будущее. Человек этого типа рассуждает спокойно и весьма цинично, он чувствует свою силу, свое значение...

— Мужик как лес: его и жгут, и рубят, а он самосевом растет да растет,— говорил мне крестьянин, приехавший в сентябре из Воронежа в Москву за книгами по вопросам сельского хозяйства.— У нас не заметно, чтоб война убавила народу. А теперь вот, говорят, миллионы вымрут,— конечно, заметно станет. Ты считай хоть по две десятины на покойника — сколько освободится земли? То-то. Тогда мы такую работу покажем — весь свет ахнет. Мужик работать умеет, только дай ему — на чем. Он забастовок не устраивает — этого земля не позволяет ему!..

Очень любопытную систему областного хозяйства развивал передо мной один рязанец:

— Нам, друг, больших фабрик не надо, от них только бунты и всякий разврат. Мы бы так устроились: сукновальню, человек на сто рабочих, кожевню — тоже не большую, и так все бы маленькие фабрики, да подальше одна от другой, чтобы рабочие-то не скоплялись в одном месте, и так бы потихоньку, всю губернию обстроить небольшими заводиками, а другая губерния — тоже так. У каждой — все свое, никто ни в чем не нуждается. И рабочему сытно жить и всем — спокойно. Рабочий — он жадный, ему все подай, что он видит, а мужик — малым доволен...

— Многие ли думают так? — спросил я...

— Думают некоторые, кто поумнее.

— Рабочих-то не любите?

— Зачем? Я только говорю, что беспокойный это народ, когда в большом скоплении он. Разбивать их надо на малые артели, там сотня, тут сотня...

А отношение крестьян к коммунистам — выражено, по моему мнению, всего искреннее и точнее в совете, данном односельчанами моему знакомому крестьянину, талантливому поэту:

— Ты, Иван, смотри, в коммуну не поступай, а то мы у тебя и отца и брата зарежем, да — кроме того — и соседей обоих тоже.

— Соседей-то за что?

— Дух ваш искоренять надо.

Открытки из коллекции Георгия ГЛЕЗЕРА

* **В Сибири, в Кустанае, отряд крестьян-партизан переходил от большевиков к Колчаку и обратно двадцать один раз.**

* * *

Какие же выводы делаю я?

Прежде всего: не следует принимать ненависть к подлости и глупости за недостаток дружеского внимания к человеку, хотя подлость и глупость не существуют вне человека. Я очертил — так, как я ее понимаю, среду, в которой разыгралась и разыгрывается трагедия русской революции. Это — среда полудиких людей.

Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа.

Когда в «зверстве» обвиняют вождей революции — группу наиболее активной интеллигенции — я рассматриваю эти обвинения как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий, или — у людей честных — как добросовестное заблуждение...

Не отрицаю, что политики наиболее грешные люди из всех окаянных грешников земли, но — это потому, что характер деятельности неуклонно обязывает их руководствоваться иезуитским принципом «цель оправдывает средство».

Но люди искренно любящие и фанатики идеи нередко сознательно искажают душу свою ради блага других. Это особенно приложимо к большинству русской активной интеллигенции — она всегда подчиняла вопрос качества жизни интересам и потребностям количества первобытных людей.

Тех, кто взял на себя каторжную, Геркулесову работу очистки Авгиевых конюшен русской жизни, я не могу считать «мучителями народа», с моей точки зрения они — скорее жертвы...

Теперь можно с уверенностью сказать, что ценою гибели интеллигенции и рабочего класса русское крестьянство ожило.

Да, это стоило мужику дорого, и он еще не все заплатил, трагедия не кончена. Но революция, совершенная ничтожной — количественно — группой интеллигенции, во главе нескольких тысяч воспитанных ею рабочих, эта революция стальным плугом взбороздила всю массу народа так глубоко, что крестьянство уже едва ли может возвратиться к старым, в прах и навсегда разбитым формам жизни; как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — все те; почти страшные люди, о которых говорилось выше, и место их займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей.

На мой взгляд, это будет не очень «милый и симпатичный русский народ», но это будет — наконец — деловой народ, недоверчивый и равнодушный ко всему, что не имеет прямого отношения к его потребностям.

Он не скоро задумается над теорией Эйнштейна и научится понимать значение Шекспира или Леонардо да Винчи, но, вероятно, он даст денег на опыты Штейнаха и, несомненно, очень скоро усвоит значение электрификации, ценность ученого агронома, полезность трактора, необходимость иметь в каждом селе хорошего доктора и пользу шоссе.

У него разовьется хорошая историческая память и, памятуя свое недавнее мучительное прошлое, он — на первой поре строительства новой жизни — станет относиться довольно недоверчиво, если не прямо враждебно, к интеллигенту и рабочему, возбудителям различных беспорядков и мятежей.

И город, неугасимый костер требовательной, все исследующей мысли, источник раздражающих, не всегда понятных явлений и событий, не скоро заслужит справедливую оценку со стороны этого человека, не скоро будет понят им как мастерская, где непрерывно вырабатываются новые идеи, машины, вещи, назначение которых — облегчить и украсить жизнь народа.

Вот схема моих впечатлений и мыслей о русском народе.

Борис МОЖАЕВ

Я ТЕРЯЮСЬ...

Эту статью я прочел впервые в прошлом году и ответил на нее двумя очерками: «Мужик» и «Без раскаяния нет прощения».

Критиковал ли я статью эту?

Да. Но слегка, полагая при этом, что исторические факты, приводимые мною, опрокидывают вздорный вымысел людей определенной категории, пытающихся свалить всю вину за большевистскую жестокость на русское крестьянство.

Не то чтобы Горький смешивал большевиков и крестьян, нет! Перекладывая грехи одних на плечи других, он пытался выделить из общей массы народа интеллигента и рабочего, выдавать их за «соль земли», а прочий народ оглупить и принизить. Прием нехитрый и даже примитивный...

Вот, извольте удостовериться:

«Это было в 1606 году: московские бояре только что **затравили талантливого царя Бориса Годунова** и убили умного **смельчака, загадочного** юношу, который, приняв имя Дмитрия, сына Ивана Грозного, занял московский престол и, пытаясь **перебороть азиатские нравы москвитян,** говорил в лицо им:

«Вы считаете себя самым **праведным народом в мире,** а вы развратны, злобны, мало любите ближнего и не расположены делать добро».

Не знаю, как заграничный читатель, для которого была написана статья, воспринял этот пассаж, а наш усмехнется. Смешно, не правда ли? Смахивает на цитирование изречений Смердякова? Помните, как этот персонаж, рассуждая, сожалеет, что нас, «темных» да «глупых», не завоевали «культурные» да «умные» французы...

Темные мы темные и есть... «Талантливого» царя Бориса сравниваем с жестоким и хитрым царем Иродом, «умного смельчака, загадочного юношу» называем самозванцем и вором, а главный наш грех — «злобны», мало любим «ближнего», «не расположены делать добро». Н-да... Прав Смердяков, прав... Куда уж дальше... ежели его точку зрения разделяет сам товарищ Горький.

Эта смердяковщина так и хлещет со страниц объемной статьи Горького: «В русской жестокости чувствуется дьявольская изощренность, в ней есть нечто **тонкое, изысканное...**» (не хватает еще — «изячного»). «Можно допустить, что на развитие затейливой жестокости влияло **чтение житий святых великомучеников...**» Бедные святые! И тут вас притянули за уши. «В Сибири крестьяне, выкопав ямы, опускали туда — вниз головой — пленных красноармейцев...» «В Тамбовской губернии коммунистов пригвождали железнодорожными костылями в левую руку и в левую ногу». «Кто более жесток: белые или красные?» — вопрошает буревестник революции и сам отвечает: «Вероятно, одинаково, ведь и те, и другие — русские...»

Ага! И Свердлов с Якиром — палачи казачества — были русские? А Бела Кун и Орджоникидзе — тоже русские? И обер-палачи ЧК Дзержинский и Лацис — тоже русские? Будет уж тень на плетень наводить...

Да, в Тамбовской губернии коммунистов не жалели. А коммунисты жалели крестьян? А расстрелы заложников — женщин, стариков и детей? Уничтожение сел и деревень огнем и мечом?! Эта дьявольская выдумка Тухачевского, превращенная затем в «теорию выжженной земли»! А концлагеря за колючей проволокой под открытым небом, в осеннюю да в зимнюю стужу? Или и там по национальному признаку людей подбирали? Нет, брат, там, за колючей проволокой, был интернационал. Произвол в России никогда не имел национальной окраски.

И прав собеседник Горького, мужик из красных командиров, сказавший о стране, погруженной в пучину гражданской войны:

«— Да, конечно, держава была специальная, даже вовсе необыкновенная, ну а теперь, по-моему, окончательно впала в негодяйство».

А создали это «негодяйство» прежде всего коммунисты — вот чего Горький не может, а точнее, не хочет понять.

О еврейских погромах в России... И тут Горький врет; говоря о зверствах при погромах, он патетически вопрошает: «Но где же — наконец — тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века?»

Ответим: а там, где и положено ему быть,— в русских селах да деревнях, в которых, кстати, еврейских погромов не было. А начались они в Литве да в Польше, перекинулись частично на Украину и проходили в основном в городах. В Центральной России же их не было. Так-то...

В моем селе Пителине до революции жил и работал аптекарь Абрамсон. Был богат и уважаем. В 1918 году уехал в Германию не от еврейских погромов, а от правления большевиков. И во время известного крестьянского восстания в 1930 году пителинские мужики не убивали евреев из районных начальников; убили одного, да и то русского — Горюнова.

По Горькому, типичный крестьянин отроду настроен против людей. «Люди — **особенно люди города** — очень мешают ему жить, он считает их **лишними на земле,** буквально удобренной потом и кровью его...»

Бред какой-то! Право же, я не знаю ни одного своего односельчанина, который в те времена, дореволюционные и в двадцатые годы, не связан был бы с городом. Один мой дед был астраханским лоцманом, еще в прошлом веке обслуживал корабли, проходившие из Каспия в Волгу; второй дед был черноморским моряком, грузчиком. Все мои дядья и отец ходили на шхунах, на пароходах, работали на заводах и на стройках. Но они оставались **крестьянами,** и в двадцатых годах почти все вернулись на землю. Семья моя, село мое, да и все окружающие села не исключение,— это типичные семьи в русских селах средней полосы: они были и рабочими, и крестьянскими одновременно. А были и торговые семьи, имели магазины, трактиры держали, чайные и пр. Русский человек центральной полосы России стоял одной ногой на земле, другой — в промысле или «в деле».

А вот что пишет Горький о вере: «Я думаю, что человек **безграмотный** и **не привыкший мыслить** не может быть истинным теистом или атеистом и что путь к твердой, глубокой вере лежит **через пустыню неверия...»**

Что за чушь? Хорошо известно, что великие пастыри Русской православной церкви с детских лет постигали глубину и животворящую силу православной веры. И как можно облыжно обзывать русского крестьянина двадцатых годов безграмотным человеком? По летней переписи 1917 года, проведенной Временным правительством, 75% мужского населения европейской части России было грамотным. А в 1927 году на XV съезде ВКП(б) Крупская жаловалась, что грамотность призывников в двадцать седьмом году значительно уступала грамотности призыва 1917 года. И говорила жена Ленина, что стыдно оттого, что за десять лет советской власти грамотность в стране значительно убавилась.

Неискренни и нечистоплотны рассуждения Горького и насчет заблуждений крестьянского ума: «...А что, не у Колчака ли правда-то? Не против ли себя идем? Да и сам я иной день как баран живу — ничего не понимаю. Распря везде»,— жалуется писателю один красный командир из мужиков...— «А один пленный, колчаковский солдат из матросов, раненный, доказывал нам, что Ленин немцам на руку играет. Документы у него были, и доказано в них, что имел Ленин переписку о деньгах с немецкими генералами... Ничего толком не знаешь — кому верить? Все против всех...»

И в ответ на эту душераздирающую исповедь писатель холодно резюмирует: «Немало бесед вел я с крестьянами на разные темы, и в общем они вызывали у меня тяжелое впечатление: люди много видят, но — до отчаяния мало понимают».

Право же, тут скорее поймешь и простишь мятущуюся душу крестьянина в шинели, чем самодовольный рык и плевок в его сторону маститого писателя. А как много доказательств трезвости и проницательности ума высказывали крестьяне ворчливому писателю.

«— Так,— сказал один слушатель,

бородатый красавец,— по воздуху галками научились летать, под водой щуками плаваем, а на земле жить не умеем. Сначала-то на земле надо бы твердо устроиться, а на воздух — после. И денег бы не тратить на эти забавы!

Другой сердито добавил:

— Пользы нам от фокусов этих нет, а — расход большой и людьми, и деньгами. Мне подковы надо, топор, у меня гвоздей нет, а вы тут на улице памятники ставите — баловство это!

— Ребятишек одеть не во что, а у вас везде флаги болтаются...»

Конечно, писатель Горький их осуждает, а мне грустно оттого, что как тогда, так и теперь мы не слушаем трезвых советчиков.

А какие мудрые советы дают эти мужики снисходительно внимающему писателю.

«— Нам, друг, больших фабрик не надо, от них только бунты и всякий разврат. Мы бы так устроились: сукновальню, человек на сто рабочих, кожевню — тоже небольшую, и так все бы маленькие фабрики, да подальше одна от другой, чтобы рабочие-то не скоплялись в одном месте, и так бы потихоньку, всю губернию обстроить небольшими заводишками...»

Вот вам блестяще развитая теория создания малых предприятий, высказанная задолго до их расцвета. Форд понял это и претворил в жизнь, а мыслитель Горький осудил...

Теперь, отнесенные семидесятилетним смерчем на край социальной пропасти, лихорадочно оглядываясь по сторонам, как преступники, мы с ужасом замечаем, что единственной опоры, на которую можно было бы опереться, чтобы не свалиться в бездну, той надежной скалы нашей государственности — нет — **ее сеятеля и хранителя** — уже нет. Он бездумно и безжалостно уничтожен был, размолот и распылен в прах жерновами революционно-бюрократического произвола. Теперь мы в отчаянии бормочем: где он? Кто виноват, что его нет?..

И Горького перечитываем с той же мыслью: что случилось? Почему нет нашего «сеятеля и хранителя»? Кто виноват в этом?

А сами и виноваты, кругом виноваты. Знали, что существует дьявольская система винтиков и колесиков, приводимая в движение сатаной с подручными, дабы перемолоть в прах краеугольные камни остойчивости человеческой личности: собственность, право на землю, а следственно, и право на независимость.

«Независимость — слово-то хоть и неважное, да вещь больно хорошая»,— писал Пушкин. И мы это знали, но покорно молчали, наблюдая, как железом и огнем искоренялась независимость «основного класса». Да, независимый человек неугоден для вселенских экспериментов по устроению всеобщего рая в беспраяности. Таким и был крестьянин, самый многолюдный класс на Руси. На него-то и обрушилась адская машина обесчеловечивания.

И Горький не только одобрял эту сатанинскую мясорубку, но и пытался свалить вину с больной головы на здоровую; оправдать палача и обвинить жертву. «**Жестокость форм революции** я объясняю исключительно **жестокостью русского народа**»,— писал он в своей статье. Поневоле вспомнишь ироническое замечание Пушкина: «Смотри, пожалуй, вздор какой!» Ну, а как объяснить жертвы французской революции? Тоже жестокостью народа? А ведь они были в пропорциональном отношении к населению не меньшими, чем у нас. После той революции и после наполеоновских войн, вызванных ею, более чем через полсотню лет средний рост французских солдат уступал среднему росту гренадеров дореволюционной поры.

А чем объяснить жестокость парагвайской революции и ее диктатора Франсия — верного ученика Робеспьера? Тоже жестокостью парагвайского народа? И эта революция обескровила народ и отбросила страну лет на сто в своем развитии.

А в Китае? И там народ виноват в «жестокости форм революции»? В 1949—1951 годах, живя в Китае, я достаточно насмотрелся и на «раскулачивания», и на «открытые судилища» с избиением публично «врагов народа», и на расстрелы за городской чертой посреди бела дня, и на осквернения трупов «врагов народа». Кто там виноват? Как объяснить «жестокость форм революции»? Вроде бы там без русского народа обошлись.

Я уж не говорю о полпотовском геноциде, уничтожившем почти одну треть населения Камбоджи.

Формула Горького — во всем виноват русский народ — смехотворна и лукава. За версту видно, что искал он не причины, объясняющие революционное насилие, а способ выгородить от осуждения за кровавые злодеяния своих знакомых и приятелей.

«Когда в «зверствах» обвиняют вождей революции — группу **наиболее активной интеллигенции**,— я рассматриваю эти обвинения как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий...»

«Активные», по Горькому,— это те, «кто взял на себя каторжную, Геркулесову работу очистки Авгиевых конюшен русской жизни, я не могу считать их «мучителями народа», с моей точки зрения, они — скорее жертвы».

Конечно, «вожди революции» ничего не ведали о расстреле невинных детей Романовых в подвале Ипатьевского дома, не знали о поголовном уничтожении детей, стариков, женщин в казачьих станицах во времена «расказачивания» на Дону, не ведали о массовых расстрелах в московских, петроградских подвалах ЧК, не знали и о зверствах усмирителей Тамбовского восстания и т. д. и т. п. Ну, ничего-то они не ведали, потому как сами «жертвы», то есть агнцы божие...

Впрочем, в своем писании Горький вполне допускал, что ведали «мучители народа», что творят, но все эти расстрелы, по Горькому, не преступный террор против мирного населения, а всего-то «Геркулесова работа» по «очистке Авгиевых конюшен русской жизни...».

Скажите мне, у какого еще народа в этом мире подлунном есть в школьных программах такой писатель, который оправдывал бы и освящал своим словом чудовищные преступления, совершенные против всей нации? Нет... В истории человеческой еще ни один писатель не совершил такого глумления над родом людским.

Вспомним, что написана была эта статья в 1922 году, не только в оправдание совершенных преступлений против российского народа, но и в поощрение грядущих, еще более свирепых расправ над невинными жертвами, представляющими все народы нашей страны. Прошли 1918, 1919, 1920, 1921 страшные годы... А там впереди еще страшнее — 1929, 1930, 1935, 1937, 1938, 1939 и иные годы. А вместе с ними всплывают и лица: Свердлов, Ленин, Сталин, Троцкий, Дзержинский, Ягода, Ежов, Берия... Да, страшна работа палача, набившего руку на невинных жертвах. Но как оценить освящение этого рода деятельности словом художника?! Кощунство? Святотатство?! Проповедь человеконенавистничества?! Ну, как еще? Я теряюсь...

Горький же находит очень простой выход, жестокий и циничный: «... как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — все те, почти страшные люди, о которых говорилось выше, и место их займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей».

Вот так ... радовался, что вымирали евреи, радуется, что вымрут и русские.

Да, вымерли, вернее, выморили. Пришли иные — с лицами ... «бодрых людей». Но ликовать по этому поводу не хочется... Тошно.

Ирина ПЕТРОВСКАЯ

ИГРА С ПРИВЕТОМ

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Так жить нельзя, но мы умудряемся. И кино еще снимаем, и фестивали устраиваем, да не просто фестивали, а неигрового кино — праздники для узкого круга посвященных, ибо что это за штука такая — «неигровое кино» — в представлении большинства обычных людей? Нечто вроде водки без градусов: разве бывает кино без игры, без роскошных актрис и мужественных актеров, без соучастия в чужой, красивой, яркой, так непохожей на твою собственную жизнь? Нынче и на игровое-то калачом не заманишь, может, лишь индийское пользуется пока устойчивым спросом. Какой же дурак добровольно, в свободное от поисков чего-нибудь съестного время пойдет смотреть на таких же несчастных, бесправных и полуголодных, как он сам?

В кинотеатре, где проходили конкурсные просмотры документальных фильмов, рядом со мной присела пожилая тетенька, перепутавшая, как вскоре выяснилось, залы. Поерзав и поозиравшись, она наконец довольно громко спросила: «А когда ж кино-то будут казать?» Настоящее кино, имела она в виду, про другую жизнь, где любят и страдают, иногда даже умирают, но понарошку. И это «понарошку» — тот спасательный круг, за который может ухватиться зритель, если переживание станет совсем уж нестерпимым. В неигровом кино не бывает «понарошку». Тут зрителя не щадят. Кому ж это понравится? И тетенька, моя случайная соседка, громко хлопнув креслом и возмущенно пыхтя, отправилась туда, где «кажут» настоящее кино.

В каком городе все это происходило? Тут, признáюсь, я испытываю некоторое затруднение.

«Через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту города Екатеринбурга,— объявила стюардесса.— Температура воздуха в Свердловске — четыре градуса выше нуля».

В аэропорту меня встречает машина, к боковому стеклу которой как опознавательный знак прилеплен плакатик с надписью: «Открытый фестиваль неигрового кино «Россия», Свердловск» (плакатики были отпечатаны раньше, чем переименовали город,— сокрушались устроители фестиваля, свердловчане. Пардон, екатеринбуржцы). На фестиваль я и прилетела, а в какой город и как его называть — сам черт не разберет. По внешнему облику — натуральный Свердловск. Те же, что и всюду, безликие здания типовой застройки, те же пустые магазины и мрачные лица. Яков Михайлович на улице имени себя, хищно оскалившись, изготовился к прыжку, да так и застыл в бронзе. Его же лик, одинаково ненавистный и русофилам, и русофобам,— на бронзовой стеле в центре города. И Владимир Ильич, верный друг и соратник, конечно, присутствует — зримо и незримо. На крышах трех одновременно домов гигантские буквы: «РОДИНЕ ЛЕНИНА СЛАВА!». Вот и гадай: то ли Екатеринбург — родина Ленина, то ли страна достойна славы потому лишь, что родила такого сына.

Лозунги, понятно, скоро снимут, и Ленин со Свердловым исчезнут с городских улиц, и гостиницу «Свердловск», в которой живем мы, участники и гости фестиваля, переименуют, во всяком случае, места массового поклонения уже изменились. Если раньше все фестивали начинались с торжественного возложения цветов к памятникам основателей и вождей, то теперь гостей везут к кресту, установленному там, где встретила свой смертный час царская семья. А взамен ритуальной экскурсии на гигант советской индустрии «Уралмаш» — ритуальная поездка к месту захоронения убиенных большевиками членов императорской фамилии, обнаруженному недавно.

Другое время — другие ритуалы и символы. А по сути — никакие «санкт» и «бурги» святости не прибавляют. Мы — такие. Иваны родства

не помнящие, по-большевистски круто отрекающиеся от своего прошлого и полагающие, что в отречении — залог светлого будущего. А оно, прошлое, в нас и с нами и всюду окрест. Оно на документальном киноэкране, представленное во множестве образов, судеб, лиц и ситуаций. В образе разрушенной, голодной, опустошенной России, живущей сегодня под лозунгом «Так жить нельзя, но мы умудряемся».

Известный кинорежиссер, снявший года два назад нашумевший фильм с тем же почти названием, с каким-то маниакальным упорством заклинает с телеэкрана и сегодня: «Нельзя, нельзя, нельзя!» Да сами уже знаем, что жизнь дается человеку только раз и прожить ее желательно т а м. Чтобы не было мучительно больно. Собственно, именно это и внушает нам С. Говорухин в своем фильме, стыкуя безрадостную совдейятельность с процветающей американо-немецкой, для пущей убедительности с выездом съемочной группы на зарубежную натуру. С тем же успехом мог и на другую планету слетать — сравнение было бы столь же некорректным. Слегка перефразируя бессмертный совет великого Мессира: сравнивай подобное с подобным.

Фестиваль неигрового кино позволяет сравнивать жизнь людей на Урале с жизнью им подобных на Алтае, в Сибири, Казахстане, в Поволжье.

«Живы будем!» — словно отвечает Говорухину новосибирский режиссер Ю. Шиллер. Так называется его фильм, снятый в сибирском поселке Мурлыткино. Тяжело живут здесь люди, ругают, как и всюду, Президента и советскую власть, простаивают часами у сельского магазинчика в ожидании хлеба и сахара. Безногий ветеран говорит, плача, страшные слова: «Знал бы, что так все будет, не с немцами бы воевал...» Белоголовый мальчишка рассказывает, что мужики у них в поселке работящие, с утра до ночи в поле — если, конечно, водки в магазин не завезли. Как завезут — прощай, работа, гуляют по нескольку суток. А выпьют все — и снова в поле. «Ужас! — завопит иной русский патриот, глядя на вереницу портретов, предстающих в фильме.— Погубили мужика-труженика, погубили русский народ!» Да ничего подобного! Люди радуются и любят, рожают детей, строят дома, растят хлеб, не очень-то задумываясь, можно так жить или нет. Живут, как живется, на гармошке играют, частушки поют и нас, рефлексирующих интеллигентов, подбадривают: «Живы будем». Не боись, мол, прорвемся.

Юрий Шиллер, как, впрочем, и Станислав Говорухин, не знает ответа на вопрос: как **надо** жить? (Ответа, похоже, не знает сегодня никто.) Он показывает, как **можно**, не предлагая зрителю готовых оценок и рецептов. Наверняка кому-то эта жизнь покажется убогой и лишенной высокого смысла. Ну и на здоровье! Искусство тем и привлекательно, что многозначно. Это раньше кинематографисты пичкали нас одномерными героями, словно сошедшими с плакатов. Документальное кино практически все годы советской власти было пропагандистским инструментом, с помощью которого творился великий миф «Эх, хорошо в стране Советской жить!». Зрители на много лет вперед возненавидели киножурналы и документальные фильмы, предварявшие показ художественных фильмов в кинотеатрах. Документальное кино шло в нагрузку к кино настоящему — как кисельный концентрат к вечно дефицитной тушенке. Самые умные, конечно, пережидали в буфете, входя в зал под оптимистический титр «Конец журнала». Большинство же, опасаясь не найти своего кресла во время короткой паузы, терпело принудительное кормление.

Не простившие унижения обязаловкой и инсценированной сказкой, выдаваемой за быль, зрители с тех пор не жалуют документальное кино. Обидно. Оно давно изменилось, как изменились и нынешние киногерои. Многие из них по прежним идеологическим меркам спокойно могли угодить в «Фитиль», а то и на районный стенд «Не проходите мимо». По одной причине: не вписывались бы в ту, строго регламентированную жизнь.

Герой фильма «Повелитель мух» (Гран-при фестиваля, «Казахфильм») дед Кирилл, в прошлом крупный начальник, решил на старости лет облагодетельствовать человечество, избавив его... от мух. Идея гениально проста и столь же гениально бессмысленна: во двор к деду Кириллу свозят и сносят падаль со всей округи (действие происходит под городом Гурьевом, где летом бывает сорок градусов в тени). Мириады мух, привлеченные «соблазнительным» запахом, слетаются туда и откладывают личинки в чанах с разлагающейся падалью, специально расставленных по всему двору. Личинки превращаются в опарышей, и тогда рачительный хозяин пускает поживиться кур, в ненасытном чреве которых находят свою погибель будущие мухи. Так можно решить и другую, не менее важную проблему — продовольственную, убежден дед-реформатор. На зиму он консервирует до 500 килограммов червей, так что курочки его всегда сыты и довольны. Доволен и дед: взрослые мухи, мухи-родители, от холода погибнут сами, а их детенышей он уничтожает, что называется, в зародыше.

Сумасшедший, чудик? Вовсе нет. Вполне подкованный дед, свободно цитирующий Декарта, Сервантеса, Надсона, рассуждающий здраво и парадоксально. «Мой двор,— говорит,— идеальный прообраз государства». В этом «государстве» живут собаки, кошки, кролики, куры, даже орел. У каждого из обитателей «скотского хутора» — своя функция. Собаки стерегут двор. Кошки отгоняют чужих кошек, дабы те не покусились на кроликов и кур. Куры, как вы помните, уничтожают червей. И все живут в полном согласии друг с другом и в строгом подчинении своему повелителю. «Я в своем дворе бог,— довольно улыбаясь, признается дед Кирилл.— Демократия возможна лишь при жесткой дисциплине, когда не подвергают сомнению право верховного правителя карать и миловать».

Смотришь фильм — то смешно, то жутко. А главное, никак не удается решить извечный вопрос, навеянный многолетним воспитанием в духе соцреализма: положительный герой дед Кирилл или отрицательный? Пожалуй, положительный, думаешь поначалу, когда наблюдаешь, как заботится он о своих подопечных, лечит, кормит, ласкает. Нет, отрицательный, вдруг спохватываешься, когда видишь, как в подсобке, ласково прозванной «крематорием», разделывает он туши собак, которых постигла «высочайшая» кара, чтобы их же мясом накормить других собак, заслуживших право на жизнь («Главное, запах консервой отбить, и ничего — едят»), а при этом философствует, мечтает: дескать, сколько бесхозного мяса по всей стране можно найти. И запустить в мухотрон. Знает дед, и как прекращать национальные конфликты, бунты всякие. Высыпать с самолета несколько тонн личинок и червей — жизнь остановится, город парализован будет. Какие тогда бунты да конфликты?

Может, все же сумасшедший? Да нет же, типичный гомо советикус, реализующийся в безумной, бессмысленной деятельности, отдающий всего себя абсурдной идее, живущий в чудовищной, иррациональной среде. Временами не выдерживаешь и отводишь глаза от сочно и натуралистично снятых «плодов» его деятельности. Зрителя тошнит, а деду Кириллу хоть бы хны. За идею не зазорно потерпеть тлен, и вонь, и презрение соседей. А наградой за труды тяжкие будет счастье человечества, избавленного от мух. Человечество, правда, об этом не просило. Но таковы уж они, борцы за светлое будущее,— лучше знают, в чем наше счастье.

Фестиваль идет своим ходом, с утра до ночи смотрю кино. И вдруг ловлю себя на мысли, что почти все герои показанных фильмов — как бы это помягче сказать — немножко того, с приветом. И вот уже выстраивается целый ряд странных людей. И хочется увидеть обыкновенных, занятых нормальным и реальным делом. А их-то и нет. Куда подевались жизнерадостные герои киножурналов прошлых лет? Черт их знает, куда. Может, их и не было на самом-то деле? А может, превратились в нынешних чудиков? Потому и выжили и жить умудряются, что слегка сдвинулись. Тот же дед Кирилл в 50-х годах работал начальником крупной геологоразведочной экспедиции. Вполне мог попасть в тогдашнюю кинохронику.

Следующий персонаж в этой диковатой галерее героев нашего времени — спившийся работяга Никола («Никола-работник», Свердловское ТВ). Если дед Кирилл кормит собак собачьим же мясом, то Никола собак ест сам — этот доступный народный метод самолечения подсказали ему, когда он в армии заболел чахоткой. За дедом собаки стаей ходят, в рот ему смотрят, а от Николы шарахаются, как от чумы, чуя свою возможную погибель. Всю жизнь Никола вкалывает: бабкам в деревне печки складывает (лучшего печника нет во всей округе), заборы чинит, крыши латает. За работу бабки картошкой жареной угощают — больше в деревне жрать нечего — и выпить подносят. Выпьет Никола и идет с песней по деревне. Такая у него жизнь. Дурацкая, скажете вы? А он почему-то доволен. И люди его любят и ценят: добрый, отзывчивый, работящий, незлобивый. Авторы фильма не ужасаются, не осуждают, не воспитывают своего героя, только слушают да пивка подносят. Он им такой интересен. Никола рад жизни, как дару небесному: мог помереть в двадцать лет, а выжил. И живет. Счастье. У каждого — свое.

Мучительно ищет счастья молодая женщина Наташа, героиня фильма «Я ехала домой» (Екатеринбургская киностудия). Дома, в деревне, живут ее пожилые родители и заброшенный блудной мамашей, полагающей, что настоящее счастье водится в больших городах, маленький сын Борька. Он ждет маму, а мама ждет большой и светлой любви. Не получается. Но каждый раз хочется верить: вот оно, настоящее. Так и мотается по жизни, неприкаянная и счастливая от ерунды, играя и придумывая собственную жизнь. Играя, отмечу, вполне талантливо, так что и отличить порой невозможно: где игра, а где подлинное чувство и страдание.

Впрочем, психологи утверждают, что человек играет всегда. Тем более — перед кинокамерой. Так что неигрового кино в природе не существует. Его герои играют себя в предлагаемых обстоятельствах. Может, так оно и есть. И все же именно в неигровом кино возникает ощущение, что человек на твоих глазах живет, мыслит, страдает, будто забывая о кинокамере и присутствии чужих людей. Чувствуя (возможно, впервые за всю жизнь) неподдельный интерес к себе, люди становятся естественными. И тогда из ничего, из кусочка простой, часто даже грубой жизни получается искусство.

Кажется, уже доказано: политик всегда играет, он просто не может позволить себе быть самим собой. Разрушение сложившегося имиджа может дорого обойтись политическому лидеру. Александр Сокуров в фильме «Пример интонации» блистательно опровергает все эти постулаты.

Его герой — Борис Ельцин. Фильм был показан вне конкурса — и это правильно. Сама личность Ельцина, его популярность и сегодняшнее общественное положение могли предопределить победу фильма на фестивале, проходящем почти что на родине героя. (Боюсь, что преемники культовых традиций в скором времени начнут борьбу за переименование Екатеринбурга в Ельцинград, а в гигантском лозунге, простирающемся аж на три крыши, можно будет заменить лишь одно слово. Во всяком случае, хоть какая-то логика появится: «РОДИНЕ ЕЛЬЦИНА СЛАВА!».)

Фильм Сокурова пересказать невозможно, как невозможно точно передать чужую интонацию. В нем ничего не происходит: вот Ельцин с Сокуровым идут по дорожке. Ельцин жалуется: плохо себя чувствует, болит горло, болячка на губе вскочила. Расстелив газеты, присаживаются на скамейку. Ельцин удручен: опять «Правда» и «Совраска» гадости пишут (фильм снимался до избрания его Президентом России).

— А вы не читайте,— предлагает Сокуров.— Зачем вам это?

— Не буду, уговорили,— соглашается Ельцин.— Мне и жена, и дочери говорят: зачем ты читаешь?

Долгие, но совсем не томительные паузы. Молчание. Посидев, идут в дом.

— Бабушка дома? — кричит хозяин, заглядывая на кухню. Выглядывает жена, смущается, увидев чужих.

— Согрей чайку,— просит Ельцин.— Горло болит.

Сняв пальто и оставшись в старом, растянутом тренировочном костюме, садится в кресло. Молчит. Долгое-долгое молчание. Молчит и Сокуров, будто нет его здесь, как нет камеры, лишнего света. Молчание нарушает звонкий голос внучки: «Бабушка, у нас кетчуп есть?» Ответа бабушки с кухни не слышно, но неожиданно раздраженно реагирует дедушка: «Ишь чего захотела. Кетчуп! Чай-сахар есть — и то слава Богу!»

Снова пауза. Встает. Тяжело распрямляется, вздыхает: «Трудно мне...» Из-под рубашки выбилась майка, оттопырились пузыри на коленях. Пожилой, очень усталый, плохо себя чувствующий человек. Дед.

Пятьдесят минут идет фильм, названный удивительно точно. Не портрет, не образ — всего лишь пример интонации, с какой, оказывается, можно снимать политического деятеля, нисколько ему при этом не вредя, изображая не функцию, а живого человека. Как такое удается? Не знаю, загадка. Киноведы пусть рассуждают о пластике, ритмике и прочих кинематографических изысках, которые наверняка есть в фильме Сокурова. Я не помню. Помню свое ощущение: шедевр. И еще помню мысль: такому Ельцину я могу верить. Такому — а не прямолинейному, одномерному телегерою, которому изо дня в день слагают панегирики чуткие к политической конъюнктуре коллеги-телевизионщики.

Фильм Сокурова со временем станет бесценным документом эпохи. Как и лучшие произведения кинодокументалистики конца 80-х — 90-х годов. Инсценировки прошлых лет дорого стоили не только кино, но и всей нашей истории. Глядя кинохроники 30-х, 40-х, 50-х, мы, увы, не можем с уверенностью сказать: вот какими были наши предки, вот как они думали, вот что чувствовали, вот чем жили. Марионетки в страшном театре под руководством карабасов-барабасов, они выполняли на экране функции: метростроевцев, физкультурников, полярников...

Образ нашего времени получится, пожалуй, честным: трагичным, жутковатым, иногда нелепым и смешным. Наши потомки увидят людей разных: одиноких, неприкаянных, счастливых, увлеченных, разочаровавшихся, работящих, ленивых, погрязших в пьянстве и во лжи, правдолюбцев, борцов, циников, романтиков. «Так жить нельзя!» — может быть, ужаснутся они. А мы — ничего, как-то умудрялись.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ЧЕЛОВЕК ДЕСЯТИЛЕТИЯ

ШТРИХИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА

Леонид ГОЗМАН

АНГЕЛ ИЛИ ДЕМОН?

Его предали друзья и спасли противники. Им восхищались, его ненавидели, над ним смеялись. В Бонне и Мадриде, в Париже и Милане его встречали восторженные толпы. На митингах в Ленинграде, Риге и Москве его сравнивали с Гитлером и Хусейном. Он стал лауреатом Нобелевской премии мира, а журнал «Тайм» объявил его человеком десятилетия. Его войска ушли из Афганистана, его войска убивали людей в Вильнюсе и Тбилиси. При нем сбылось пророчество Рейгана о коммунизме, остающемся на свалке истории. Гигантская советская империя, над которой никогда не заходило солнце, ушла в прошлое. Страны победившего социализма больше нет.

Мы живем в эпоху Горбачева. Дьявол он или ангел, великий реформатор или авантюрист? С его именем связано столько надежд и разочарований, сколько ни с одним другим политиком мира. Так кто же он?

Западные журналисты и политологи, изучающие жизненный путь Горбачева, с большим трудом находят черты будущего великого реформатора в комсомольском функционере юридического факультета МГУ или секретаре Ставропольского крайкома КПСС. Он кажется таким, как все.

Но есть в тоталитарном государстве позиция, откуда кивать не на кого, отвечаешь за все. Как отмечал де Кюстин, Николай I, по-видимому, чувствовал себя ответственным и за штормы, и за ураганы, а потому не позволял сообщать о жертвах на море. Назначенный в 1978 году по рекомендации Андропова секретарем ЦК КПСС, Горбачев стал самым молодым членом высшего руководства страны. И, конечно, начал примериваться к короне. У него был самый сильный из всех возможных союзников — время. Тогда, в конце семидесятых, перед ним и встал вопрос о том, что делать после того, как его старшие товарищи, заняв положенное им место у Кремлевской стены, освободят для него трон.

При восшествии на престол он произвел весьма благоприятное впечатление. Видеть на посту Генсека ЦК КПСС не заводную мумию, а вполне нормального человека было непривычно и приятно.

На Западе чувство симпатии и доброжелательного интереса довольно быстро перешло в любовь, любовь столь страстную, что ее стали называть «горбиманией», не отдавая себе, может быть, отчета в том, что любая мания есть патология. Основания для любви, конечно, были. Он избавил Европу от страха перед советскими танками и ракетами, он вернул немцам Германию, он показал миру, что страшного, беспощадного врага больше нет, а на его месте — блудный сын мирового сообщества, желающий вернуться в отчий дом. Запад легко прощал ему непоследовательность во внутренней политике — кровь Сумгаита и комендантский час Еревана, потому что вера в него до самого последнего момента была единственной «гарантией» безопасности европейцев. Советские войска ушли не так далеко, чтобы не смочь вернуться. Разочарование в нем означало бы возрождение страха. А история много раз убеждала в том, что ощущение безопасности бывает для людей важнее самой безопасности.

Отношения Горбачева со своим народом с самого начала были не столь благополучными. В первые два года его правления многие, подавив недоверие ко всему исходящему из Кремля, склонны были соглашаться с Западом: просветитель, реформатор, преодолевающий сопротивление консервативного аппарата. Но ведь мы в отличие от Запада видели не только и не столько освобождение Европы, сколько нарастающий экономический хаос, рост напряженности. И во всем этом обвиняли его. Его многословие стало раздражать. Его успехи на Западе больше не завораживали, а потом и стали использоваться для традиционных обвинений в распродаже страны и национальном унижении. Дольше всех сохраняла ему верность либеральная интеллигенция, получившая от него то, о чем всегда мечтала и на что уже не надеялась,— свободу слова. Каждое его движение вправо рассматривалось как вынужденная уступка консерваторам. Зато даже намерение сделать шаг влево — как выражающее его подлинную суть. Затем отношение к Горбачеву со стороны интеллигенции стало резко негативным — теперь ему не прощали не только политических ошибок, но и неправильных ударений в словах. Многие интеллигенты испытали глубокое разочарование не только в нем, но и в себе. Роман с властями окончился ничем. Долгожданная свобода слова, с приходом которой, как казалось, автоматически должны были решиться все проблемы, оказалась необходимым, но недостаточным условием нормальной жизни. А сама интеллигенция — в общем, неготовой к новым условиям: обличая прошлое, лучшие умы России сделали мало для построения будущего.

Существуют две полярные концепции личности советского Президента: «романтическая» и «демоническая». Согласно первой, Горбачев — рыцарь на белом коне, ангел, ниспосланный Господом для низвержения коммунизма. В течение всех лет партийной карьеры он, как шпион в стане врагов, притворялся и ждал своего часа. И лишь придя к власти, он сбросил маску и объявил открытую войну тоталитарной диктатуре.

«Демоническая» концепция объявляет все его реформаторские действия хитрым маневром, направленным на укрепление личной власти. Говорят даже, что и путч он сам организовал. Но хотя многие действия Президента заставляют сомневаться в искренности деклараций о приверженности общечеловеческим ценностям, такой взгляд представляется излишне примитивным. Сторонники этой позиции, напрочь отказывая Горбачеву в гражданской ответственности и хотя бы минимальной порядочности, приписывают ему совершенно нечеловеческие способности к расчету и предвидению.

Человек, которого мы видим на экранах в последние месяцы, вовсе не производит впечатления супермена. Давайте попробуем понять его: не как персонификацию добра или зла, а как человека надеющегося, ошибающегося, живого.

ВОЛЕЮ ЕГО...

Его действия часто выглядят вынужденными, реактивными. Многие склонны считать, что у него давно нет никакой программы. Может быть, это и так. Но был момент, когда Горбачев принял поистине историческое решение.

К марту 1985 года советская империя нуждалась в кардинальных реформах. Система, сконструированная единственно для удовлетворения потребностей высшего руководства, стремительно двигалась в пропасть. Доставшееся от царя пришло в окончательную негодность. Ресурсы кончались. Все, что можно, было разворовано. Необходимость коренного реформирования коммунизма возникла 26 октября 1917 года или чуть раньше. Обреченность великого эксперимента была многим ясна задолго до его начала. Однако руководителям СССР это как раз ясно не было, они полагали, видимо, что систему удастся сохранить навечно.

Почему бы Горбачеву не продолжать править постарому? На его век хватило бы. Но и направление реформ могло быть разным. Один путь — традиционный — состоит в закручивании гаек. В этом направлении начал было двигаться Андропов. Этого же ждали от Горбачева. Он первый в высшем руководстве представитель того поколения, которое само не пережило страха, которое не знает, как система уничтожением пожирает своих создателей.

В раннем детстве Горбачев был свидетелем жестокостей коллективизации, но его семья не была среди жертв. Отец и дед, оба члены партии, создавали колхоз, то есть либо сами осуществляли насилие, либо одобряли его как исторически необходимое. Принуждение и произвол не должны были пугать его, как ребенка, выросшего на море, не пугает шум волн. И было бы вполне логично, если бы он — воспитанник комсомола и партии — пошел по тому пути, на котором в конечном счете превратился бы в Сталина.

Второй путь — отход от коммунистических догм, частичная либерализация в общественной жизни, возвращение экономики к здравому смыслу. На этом пути Генсек ЦК КПСС из Брежнева — Черненко должен был превратиться в Пиночета — огромный прогресс по меркам 1985 года. Горбачев пошел в этом направлении. Он наверняка понимал, что Пиночет — фигура временная, и был готов к дальнейшей трансформации. Ошибка его была в том, что в конце этого пути — не Рейган или Тэтчер, в конце пути — авторитет без власти; не королевские эдикты, а посредничество в переговорах между суверенами бывших колоний этой удивительной империи, из одних колоний и состоявшей. В конце пути то, чем он стал сейчас. Наверняка он хотел остановиться раньше. Но после первого же шага стало поздно.

Как бы сам он ни разочаровывался потом в совершенном выборе, как бы ни жалел о нем, выбор этот был. Он захотел повернуть страну если не к цивилизации, то по крайней мере в сторону меньшего варварства. И сегодня, когда выражение добрых чувств к Президенту — дело в нашей среде непопулярное, я считаю своим долгом сказать, что благодарен ему за это.

ПУТЬ РЕФОРМАТОРА

Мы знаем все или почти все о реформах Горбачева. Мы не знаем, как он стал реформатором.

В партийно-административной биографии Горбачева были серьезные предпосылки к тому, чтобы, достигнув высшей власти, не почивать на лаврах, но пытаться что-то изменить. Очень важно, что наместником Ставрополья он стал при Брежневе, когда коммунистическая система уже разваливалась, основанный на терроре механизм управления не работал, а народ во всем разуверился. Высшие руководители в этот период продолжали жить иллюзиями своей молодости и верили, что, как и в 30-е годы, приказы центра если не выполняются, то по крайней мере воспринимаются всерьез. Обладая вроде бы всей полнотой информации, Политбюро, состоящее из стариков, на самом деле не представляло себе положения дел в стране и переоценивало запас прочности системы. Еще при Сталине оторвались они от реальной жизни, ушли в сюрреалистический мир Кремля. Поколение Горбачева знало, какое наследство оставили им предшественники...

Многие сверстники Горбачева полагали, что изменить ничего нельзя. Позиция Горбачева прямо противоположна: изменять можно и нужно. По-видимому, здесь проявился не партийный менталитет, для которого при всей внешней активности был характерен фатализм, а менталитет органов КГБ, с которыми, судя по всему, всегда был близок будущий узник Фороса. Комитет, бывший своего рода внутренней партией, во-первых, всегда знал больше, чем партия: она и не хотела ничего знать, удовлетворяясь победными реляциями и заверениями в преданности. Во-вторых, идеология могущественного тайного ордена КГБ в отличие от партийной не только принимала факт существования противников, проблем и противодействия, но и предполагала возможность преодоления любых трудностей четко рассчитанными активными действиями. Конечно, Горбачев никогда не был штатным сотрудником органов госбезопасности, но он был учеником Юрия Андропова и полностью воспринял характерную для учителя веру в то, что сильная, разумная власть может изменить мир.

Но почему, несмотря на колебания, он проводил реформы в сторону либерализации — не к лагерям и страху, что было бы естественным развитием системы, а к свободе, по пути кардинальной трансформации режима? По-видимому, несмотря на блестящую карьеру, у него были какие-то счеты с государством, с властью, быть может, затаенная обида на систему, которая, не зная этого, считала его своим.

В его биографии есть факт, недооцениваемый на Западе. В 1942 году, когда Михаилу Горбачеву было одиннадцать лет, его станица была на три месяца оккупирована немецкими войсками. Немцы были врагами, с которыми сражался на фронте его отец. Но он увидел не карикатурных персонажей советской пропаганды, а живых людей, и это было первым опытом понимания того, что пропагандистские стереотипы фатально упрощают, примитивизируют мир, а значит, и относиться к ним, в том числе и к стереотипам о собственной стране, стоит с осторожностью.

Но главным последствием жизни «под немцем» было не формирование более сложной картины мира, что, конечно, так пригодится Генеральному секретарю и Президенту в будущем. Главным было то, что, оказавшись в оккупации, Горбачев, как и миллионы других советских граждан, сразу стал человеком второго сорта.

Он смог преодолеть негативные последствия оккупации. Орден за трудовые достижения и активная комсомольская работа перевесили анкетный минус, и он стал студентом юридического факультета Мо-

сковского университета. Но ему пришлось оправдываться в том, в чем он не был виноват. Ему пришлось столкнуться с несправедливостью, и, по-видимому, уже тогда он понял, что не все так хорошо и правильно на его Родине.

Он сталкивался и с другими несправедливостями. Когда он учился, тон в университете задавали фронтовики. Их привилегированный статус и армейские нравы общежития ставили его в положение «молодого», которому вторые роли были предназначены самой судьбой. Он преодолел и это. Как и свое сельское происхождение — государство ориентировалось на выходцев из рабочих и не симпатизировало крестьянским сыновьям. Как и отсутствие каких-либо связей в Москве — у многих его соучеников такие связи были. Он все преодолел, добился уважения на факультете, но ему пришлось платить за это больше, чем другим, а значит, он не мог не начать критически относиться к системе, которая заставляет людей поразному платить за одно и то же.

Он подружился со Зденеком Млынаржем, одним из будущих лидеров «Пражской весны». Такой контакт с иностранцем — ведь этого опыта не было почти ни у кого из его сверстников — способствовал разрушению этноцентризма, который после войны представлял одну из основ советской идеологии.

Как и Млынарж, Горбачев сформировался не в революционера, а в реформатора, стремящегося к эволюционным преобразованиям в рамках социалистической системы. Этому, в частности, способствовало догматическое образование. К 1950 году, когда он пришел на первый курс, в МГУ не оставалось и следа свободомыслия. Все выбивавшиеся из строя были либо репрессированы, либо уволены.

Американский психолог Леон Рестингер как-то сказал: «Люди и крысы любят то, за что страдают». Горбачеву трудно было стать полноправным членом системы, но он стал им. А значит, он не мог негативно относиться к системе в целом. Это перечеркивало бы его удачу. Так что формирование реформаторских установок было огромным достижением для Горбачева. Представить же себе возможность выхода за пределы «социалистического выбора» он сможет лишь 40 лет спустя.

ЧЕЛОВЕК НА ОЛИМПЕ

Отправление функций власти всегда окружалось тайной. Вождь не просто принимал решение. Он держал совет с духами и богами и сам становился при этом сродни духам и богам. В нашем обществе, когда лидер обладает фантастическими возможностями, особенно в сфере разрушения, когда по его приказу могут быть стерты с лица земли целые страны, древние суеверия расцветают с новой силой. Руководителям приписываются сверхчеловеческие свойства. Их очевидные всем слабости игнорируются и не мешают видеть в них демонов или святых.

Спокойнее, да и не столь унизительно, быть во власти богов, чем подчиняться такому же, как ты. Нам трудно примириться с тем, что важнейшие политические решения принимают обычные люди. И тем не менее это так. Личностные особенности, эмоции этих людей, их сиюминутные предпочтения и интересы влияют на их действия не меньше, чем холодный анализ, проведенный с помощью мудрых компьютеров. А в авторитарной системе, когда решения лидера не проходят процедуры согласований и не ограничены законом, его личность может наложить отпечаток на целый исторический период.

Так что же собой представляет Горбачев? Есть всего лишь два надежных источника информации о его личностных особенностях. Это его спонтанные реакции в общении с другими людьми (мы имеем возможность наблюдать это в прямом эфире) и решения, которые он принимает самостоятельно, не имея возможности (или не желая) обсуждать их со своими советниками. Особенно информативными с этой точки зрения являются его ошибки, неадекватные действия, просчеты.

Просчетов таких было немало. В декабре 1988 года Горбачев вылетает в Армению, где произошло страшное землетрясение. Люди в зоне бедствия встретили его враждебно. Поверив тому, что такую встречу организовали члены комитета «Карабах» — безусловные лидеры армянского народа, победившие через неполных два года на парламентских выборах и сформировавшие правительство,— Горбачев санкционировал арест всего комитета. Тем самым он загнал ситуацию в Закавказье в тупик, толкнул Армению к отделению от Союза.

В 1988 году продолжается его конфронтация с Ельциным. Каждая атака Горбачева приводила к росту популярности и авторитета его оппонента. В борьбе с Ельциным Горбачев совершал ошибки, очевидные любому. Так, при выборах Председателя Верховного Совета России Президент СССР произнес длинную, плохо структурированную речь, в которой требовал от депутатов не избирать Ельцина. Его точка зрения и так была известна, послушные ему и без дополнительного напоминания депутаты голосовали бы против Ельцина. Зато для части тех, кто еще не определился, грубое давление Горбачева имело, естественно, обратный результат.

Просто анекдотичным было поведение Горбачева в истории с отставным генералом КГБ Калугиным. Рассердившись на критические высказывания Калугина в адрес комитета, Горбачев лишил его звания, орденов и пенсии. Эти явно незаконные действия создали Калугину славу героя-борца, он был избран народным депутатом СССР, а Президент получил еще одного весьма информированного противника. Кстати, позже Горбачев был вынужден отменить свои указы относительно генерала Калугина.

Эти и многие другие ошибки отнюдь не говорят о низком интеллекте или неумении просчитывать ситуацию — свои способности в этой сфере Горбачев демонстрировал тысячу раз. Здесь проявляются личностные особенности Президента, когда его эмоциональные человеческие реакции вступают в противоречие с рациональным расчетом, и человек в нем побеждает политика.

Михаил Горбачев, так много сделавший для демократии и свободы, в личностном плане — глубоко авторитарный человек. Тому, помимо приведенных примеров, существует масса доказательств. Наиболее ярким из них является его поведение на съездах. Декларируя на словах коллективный характер принятия решений, он органически не способен выслушивать оппонента. Возражения приводят его в бешенство, он теряет контроль над собой. Ему принадлежат бессмертные фразы: «О плюрализме двух мнений быть не может» и «С оппозицией диалог невозможен». А с кем тогда возможен, с самим собой?

Именно авторитарность не дает ему устанавливать надежные отношения с независимыми интеллигентными людьми. В начале его правления самые яркие личности страны готовы были предоставить себя в его распоряжение. И один за другим уходили от него в оппозицию: Попов, Шаталин, Шеварднадзе, Яковлев и многие, многие другие были отвергнуты им и заменены на серых, безликих людей, которые в августе 91-го чуть не погубили и дело его жизни, и его самого.

Авторитарный человек видит мир как систему иерархических связей. Он может подчиняться и подчинять. Ему безумно тяжелы и чужды отношения на равных. У Горбачева это проявляется во всем. Он говорит людям «ты», а те, кто много старше его, обращаются к нему на «вы». Он явно не ощущает при этом неловкости. Когда-то Брежнев говорил ему «ты», а до этого — секретарь райкома или партбюро, и вряд ли это его задевало. Кстати, к Сахарову он обращался на «вы» не просто в силу особого уважения, а потому, что Сахаров не вписывался в понятную систему отношений «выше — ниже». Горбачев так и не нашел в себе силы пойти навстречу Сахарову, сблизиться с ним и не использовал в полной мере политический капитал, который приобрел, освободив Сахарова и вернув его к политической жизни.

Личностные свойства не бывают хорошими или плохими. Действуя в согласии с самим собой, человек может добиться очень многого. Именно авторитарность помогла Горбачеву признать факт поражения Советского Союза в холодной войне и подписать полную безоговорочную капитуляцию — уйти из Европы и Афганистана, начать процесс разоружения. Но эта же авторитарность помешала ему в первые годы пребывания у власти увидеть нестабильность собственного положения. Уверенный в своей силе внутри страны, он не потребовал от Запада «платы» за свои уступки на международной арене, «платы», которая могла бы укрепить его положение и смягчить отрицательные последствия распада старой системы. Он не сделал этого не по моральным, а по психологическим соображениям. Он был слишком уверен в себе, и мысль о собственной слабости была для него нестерпимой.

Демократизация страны долгое время казалась Горбачеву шахматной партией, разыгрываемой по собственному плану. С этим связан и гнев Президента, когда кто-то «забегал вперед», демонстрируя тем самым «неуважение» к нему.

Демократические руководители вызывают у граждан амбивалентные чувства, объектами поклонения бывают лишь диктаторы. Но осознание этого было для Горбачева чрезвычайно болезненным. Первого мая 1990 года на Красную площадь впервые были допущены не «представители трудящихся», а простые граждане. Они несли лозунги, в которых не было ни оскорблений в адрес Президента, ни вообще каких-либо грубостей, а лишь весьма мягкие насмешки над КПСС и над наиболее одиозными ее лидерами. Горбачев же был так возмущен, что покинул трибуну Мавзолея, сорвав тем самым официальную церемонию...

Начав величайшие в истории страны преобразования, Горбачев оказался в ситуации глубокого внутреннего конфликта. Как ответственный политик, он понимал необходимость либерализации во всех сферах жизни, поощрения инициативы и свободы. И он делал в этом направлении если не все, то многое. Но его раздражали интеллигенты, не желающие останавливаться в своей критике всего и вся у намеченной им черты, республики, начинавшие с невинных шагов, а через несколько месяцев заговорившие об отделении. Его возмущали несговорчивость межрегиональной депутатской группы и «нападки» на армию, раскованность журналистов и карикатуры на самого себя в газетах. Он понимал необходимость того, что делал, но не любил дела своих рук. Может быть, поэтому он так постарел за эти шесть лет, что все время заставлял себя идти против своей природы.

Если человек все время делает не то, что ему хочется, у него есть два выхода: изменить взгляды или изменить поведение. В нашем случае это означает, что Горбачев мог либо изменить свои авторитарные установки и стать Пересом де Куэльяром, либо отказаться от демократии и вернуться на путь авторитаризма в политике.

В августе 90-го года появилась надежда на первый вариант. Горбачев заключил соглашение с Ельциным. Впервые Президент СССР вступил в равноправное партнерство с одним из граждан страны. Это было за год до путча, и Ельцин еще был не спасителем России, а всего лишь Председателем Верховного Совета без реальной власти. Если переговоры с Ельциным не были игрой, то это — очень важный момент в личностном развитии Горбачева. Но соглашение было сорвано. Может быть, Горбачев почувствовал, что на равные отношения он не способен?

После этого он совершил резкий поворот вправо. Войска в Прибалтике, война в Карабахе, резкие заявления, «вечно вчерашнее» правительство. Но кончилось все это не диктатурой Горбачева, а попыткой его свержения, предпринятой теми, на кого он всегда опирался.

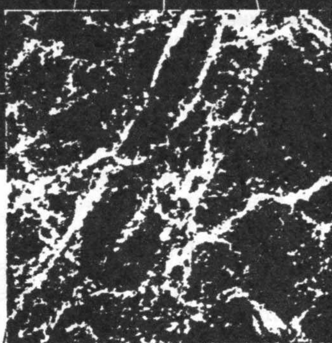
Личностные особенности Горбачева в полной мере проявились в Форосе. Он не мог согласиться с тем, что люди, цену которым он прекрасно знал, будут сильнее его, навяжут ему свою волю. Они все рассчитали, когда требовали от него введения чрезвычайного положения. Они учли и его усталость от демократов, и стремление к неконтролируемой власти. Но не подумали лишь об оскорбленном чувстве собственного достоинства человека, для которого примириться с шантажом со стороны своих подчиненных было страшнее смерти. Его характер, его слепота сделали возможным путч. Но те же самые качества предопределили его стойкость в самый ответственный момент...

По возвращении из Крыма он вступил в союз со своими вчерашними врагами. Кто-то говорит, что они просто манипулируют им, что он сдался на милость победителям. Кто-то считает, что потрясение Фороса изменило его как человека, и он искренне поверил в демократию. Я думаю, что союз с Ельциным и руководителями других республик стал, к сожалению, возможен по другой причине. Руководители республик после путча стали вести себя более независимо. Похвалы в адрес сильной исполнительной власти, постоянное недовольство властью законодательной — много болтают! — лишь один из симптомов отхода от либеральных принципов и возрождения авторитаризма. Эти изменения вчерашних демократов наряду с тем фактом, что в Госсовет входят и представители республик, где ни демократии, ни обещаний демократии вообще не было, а лишь произошла смена советско-имперского тоталитаризма на местную национал-коммунистическую диктатуру, означают, что сегодня Горбачев председательствует на собрании весьма авторитарных политических руководителей, с которыми, естественно, легко находит общий язык.

* * *

Михаил Горбачев — очень закрытый человек. Может быть, лишь уйдя в отставку, он сможет рассказать о себе. Это будет захватывающая драма человека, изменившего страну и мир, ждавшего и не дождавшегося благодарности, человека, имя которого в истории навсегда останется связано с концом коммунизма на Земле.

не ждет рынка,

он его формирует!

Продажа организациям и частным лицам импортных товаров:

телевидеотехники;

бытовых электротоваров;

оргтехники и средств связи;

медицинского оборудования;

автомобилей.

Оплата в твердой валюте.

Возможна оплата в рублях.

Адрес Ortex и его представительств

■ 117593.Москва, "ORTEX"

Телекс: 131310 ORT SU.

фАКС: (095) 427–64–10

Телефоны: 427–11–01 (5 линий),

427–66–11,427–57–36

Представительство
в Киеве:

Киев-1, гостиница "Москва", "ОРТЭКС".
Факс: (044) 229-37-21.
Телефон: 228-00-19 (5 линий).

Представительство
в Санкт-Петербурге:

Проспект Карла Маркса, 84, "ОРТЭКС".
Факс: (812) 245-21-25
Телефон: 245-12-51

Представительство
в Минске:

Проспект Машерова, 65, "ОРТЭКС".
Факс: (0172) 23-74-79
Телефон: 26-98-18

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ

ЕГО БЛАЖЕНСТВО БЕЗ МИТРЫ И ЖЕЗЛА

Александр НЕЖНЫЙ

4. ТРИ ЦЕРКВИ. НАЦИОНАЛЬНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ. ЕГО БЛАЖЕНСТВО ЖЕЛАЕТ СТАТЬ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВОМ

В три часа ночи семнадцатого сентября 1991 года несколько десятков человек, большинство из которых были в форме ОМОНа, остальные же — в черных масках, взяли штурмом православный храм в городе Самборе (Львовская область). Опускаю подробности: тросы, машины (с их помощью взламывали двери), «черемуху», дубинки... Скажу только, что отчаянное сопротивление двух священников, двух братьев-близнецов Иоанна и Александра Швецов, и оборонявшихся вместе с ними прихожан довольно скоро было сломлено превосходящими силами нападавших, защитники храма — в том числе и священники — были жестоко избиты, брошены в грузовики и увезены в соседний Дрогобыч, где одних посадили в камеру городского, а других — районного УВД и полсуток держали под арестом, не предъявляя никакого обвинения. Иоанна в конце концов отпустили, Александр из-под стражи бежал, и уже девятнадцатого сентября в Киеве, в гостиничном номере, напоминающем маленький вокзал, братья-священники показывали мне багрово-синие кровоподтеки, отметившие им плечи, спину и грудь. Ссадины на их лицах видны были невооруженным глазом.

Храм в Самборе, в котором поочередно служили две Церкви — Украинская православная (УПЦ) и Украинская автокефальная православная (УАПЦ),— местная власть передала третьей Церкви — греко-католической; православная община добилась отмены этого решения в прокуратуре и Верховном суде республики, самборские и львовские руководители нерушимо встали на своем — и все кончилось так, как и должно было: ночным штурмом и побоищем. Отвратительное насилие, ожесточение, превращающее всякого инаковерующего во врага, пелена ненависти, из-за которой глаза и сердца христиан уже перестали различать в своих братьях Самого Христа, Цареви и Бога нашего,— все признаки религиозной войны можно обнаружить сегодня на Украине и особенно в западных ее областях. За насилием следует мщение, за мщением — новое насилие; во Львове попирают Закон, о. Александр Швец грозит в ответ собрать православное воинство — из этого проклятого круга ни один народ никогда не выбирался без жертв. Каждая злоба, учил современник Смуты, дьяк Иван Тимофеев, родит злобу другую, но люди, одержимые страстью перекроить жизнь на свой лад и заставить всех молиться по установленному образцу, начинают внимать трезвым речам с трагическим запозданием. Может быть, лишь тогда, когда прольется кровь, они с отчаянием и надеждой вспомнят, что религиозные перегородки не поднимаются до Небес, что на земле нашей места хватит всем и что данная Богом жизнь все-таки важнее вопроса о том, кого следует возглашать на литургии: Папу или Патриарха. Было бы славно, если греко-католики не стали бы приколачивать меня к позорному столбу,— но в унии, как и во всяком искусственном образовании, с точки зрения догматической завершенности есть нечто неестественное; было бы замечательно, если православные не бросились бы побивать меня камнями,— но за четыре века уния стала неотъемлемой частью народной жизни, и постыдный спектакль Львовского собора сделал Русскую православную церковь соучастницей насилия, которым Советская власть намеревалась навсегда сокрушить греко-католическую Церковь в Западной Украине.

Не сокрушила. Церковь жива, она сберегла своих священнослужителей, свою паству — и надо обладать извращенно-советским восприятием действительности, чтобы в течение десятилетий (!) твердить, что греко-католической Церкви на Украине не существует. Братьям-священникам я сказал, что они стали заложниками Его Блаженства. Они кивнули: «Так». Пока власть железной рукой держала униатов за горло, пока они скрывались в подполье или сидели по зонам, Его Блаженство неоднократно выступал с торжественными речами о долгожданном воссоединении греко-католиков с православной верой, ни словом, разумеется, не упоминая при этом, что вероисповедное единство было достигнуто с посильной помощью товарища Берия. Когда хватка властей ослабела и греко-католики смогли, наконец, заявить о своих правах, Его Блаженство надменно утверждал, что такой Церкви на Украине нет. Когда греко-католики, набрав силу, принялись прибирать к рукам один храм за другим, Его Блаженство поднял на всю страну крик о насилии, взывая о помощи к прокуратуре, милиции, а также к М. С. Горбачеву.

Точно с такой же откровенной ненавистью Его Блаженство воспринял появление первых приходов возродившейся два года назад на Украине автокефальной церкви. Всякий раз при упоминании о ней он в лучшем случае прибавляет «так называемая», а в худшем — «петлюровская»; ее предстоятеля, престарелого Мстислава Скрипника, спесиво величает «лжепатриархом», совершаемые ею таинства объявляет безблагодатными и шлет проклятия и запрещения вслед тем священнослужителям, которые, отрясая со своих ног прах омерзевшей им филаретовщины, уходят к автокефалистам. Когда в нынешнем году Украина отмечала 130-ю годовщину кончины Шевченко, Его Блаженство дал команду своим клирикам и хористам служить и петь возле могилы поэта с утра до вечера, не закрывая ртов, а дружественную власть попросил взять священную для народа Чернечу гору в плотное милицейское оцепление, чтобы, не дай Бог, к Тарасу не проникли презренные раскольники. Девяностодвухлетнему Патриарху Украинской автокефальной церкви так и не удалось помолиться возле могилы великого кобзаря, и он тихо плакал, сидя над Днепром и слушая игру старого бандуриста.

Разговаривали с молодым священником, недавно перешедшим к автокефалистам. «Отец Игорь,— сказал я,— вам, наверное, было мучительно трудно оставлять церковь, в которой вы крещены и посвящены, и уходить в другую...» Он кивнул: «Тяжело, вы правы. Но я хотел молиться по-украински... так, как меня мама учила. И потом... Надо на литургии поминать Филарета, а вот здесь,— указал он на свою грудь,— нет молитвы».

1991 г. Торжественная церемония закладки Успенского собора в Киево-Печерской лавре. Евгения Петровна Родионова, Председатель Верховного Совета Украины Л. Кравчук и Председатель Совета Министров В. Фокин.

Мрачная тень Его Блаженства падает на всех православных священнослужителей Украины. Это из-за него их честят комитетчиками и пистолетчиками; из-за него православную церковь, церковь равноапостольного Владимира, святых князей-мучеников Бориса и Глеба и великих киево-печерских старцев называют придворной и коммунистической; из-за него собравшиеся возле храма Св. Софии толпы кричали Патриарху Алексию II: «Геть московского попа!»; из-за него на Форуме украинской интеллигенции, куда были приглашены католики обоих обрядов: римского и восточного, епископы автокефальной церкви, иудеи, адвентисты и кришнаиты, не оказалось представителей Украинской православной церкви. В простоте душевной я полагал, что мнение общества о Его Блаженстве для меня не секрет. Но даже и предположить я не мог, что презрение к нему будет столь убийственно и единодушно! Тридцатилетний физик-теоретик, заместитель председателя комиссии по культуре Киевского городского совета Максим Стреха спокойно и доходчиво объяснил мне, что Филарет — типичный продукт эпохи и всегда был известен чрезвычайно лояльным отношением к власти. «Он выступал против РУХа,— продолжал Максим,— активно участвовал в предвыборной борьбе на стороне коммунистической партии. Поразительно жесток по отношению к греко-католикам». «Филарет,— сказал мне редактор газеты «Наша вира» Евген Сверстюк, двенадцать лет — от звонка до звонка — отсидевший в советском лагере за изданную в Париже книгу публицистики «Собор в лесах»,— из тех иерархов, которые имели очень тесную связь с партийным аппаратом. Он и свой аппарат построил по образцу партийного: диктатура верхов, требующая слепого послушания низов. Ничего общего с церковными канонами это не имеет».

Нельзя вместе с тем недооценивать исключительную гибкость Его Блаженства, присущее ему умение принимать наиболее выгодную в данный исторический момент политическую окраску и немалый опыт убогой, но довольно действенной спекуляции на вере отцов. Глубоко заблуждаются многие мои собеседники, полагая, что он по-прежне-

Окончание. Начало в № 48.

му будет ожесточенным и непримиримым противником национального возрождения и религиозной терпимости. Плохо они знают Его Блаженство! Был, так сказать, социализм — и он исправно подставлял высокопреосвященное плечо под устои проклятого народом режима, топтал греко-католиков и обвинял в грехе самоубийства студентов, семнадцатью днями голодовки шатнувших тогда еще прочную власть партии и ее ставленников. Победили бы в августе Крючков — Янаев, он с облегчением перевел бы дух: наши пришли; возникни сейчас на самом верху какой-нибудь (тьфу, тьфу) Жириновский, Его Блаженство одним из первых провозгласит ему многия лета; приди нами править Тутанхамон, владыка Филарет и при нем найдет себе место если не верховного, то по крайней мере почетного жреца. Качественное содержание той или иной политической системы не имеет для него существенного значения. Он, может быть, не очень скоро соображает (все-таки, знаете ли, возраст и застарелая привычка к однолинейному мышлению), но я уверен, что уже вот-вот, осмотревшись и прикинув, на чьей стороне сила, митрополит примется брататься с автокефалистами, посылать уверения в братской любви старцу Патриарху, водить дружбу с самыми рьяными самостийниками и на чем свет клясть москалей, три века угнетавших ридну Украйну.

Председателю Верховного Совета Украины и кандидату в ее Президенты Л. М. Кравчуку я, как на духу, высказал мои самые заветные соображения о Его Блаженстве. В живых глазах Леонида Макаровича я увидел неподдельный интерес к моему сообщению. «К чему, например, было митрополиту,— продолжал я,— переводить в Фонд Председателя Верховного Совета республики триста тысяч церковных денег? Разве сама Церковь своими руками не могла на эти деньги накормить бедных, помочь больным?» Леонид Макарович со мной как будто бы согласился, отметив вместе с тем, что эти средства он передаст на возрождение некогда знаменитой Киево-Могилянской академии. «А знаете ли вы,— спросил затем я,— что такое ставропигиальный монастырь?» Голова Верховной Рады честно признался, что не имеет понятия. Ставропигиальный, растолковал я,— это монастырь, находящийся под непосредственным управлением Патриарха; на Украине такой один — Корецкий женский. «Да, да»,— кивнул Леонид Макарович. И вот ближайший помощник Его Блаженства, некто Пинкус Юрий Михайлович, личность настолько загадочная, что даже бывший чекист, а ныне, как водится, ответственный работник республиканского Совета по делам религий не знает, кто он и откуда,— так вот этот Пинкус, уже прозванный церковным народом наш Распутин, в один прекрасный день объявляет корецкой игуменье, что Кравчук велел со ставропигиальностью покончить и перейти под начало митрополита Филарета. Если же это указание не будет выполнено, Кравчук монастырь закроет, а монахинь разгонит на все четыре стороны. «Кравчук?» — переспросил Леонид Макарович, и в голосе его мне послышалось изумление. «Кравчук»,— подтвердил я. Он засмеялся.

Смех крупного государственного деятеля, вдруг узнавшего, что некий малопочтенный господин пользуется его добрым именем, будто фальшивой монетой,— событие, скажу я вам, совсем не рядового значения. Я, например, воспринял его как преддверие грозы, которая собралась на моих глазах и которая с часу на час должна будет обрушиться на лукавые головы со всей своей очистительной силой.

Л. М. Кравчук и в самом деле извлек для себя из нашей беседы кое-какие выводы. Он направил письмо Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, в котором просил его рассмотреть вопрос о предоставлении Украинской православной церкви автокефалии. А предстоятелем Церкви, предложил Патриарху Голова Верховной Рады, вполне может быть заслуженный церковный деятель — митрополит Филарет.

Всегда отличавшая советских руководителей склонность ко всякого рода политическим бракам по самому циническому расчету не оставляет их, судя по всему, и в эпоху всеобщей суверенизации. Искренне жаль, что возрастающее день ото дня количество президентов не влечет за собой повышения уровня нравственности их политики.

А Его Блаженство намеревается теперь объединить под своим началом обе украинские православные Церкви в одну и стать ее патриархом. Его Блаженство желает быть Его Святейшеством.

«...это вопрос,— уверял он между тем украинский народ,— сугубо церковный и неразрывно связанный с религиозным вероучением, и поэтому не может быть делом общественных или государственных организаций».

5. БЫВШИЙ ЕПИСКОП ИОНАФАН. БЕДНАЯ ВЕРА. КТО КОГО УСЫНОВИЛ

Нынешним летом епископ Ионафан (Елецких) привез в Москву Патриарху Алексию II рапорт, который начинался так: «...предстоятель Украинской православной церкви митрополит Киевский и всея Украины Филарет (Денисенко) не может канонически законно возглавлять и управлять Украинской православной церковью ввиду того, что на протяжении нескольких десятилетий ведет немонашеский семейный образ жизни с некоей Евгенией Петровной Родионовой, не состоящей с ним в родственных отношениях, матерью его троих детей».

Епископ сообщал, кроме того, что семейная жизнь митрополита уже давно перестала быть тайной. В Киеве, например, появлялись на улицах толпы, дружно и весело кричавшие: «Блаженный муж Евгении Петровны!» (Так, весьма вольно, они перетолковали полученное митрополитом как первым лицом Церкви Блаженство.) В других уличных голосах звучало решительное нет вечной диктатуре Евгении Петровны в УПЦ.

Ионафан пишет, что попал под семейный каток Его Блаженства и Евгении Петровны. На Поместном соборе Украинской православной церкви ему в голову пришла мужественная, но несчастная мысль выступить против того, чтобы предстоятель Церкви избирался до конца его дней, пожизненно. Поскольку кандидат в предстоятели оказался всего один, поскольку собор отличался отменной организацией и надежной охраной (братьям-священникам Швецам омоновцы заломили руки и спровадили подальше от экзархии), постольку остальные владыки, отцы и братья дерзкий вызов Ионафана не поддержали и митрополит Филарет единодушно (при одном воздержавшемся) провозглашен был главой Церкви и получил право управлять ею до последнего вздоха. С той поры Его Блаженство заподозрил Ионафана в вероломстве, а Евгения Петровна так высказалась о дальнейшей судьбе неразумного епископа: «Владыка разделает его так, что его не примет ни небо, ни земля».

Она как в воду глядела: епископа сначала выгнали из управляющих украинскими церковными делами, потом обвинили в краже имущества Киево-Печерской лавры, в опасных связях с современной «бесовщиной» (то бишь с Кашпировским, на вечер которого однажды занесло Ионафана), **«в неповиновении правящему архиерею и измышлении против него козней»** — и, натурально, запретили в священнослужении. Отчаявшийся Ионафан кинулся в Москву, был на приеме у Патриарха, заглянул и ко мне. Ужас перед Его Блаженством и Евгенией Петровной сменялся в нем надеждой на справедливое решение Патриарха и Священного Синода, и он приободрялся и веселел. Затем его охватывало уныние: слишком хорошо известна ему была хищная сила той стороны, слишком мощные имелись у нее повсюду союзники, чтобы можно было взять над ней верх. Но снова вспыхивала в нем решимость, и он потрясал угрозой второго разоблачения — теперь уже своих отношений с КГБ. «Я расскажу! Я такое расскажу!» — говорил он, а я, глядя на него, не мог избавиться от тягостного и скорбного чувства. Когда он еще не был Ионафаном, а был мальчиком Толей Елецких, огорчавшим партийных и неверующих родителей своим, для них совершенно непостижимым стремлением к церкви, к вере, к Богу, прятавшим переписанное от руки Евангелие и Молитвослов за батарею, в конце концов пробившимся в семинарию,— тогда, сам того не ведая, он совершил настоящий духовный подвиг. Он вырвался из «клейкой стихийности мира» (Григорий Сковорода) и уже взлетел, но не сумел миновать настороженных на его душу силков. И странно, и страшно, что чистое золото его веры стало тускнеть от погружения в церковную среду.

Вернувшись в Киев, он заметался. Телефонные звонки с утра до ночи стали раздаваться у него на квартире с угрозами; жулье залезло в маленький домик на самой окраине Киева, где он иногда жил. Потеряла покой Ольга Семеновна, его мама. Из Москвы, от Патриарха, никаких известий не было, и он принял окончательное решение: бежать от Филарета в Украинскую автокефальную православную церковь.

Автокефальные архиереи приняли его, как брата; он получал возможность служить в сущем сане и епископскую кафедру; кроме того, он мог выступить по телевидению и рассказать народу о причинах, побудивших его порвать с Украинской православной церковью. Перед тем как перейти свой Рубикон, он вдруг отправился к Его Блаженству с намерением высказать ему на прощание всю правду прямо в лицо. Митрополит протомил его в приемной до вечера; свидание с ним лишило Ионафана всякой решимости, он отрекся от автокефалистов и признал, что возвел на Его Блаженство напраслину, обвинив в супружеском с Евгенией Петровной сожительстве, от которого произошло трое детей: две дочери и сынок. Вскоре Его Блаженство созвал архиерейский собор; украинские владыки дружно растерзали Ионафана и приговорили его к лишению епископского достоинства. Он превратился в простого монаха и в этом качестве предстал перед журналистами на пресс-конференции, устроенной по окончании соборных заседаний. По сообщению, опубликованному на следующий день Укринформом, прозрению и раскаянию Ионафана способствовали «юридические документы, которые свидетельствуют, что владыка Филарет взял детей на воспитание из детского дома».

Юридическими документами громко названа справка, которую Его Блаженство на пресс-конференции предъявил со сцены залу и на полминутки дал в руки лишь одному корреспонденту. Должно быть, исключительно в связи с этим разные средства массовой информации ее содержание толковали по-разному. Одни утверждали, что именно Его Блаженство усыновил деток,— нимало, однако, не смущаясь тем обстоятельством, что монаху радости даже такого отцовства строжайше запрещены. Другие нас уверяли, что приемной матерью несчастным сиротам стала Евгения Петровна Родионова. При этом, правда, поневоле возникал соблазнительный вопрос: а кем она приходится Его Блаженству, с юношеских лет, как известно, отрекшемуся от мира? Почему она живет с ним в одной квартире, где по советским законам они оба и прописаны? Отчего и по какому праву в роли несомненно первой дамы она присутствует на приемах, торжественных церемониях (вроде той, которая изображена на снимке) и даже богослужениях во Владимирском кафедральном соборе? «А что она... Иродиада эта... вытворяет в соборе?! — смеясь сквозь слезы, рассказывал мне о. Гавриил (Захаров).— Это же только подумать! Где такое было видано, чтобы какой-то бабе архиереи целовали руку! Все архиереи целуют! А попы идут на малый вход, а она стоит в пономарке — и, значит, попы подходят, она ручку кладет, и они ее целуют! Где такое! Раньше таких...— тут он присовокупил очень крепкое слово,— в церковь не допускали, а теперь... На почетное место. И целуют руку». И почти с ужасом отзывался старенький архимандрит Пимен, кормилец приблудных собак и кошек: «Она свирепая женщина. Митрополит ее боится, как огня. Хуже всего. Никого митрополит не боится, а Евгению Петровну боится. Шо она скажет — она там хозяйка. И до каких пор она будет хозяйка — не знаю...»

Священник Украинской автокефальной православной церкви Александр Зарудный несколько лет работал фотографом в экзархии под началом митрополита Филарета, потом учился в Одесской семинарии, потом оттуда был отчислен — его, как я понял, ни на день не оставляла мечта о священнослужении, но всякий раз выталкивала среда, с которой примириться он так и не смог. Своими снимками, например, он стремился передать образ верующего человека, красоту православного богослужения, просветленный миг общения с Господом, но церковная редакция отправляла его в Совет по делам религий, где бывшие чекисты доходчиво объясняли ему, что религия в Советском Союзе отмирает, в храм ходят только придурки и потому снимать ему следует не молодых людей, благоговейно прикладывающихся к иконам и осеняющих себя крестным знамением, а исключительно священнослужителей и лучше всего — митрополита Филарета. Он поступил в семинарию, но довольно скоро ему стали отвратительны царящие там лицемерие и висящие друг против друга портреты Щербицкого и митрополита Филарета. Коммунистический вождь Украины и ее православный пастырь глядели друг на друга с полным пониманием.

«Экзархат,— делился горькими своими воспоминаниями о. Александр,— был превращен в какую-то семейную лавочку. Причем слово митрополита было последним, а первым — слово Евгении Петровны. Она занималась подбором кадров, вмешивалась в епископские хиротонии и рукоположения священников. Даже письма, в которых верующие сообщали митрополиту о своих заботах или вскрывали недостатки местных священников, проходили через руки Евгении Петровны, и она решала, достоин ли священник осуждения или его следует оставить в покое. Некоторое время я был их семейным фотографом, ездил к ним на дом. Евгения Петровна любит роскошно одеваться и подыскивает себе наряды, о которых не может даже мечтать обычная советская женщина. Я был приглашен однажды снять ее гардероб. Занятие оказалось довольно утомительным. Дорогие вещи, красивые вазы, иконы — это, так сказать, фон, на котором я снимал Евгению Петровну в разных нарядах. Она хотела себя увековечить, а я в тот вечер вышел на улицу, поглядел, как возвращаются после работы домой загнанные жизнью люди, и мне стало тошно от этой великосветской дамы с ее не очень хорошим вкусом.— Он помолчал.— Дети? Я с ними дружил. Жили в роскоши, а воспитывала их улица. Веру они отдали очень рано за студента семинарии, Любу тоже... Андрей сидел в тюрьме. Евгения Петровна не способна никого любить. Она на всех смотрит как на вещи... как на орудия своей интриганской деятельности».

Как и епископ (теперь уже бывший) Ионафан, Вера Медвидь тоже направи-

ла письмо Патриарху Алексию II. «Ваше Святейшество,— писала она,— я, дочь Родионовой Евгении Петровны, настоящим свидетельствую, что на протяжении всей моей сознательной жизни, проживая с моей матерью и владыкой митрополитом Филаретом в одной квартире по адресу: г. Киев, ул. Пушкинская, 5, кв. 16, неоднократно слышала угрозы шантажа с ее стороны, т. е. Родионовой Евгении Петровны, в адрес владыки Филарета, а именно: «Если ты не будешь выполнять мои приказы и будешь умничать много, то я скажу на Священном Синоде, что у тебя есть от меня родные дети, и тогда ты пойдешь с мешком по городу Киеву». Владыка Филарет этого очень боится и вынужден идти у нее на поводу даже во всех церковных вопросах, например, при выборе епископов и их назначении. С помощью этого шантажа Евгения Петровна овладела всей экзархией...»

С Верой я познакомился. Это маленькая, хрупкая женщина с голубыми глазами и чуть скуластым, бледным лицом. В своей двадцатишестилетней жизни она успела испытать столько унижения, обид и боли, что было бы лишь справедливо, если судьба дала бы ей теперь то, о чем она мечтает больше всего: покой. «Не нужны мне эти хрустали... эти «Волги»,— говорила она, и лицо ее розовело, и едва заметно начинал подергиваться правый уголок рта.— Я хочу нормальной жизни, хочу покоя... Мне всем приходится доказывать, что я нормальный человек, что я не вор, не какая-нибудь... За девять лет я устала от этого. И дети мои успели устать. Я, как тот декабрист, везде побывала: Магадан, Якутск, Иркутск, Чита... Она меня везде доставала. И я хочу, чтобы она меня больше не трогала, перестала присылать милицию... В шестнадцать лет выдала меня замуж, я двух детей родила, а потом ей Онуфрий не угодил. И сломала нам жизнь. И Любе сломала — с первым мужем ее развела, теперь за второго выдала... Она нас била... вот... шрамы на пальцах... а Любу, ей двадцать два, до сих пор бьет... Андрей из дома ушел в шестнадцать лет, его посадили — он якобы ее обокрал. Он вышел — мама все его документы забрала и отправила его ко мне в Иркутск. Она его выпроводила, как Иисуса Христа... как и меня — в воздухотрест! Хорошо, я работала в ГУВД Иркутска, я ему все восстановила, даже военкомат знает, что я занималась его документами. Родионов Андрей, вы может проверить... Нет, я про отца...— Она запнулась.— Про владыку я ничего плохого сказать не хочу. Он образование нам дал. Сколько я себя помню, отец... владыка жил с нами в одной квартире... Извините,— вдруг резко сказала она,— бывают ли такие обстоятельства, что мои дети с ним на одно лицо?!»

Она и сама очень похожа на Его Блаженство — хотя в конце концов тут, может быть, всего-навсего совпадение, некое, как выразилась Вера, обстоятельство или что-нибудь в таком же роде. Он ли взял на себя сирот из детского дома, Евгения ли Петровна — разве в этом дело! (А ее будто бы удочерила покойная мама митрополита — притом, что у Евгении Петровны жива еще, слава Богу, родная мама, Родионова Ксения Митрофановна.) Но постоянная, мучительная раздвоенность, в которой выросли две девочки и один мальчик, всегдашний страх нечаянно проговориться и назвать отца отцом, сознание, что они не имеют права быть его детьми, игра в приемных родителей, ложь на каждом шагу — Господи, да от этого же с ума можно сойти!

И почему с таким мрачным ожесточением говорила мне Вера: «Я поняла, именно деньги правят судьбой. А не имеешь — с тобой будут делать все что захотят... Будут делать те, у кого они есть».

Чей это урок? Его Блаженства? Евгении Петровны?

6. СОН ВОЛОДИ МАКАРЧИКОВА.

Володя Макарчиков, чудесный молодой человек с окладистой каштановой бородой и мягкими карими глазами, строитель церкви на левом берегу Днепра — за всю советскую эпоху первой новой церкви в Киеве, на которую много жертвовали люди, в том числе и Его Блаженство, уделивший от скромных достатков своих целых семьсот рублей,— Володя Макарчиков видел однажды сон. Вот стоит он в храме, в притворе его, и с ним еще несколько человек. И митрополит Филарет к ним подходит — как бы для того, чтобы их причастить. Подошел и поставил пока Чашу на столик. Странно, подумал Володя, отчего же причащать нас он будет в притворе... Но тут взглянул на Чашу и похолодел. На краю ее, увидел он, сидят черные детки с громадными клювами и клюют, клюют безостановочно Святые Дары. Володя кинулся их отогнать, заглянул в Чашу и вместо Святых Даров, вместо Тела и Крови Христовых разглядел там какое-то гадкое месиво — разглядел и завопил в ужасе: «Владыка! Да чем вы нас причащаете?!» Заглянул в Чашу и Филарет, и закричал, и закрыл лицо руками.

7. НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вещим сном Володи Макарчикова можно было бы закончить это повествование. Однако благоприобретенный в Киеве, Санкт-Петербурге и Москве материал соблазняет меня, и я останавливаюсь как бы на распутье.

Поделиться ли с читателем некоторыми небезынтересными подробностями деятельности господина Пинкуса на берегах Невы? Живописать ли поистине роскошные приемы, эти, так сказать, Лукулловы пиры, которые Его Блаженство время от времени устраивает для лучших людей Киева и на которых, подобно звезде первой величины, бесподобно блистает Евгения Петровна? Или же сообщить о проходившем недавнем соборе Украинской православной церкви и о мужественной попытке одного мирянина довольно пожилых лет обличить Его Блаженство, попытке, закончившейся тем, что приглашенные на сей раз вместо ОМОНа охранять избранных клириков и епископов молодые бойцы из школы восточных единоборств очень быстро и ловко скрутили правдолюбца и вытолкнули его вон из собора Св. Софии?

Но ведь надо и пожалеть читателя, который, должно быть, сыт по горло всей этой мерзостью. Как-нибудь в другой раз — если, конечно, возникнет необходимость.

Между тем одно заявление сделаю со всей решительностью. Найдутся, я знаю, на Украине охотники изобразить мои заметки происками Москвы, ныне кусающей себе локти в глухой великодержавной тоске. Посыпятся обвинения: Москва роет яму для Украинской православной церкви, стремящейся к самостоятельному и независимому от Русской православной церкви бытию. Так вот: лично я — за то, чтобы независимая Украина создала все условия для процветания единой и независимой Украинской православной церкви. Но всеми помыслами, всей душой и всем существом моим я против того, чтобы эту Церковь возглавлял Михаил Антонович Денисенко.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Евгений ЯСИН,
доктор экономических наук

В 1981 году я был в командировке в Финляндии. Мой коллега дал мне книгу американских авторов «Политическая система СССР». Из 800 страниц примерно 700 занимало изложение западной версии истории КПСС. Последняя глава называлась «Будущее России», и я внимательно прочел только ее. Ведь тогда, в начале восьмидесятых, воздух уже был насыщен электричеством, и я сам мучительно думал: сколько еще это будет продолжаться, когда и как кончится?

Глава начиналась со ссылки на Н. В. Гоголя: Русь, куда несешься ты, дай ответ?.. И авторы предупреждали: прогнозы для России — дело неблагодарное, почти никогда не оправдываются. Тем не менее они нарисовали три сценария. Первый — возврат к сталинизму — они сочли наименее вероятным, поскольку правящая элита, по их мнению, не допустила бы репрессий, объектом которых она сама могла бы стать в первую очередь.

Второй сценарий — либерализация режима в духе хрущевской оттепели, но с сохранением всех институтов коммунистической системы — был сочтен наиболее вероятным.

Третий сценарий — демократизация в духе западных стандартов, на основе принципов, проверенных историей цивилизации,— был отвергнут, поскольку при этом предсказывалось неминуемое отпадение от социалистического блока стран Восточной Европы, а следом за этим и разрушение самой советской империи вследствие национальных движений в республиках. Последовательная демократия, предполагающая отказ от насилия и свободу выражения мнений, не могла не привести к развалу государства, целостность которого поддерживалась силой и навязанной властями идеологией. Авторы считали, что советское руководство этого не допустит.

Как ни странно, но развитие с некоторых пор пошло по третьему сценарию. Августовский путч был последней попыткой спасти державу старыми большевистскими методами, и, как только она провалилась, мы оказались перед новой реальностью — Союза как унитарного государства не стало. Даже федерация взамен него кажется уже невозможной. Россия стоит перед дилеммой: демократия, свобода личности, гражданское общество, но тогда гибель империи, которую столетиями собирали предки и существование которой дорогой ценой еще на три четверти столетия продлили большевики, либо величие сверхдержавы, но ценой несвободы, новых потоков крови и нищеты подданных. Трудный, трагический выбор, выпавший на долю нашего поколения!

Сегодня над этим вопросом думает каждый. Скажу о своей позиции: я за Союз, за федеративное государство. Моя мать похоронена на Украине, в Одессе, а отец — в Москве. Хочу, чтобы их могилы были в одной стране. Многое напоминает о бесчисленных человеческих, культурных, иных связях между нашими народами. Но у других людей — иные позиции. У них страстное желание национальной независимости сегодня затмевает все иные чувства. И с ним надо считаться, если сам хочешь быть свободным человеком. Думаю, что развитие событий по третьему сценарию в конечном счете станет благом для всех и, возможно, здоровой основой для нового Союза позднее. Но как тяжело переживать все это лично, сейчас!

Есть, однако, объективные обстоятельства, которые заставляют остановиться и здраво поразмыслить о том, как это все будет происходить, о последствиях действий, предпринимаемых ныне под влиянием страстей, непримиримых противоречий во взглядах, присущей нам нетерпимости, игры политических амбиций.

Главное из этих обстоятельств — глубокий экономический кризис, вызывающий ухудшение жизни людей. Мы стоим перед опасностью еще несравненно большего падения, если будем непродуманно действовать в сфере политики. И здесь я уже могу высказывать не личное мнение, основанное на эмоциях, но профессиональные суждения.

НУЖЕН ЛИ НАМ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДОГОВОР?

ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

Зачем нам вообще экономический союз или сообщество, если хотите? Если для того, чтобы сохранить хотя бы тень прежней сверхдержавы, то думаю, что не нужен. Достаточно подписать декларацию, состоящую из хороших, приемлемых для всех формул, которая, однако, не будет иметь какого-либо реального значения.

Целью может быть выгода от экономической интеграции. Именно ее стараются извлечь страны Европейского сообщества, медленно, но верно продвигающиеся к единому экономическому пространству, к единому рынку товаров, труда, капиталов, к единой валюте. Да, это нам нужно. Но всякий, кто в наших условиях начинает разговор на эту тему, наталкивается на непонимание и подозрение. Сегодня практически каждая республика уверена, что именно она несет ущерб от старой интеграции в рамках единой командной экономики. И убедить никого невозможно, ибо в отсутствие рынка нет четких критериев и объективно оценить реальное распределение выгод и потерь просто нельзя. Нельзя и все! Так у нас устроена экономика.

А когда нельзя оценить выгоды интеграции, говорить о ней рано. Это задачка на завтра.

Цель, ради которой экономический союз нужен сегодня,— выход из кризиса. Эта цель может нас объединить, если только мы все убедимся: поодиночке выбираться труднее. Вот об этом и стоит поговорить.

Будь у нас единое национальное государство с авторитетной государственной властью, пути выхода из кризиса известны. Во-первых, необходима макроэкономическая стабилизация. Под этим ученым термином подразумевается оздоровление денежной системы. Это предполагает сбалансирование любыми способами государственного бюджета, создание эффективной банковской системы, способной контролировать денежную массу и инфляцию. Сейчас вследствие слабой и безграмотной финансовой политики правительств Рыжкова и Павлова, а в последний год — самодеятельности ряда республиканских правительств мы, даже если захотим действовать, не располагаем элементарными механизмами макроэкономической стабилизации, поскольку бюджетная, налоговая, банковская системы в значительной мере разрушены.

Ныне перед лицом инфляции наша экономика находится примерно в том же положении, что Москва перед наступлением немцев в 1941 году, когда на многих участках фронта просто не было войск. Стоит противнику двинуться вперед — и некому будет его остановить. Взять под контроль бюджетный дефицит, сократив расходы и построив действенную налоговую систему, создать сильный центральный банк — значит получить такие механизмы, выставить заслоны. Войска еще могут отступать, но они уже есть, они слушаются приказов, они в благоприятный момент способны перейти в наступление.

Во-вторых, нужна либерализация экономики. Это означает свободу для предприятий, свободные цены на подавляющее большинство товаров, минимальные и на выгодных условиях госзаказы, демонтаж административных распределительных систем, устранение фондов и лимитов. Рынок — это прежде всего свобода торговли. Сегодня наша экономика напоминает организм, пораженный закупоркой сосудов. Многочисленные тромбы создаются именно административными ограничениями на цены, сбыт, покупки, расходы. Раскрепостите предприятия, и они пустят в ход весь уже накопленный опыт самостоятельного хозяйствования. Экономика сможет дышать, у нее начнет восстанавливаться кровообращение.

Но сделать это страшновато. Если одновременно не стабилизировать финансы, то свободные цены быстро полезут вверх, нарушатся товарные потоки, сложившиеся прежде по указке сверху. Где-то остановятся предприятия, какие-то регионы могут остаться без самого необходимого. И сегодня мы уже наблюдаем подобные явления, завтра же их масштабы могут существенно возрасти. Однако пережить этот трудный момент придется, иного выхода нет.

В-третьих, нужно предоставить максимальную свободу предпринимательству. Оздоровление денежной системы, либерализация экономики — наиболее болезненные шаги предстоящих реформ — лишь предпосылки ее подъема, но не те силы, которые сами по себе подъем обеспечат. Сделать это могут уже не команды сверху, отжившие свое, но деловая активность предпри-

нимателей, направляемая все меньше государством и все больше рынком. И приватизация нужна не сама по себе, а прежде всего для того, чтобы стимулировать предпринимательскую деятельность, дать ей перспективу.

В итоге мы получим рыночную экономику, поначалу неэффективную, страдающую от инфляции, структурных деформаций и иных детских болезней, но уже действующую и поддающуюся лечению. Лекарство от них тоже известно: это конкуренция. Чтобы помочь ее действию, понадобятся активная антимонопольная политика, содействие малому предпринимательству и т. п.

В-четвертых, необходимо открыть нашу экономику для внешнего мира. Это означает, что любые предприятия и граждане равно свободны продавать и покупать товары как в стране, так и за рубежом, руководствуясь исключительно коммерческими соображениями. Государственное регулирование внешнеэкономических связей ограничивается только умеренными таможенными пошлинами и поддержанием курса рубля по отношению к другим валютам.

Открытость экономики — дело непростое, можно и прогореть. Но в нашем положении при всей требуемой осторожности она жизненно необходима, ибо позволит ускорить все процессы преобразований и подъема экономики. Нам нужен приток капиталов, технологий, опыта управления и предпринимательства. Нам нужна иностранная конкуренция, чтобы победить собственный монополизм и приучить наших предпринимателей к требованиям мирового рынка.

Ключевой фактор в этой сфере, да и для прочистки сосудов отечественной экономики,— конвертируемость рубля. Она означает свободу для каждого, кто хочет купить товары за рубежом, приобрести необходимое количество валюты на рубли по рыночному курсу. Одновременно все, кто экспортирует товары, свою валютную выручку обязаны обращать в рубли по рыночному же курсу. Долларизация экономики, обращение в стране иностранной валюты недопустимы в уважающем себя государстве прежде всего потому, что они подрывают национальную валюту, привлекая к долларам и маркам лучшие ресурсы, ставят граждан в крайне неравноправное положение в зависимости от того, доступны или недоступны им валютные доходы. И главное, правительство страны утрачивает способность контролировать денежную массу и, следовательно, проводить эффективную макроэкономическую политику.

Внутренняя конвертируемость предполагает также возможность для иностранных вкладчиков капитала вывоза прибыли от прямых и так называемых портфельных инвестиций, состоящих в приобретении акций отечественных предприятий и иных ценных бумаг. Иначе нельзя ожидать серьезного притока зарубежных инвестиций, крайне необходимых нам для структурной перестройки народного хозяйства.

Однако конвертируемость не может быть введена каким-либо декретом. Нужны условия, а они создаются как раз макроэкономической стабилизацией, либерализацией экономики, повсеместным распространением торговли валютой, наличием валютных резервов, необходимых для поддержания курса рубля на уровне, который не разорял бы без разбора наши предприятия, но в то же время поощрял экспорт и сдерживал импорт.

Все это будет даваться нам с трудом, с ошибками и потерями, с напряжением и конфликтами. Но путь ясен, и пройти его возможно. Ничего невероятного, многие страны проделали такой же путь и теперь вкушают плоды процветания.

СИЛЫ ОТТАЛКИВАНИЯ И ПРИТЯЖЕНИЯ

Но мы, увы, многонациональное, многогосударственное, если хотите, государство. И у нас все гораздо сложнее.

Говорят, у нас не общий дом, а коммунальная квартира. И потому единственный способ решить проблемы — разъехаться по разным квартирам.

Однако для этого надо их иметь. А пока приходится жить в коммуналке, нужно считаться с соседями, а то как бы не оказаться в пещерах. Договор об экономическом сообществе, первая цель которого — выйти из кризиса, это правила общежития на время, пока приходится тесниться вместе. Потом можно разойтись. Хотя я думаю, что к народам, связанным общей судьбой, нельзя относиться как к случайным соседям. Это скорей близкие родственники, теряя которых, теряешь и частицу самого себя.

Сегодня в силу многолетнего гнета, дефицита, разрухи в экономике нас, кажется, все отталкивает друг от друга. Как бы изолироваться, думают все.

Именно обстановку кризиса, развала, ослабления власти центра хочется использовать для того, чтобы добиться независимости, самим взять власть и уже ни с кем не делиться обретенными правами.

Однако есть обстоятельства, которые связывают всех нас сильней, чем партия, КГБ и прежние, не выдержавшие испытания идеалы.

Во-первых, это структура нашей экономики. По-моему, Н. А. Тихонов, наш последний застойный премьер, ввел в оборот понятие «единый народнохозяйственный комплекс». Я никогда не любил это выражение, но оно отражает реальность. Наша общая экономика десятилетиями строилась на манер одной фабрики, даже одной машины. Есть, конечно, отрасли, где строение иное. Так, колхозы и совхозы, швейные фабрики и хлебозаводы есть во всех республиках. Но в ключевых секторах народного хозяйства предприятия завязаны технологически, в рамках монопольных структур, быстрое разрушение которых чревато бесчисленными бедами.

Во-вторых, мы все производим товары неконкурентоспособные на мировом рынке, исключая, возможно, лишь топливо и сырье. Республики, которые ими располагают, находятся в лучшем положении, но в целом всем будет плохо, если в одночасье понадобится заменить привычных партнеров иностранными. Мы, грубо говоря, никому не нужны, кроме самих себя. Мы нуждаемся поэтому в сохранении и развитии внутреннего рынка.

В-третьих, все мы связаны хоть и полуразрушенной, но единой денежной системой. Сейчас во многих республиках сильно стремление обзавестись собственной валютой как важным атрибутом экономического суверенитета и как способом отгородиться от других республик, действия которых в силу использования одних и тех же рублей наносят ущерб не только им самим, но и соседям.

В этом смысле можно понять, скажем, Украину, которая старалась избежать чрезмерной эмиссии, а рядом Россия генерировала огромный бюджетный дефицит, принуждая союзное правительство делать долги в Госбанке и печатать деньги без счета, которые ведь попадают и на Украину.

А сейчас Россия сетует на то, что Украина выставляет барьеры на пути товаров, планирует ввести свою валюту. Теперь и Россия уже ищет пути, как обособиться, чтобы защитить свои интересы. И здесь уже строят планы выпуска рублей с полосой. Логика конфронтации в денежных делах, пожалуй, особенно опасна. И она уже толкает нас в невылазную топь.

Но надо видеть и другое. В нормальных условиях для взаимовыгодной торговли единая денежная система — важное преимущество. Надо хорошо подумать, стоит ли сегодня разрушать то, что завтра, возможно, придется воссоздавать заново. Ведь и сегодня за разделение денежной системы, особенно учитывая условия кризиса, придется заплатить весьма немалую цену. Боюсь, ту, которую мы просто физически не выдержим. Разум должен был бы остановить. Или хотя бы, если нет разума, инстинкт самосохранения.

Таким образом, силы притяжения весьма и весьма существенны. Поэтому, надо думать, идею экономического сообщества в том или ином виде поддерживают практически все республики, даже те, кто настаивает на полной независимости. Вопрос в том, каким ему быть.

А вот теперь давайте порассуждаем, исходя из того, что:

— в сообщество входят независимые государства, которые вправе полностью определять свою политику, включая введение своей валюты, участие в различных союзах и т. д.;

— вхождение их в сообщество диктуется их собственными интересами;

— вступив в сообщество или оставаясь за его пределами, республика как независимое государство должна считаться с интересами других государств и их союзов, избегать односторонних действий, выполнять свои обязательства.

СВОБОДА ТОРГОВЛИ

Первое, ради чего обычно создаются экономические союзы или сообщества, так это для свободного обмена товарами и услугами, для снятия таможенных и всякого рода иных барьеров на границах. Делается это потому, что все сознают выгоды расширения рынков, усиления конкуренции, углубления кооперации и разделения труда.

При этом, конечно, идут на известные жертвы, ибо с точки зрения краткосрочных интересов ограждение отечественной экономики от иностранной конкуренции представляется весьма важным, на нем настаивают свои производители.

Наша ситуация весьма специфична. С одной стороны, у нас пока не рыночная, но глубоко интегрированная экономика: разрушение сложившихся связей даже в отдельных звеньях вызывает цепную реакцию сбоев. Низка приспособляемость такой экономики: если предписанный сверху поставщик отказывается принять заказ, то куда идти? Конкурентов у него, как правило, нет. Чтобы купить за рубежом, нужна валюта. Сложившиеся связи нужно, конечно, перестраивать, но процесс этот оказывается весьма болезненным, и если кто препятствует межреспубликанским обменам, то развитие его отнюдь не облегчается.

С другой стороны, дефицит всего заставляет правительства республик и местные власти, отвечающие за обеспечение своего населения, препятствовать вывозу за пределы своих территорий то одних, то других товаров. Едва ли не первое требование республик, выдвигаемое как символ суверенитета,— право защищать свой рынок.

Во всех нормальных странах такая защита — ограничения ввоза. У нас, разумеется, все наоборот. Но это факт, с которым надо считаться. Каковы, однако, последствия?

Ограничения вывоза на первый взгляд в интересах местных потребителей и, стало быть, укрепляют позиции тех руководителей, кто их применяет. Но они не увеличивают производство. Если мясо на рынке в Полтаве 5 рублей за килограмм, а в Москве — 50 (причем как раз в результате возведения барьеров), то стимулы роста производства при ограничениях вывоза у полтавских животноводов существенно слабеют.

Еще одна наша особенность — мы переходим к рынку, так говорят по крайней мере едва ли не все лидеры республик. Но если так переходить, то произойдет это очень нескоро. Тем более что республики уже заменили централизованное распределение материальных ресурсов «децентрализованным», то есть попарно заключенными соглашениями о взаимных поставках. У нас это, между прочим, означает, что для их выполнения республиканские органы должны разместить госзаказы, распределить фонды и все сделать, как в старые «добрые» времена. И в силу дефицита оставят предприятиям ну от силы 10—15 процентов свободы. «Вы же хотите, чтобы сохранились сложившиеся связи, чтобы не было срывов? Вот мы их и гарантируем. И свои обязательства по межреспубликанским договорам постараемся выполнять аккуратно. И сейчас выполняем их аккуратней других,— скажет премьер-министр уважаемой республики.— А вот стихийного вывоза товаров, нужных нам самим, не допустим».

Я понимаю, какая-то республика побогаче может таким образом на время что-то выиграть. Но из кризиса не выйдет. А ведь нам всем нужно именно это, а стало быть, как мы говорили, нужна либерализация экономики. Ею при такой политике и не пахнет. Значит, если не договоримся о свободе торговли, о свободном движении товаров, людей, капиталов, поднять производство не удастся. Мы сидим в тупике, а двинуться из него никак не решимся. Напротив, воздвигая барьеры, пятимся назад. Англичане говорят: если хочешь выбраться из ямы, первым делом перестань рыть ее дальше. У меня есть рецепт, который республики сегодня вряд ли услышат: отменить все двухсторонние соглашения. Вчера они были символом освобождения от центра, сегодня же — оковы для рынка.

Самое же интересное, что решение проблем товарного дефицита, бартера, барьеров на республиканских границах лежит отнюдь не в согласовании натуральных поставок, но в совсем иной сфере — финансов и цен. Свободные цены и жесткие бюджетные ограничения на всех уровнях — от предприятия до сообщества — способны в корне изменить ситуацию буквально в считанные дни. Но стоить это будет недешево, шоковая терапия переносится с трудом.

Можно растянуть процесс, допустить высокую инфляцию, чтобы смягчить последствия и распределить их на более продолжительный период. Но все равно надо решаться. Ибо все барьеры падут, все захотят свободно торговать, как только удастся добиться укрепления рубля.

Но рубля ли? Ведь именно в этом пункте возникает сакраментальный вопрос: а может ли сообщество, все члены которого одержимы идеей независимости и склонны принести на ее алтарь любые жертвы, проводить достаточно жесткую и непопулярную макроэкономическую политику? Смогут ли республики договориться? Или все же лучше разбежаться, установить таможни, завести собственную валюту?

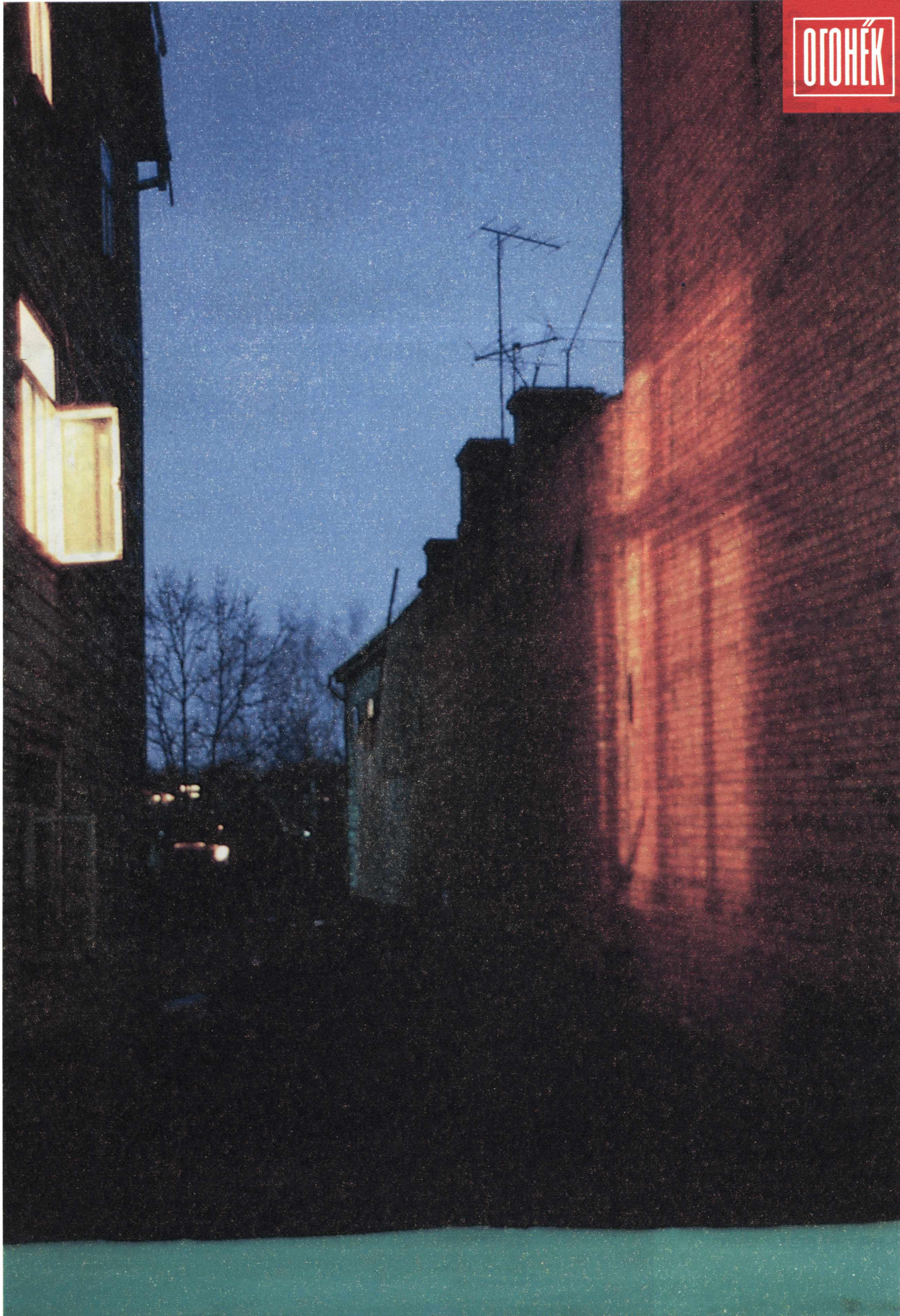
По сути, сегодня этот вопрос — сообщество или республики должны быть центром макроэкономической политики, главным субъектом решений по финансам, налогам и кредиту — остается в центре дискуссии. И его придется обсуждать со всей основательностью, чем я и хотел бы заняться в следующей статье.

(Окончание следует.)

ОГОНЁК

ФОТОВЕРНИСАЖ

Владимир ИОСЕЛЬЗОН

«ТРЕВОЖУ ЗЫБКИЕ МАТЕРИИ...»

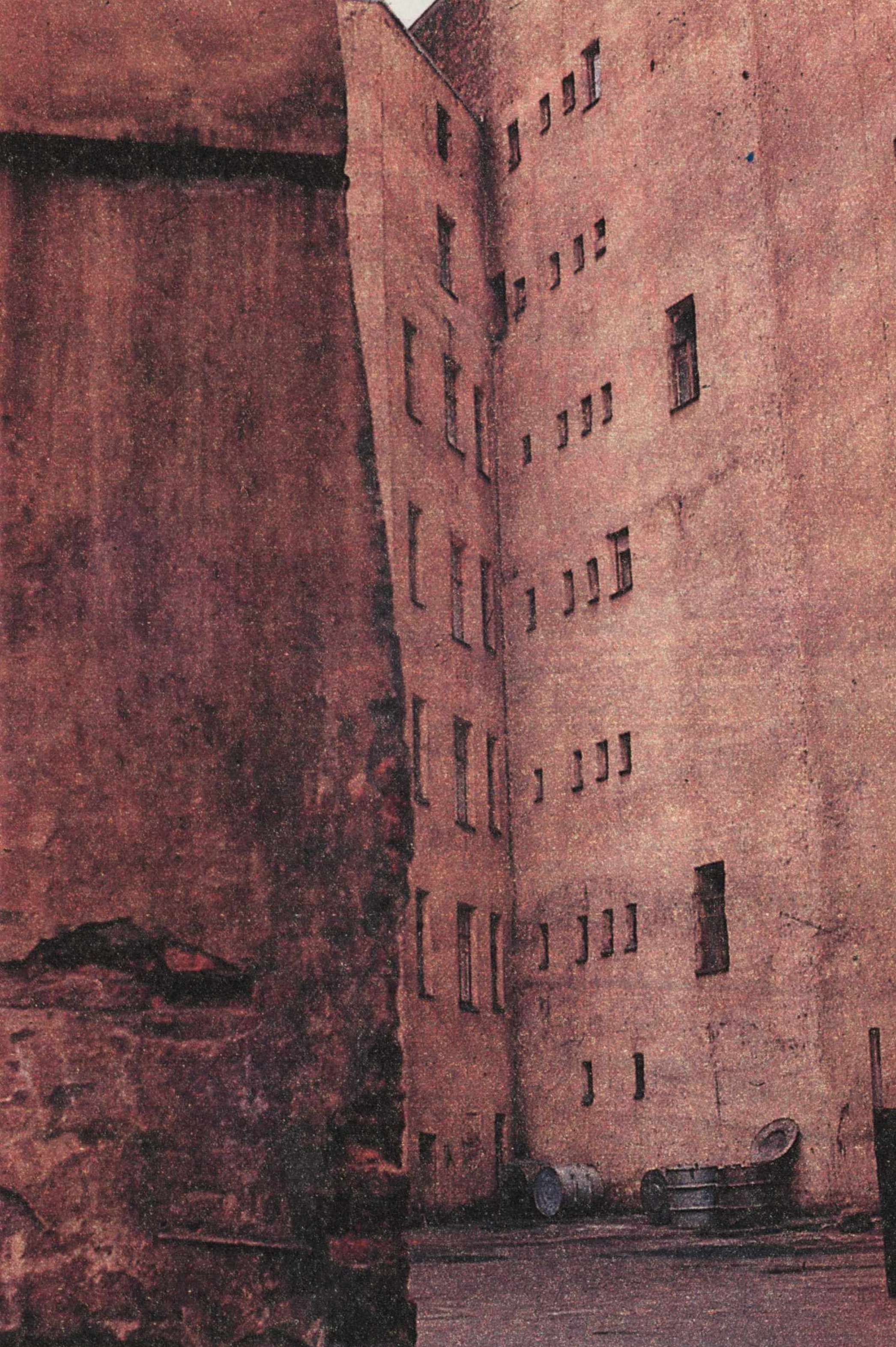

О себе. Родился в 1950-м в Ленинграде. Работал сборщиком детских игрушек, такелажником на киностудии, почтальоном, сторожем, копировальщиком, сейчас — оператор газовой котельной. Фотографирую с детства. Показы: Дом архитектора, музей Блока, ленинградский Фонд культуры, фотоклубы, квартиры.

Как это у меня бывает, в точности сам не знаю. Просто, неторопливо двигаясь по городу, постепенно втягиваешься в некое состояние (называю его «расширившийся глаз») — и картинка вдруг появляется, как разряд электричества или химическая реакция (что-то с чем-то соединилось, влилось в уплощенный сосуд кадра и застыло).

Или так. «Чуть влево, нет, вправо, выше. Вот!» «Вот!» — у меня как эстетическая категория. Потом, после проявления пленки, может оказаться, что ничего и не было, никакого тебе «Вот!», а совсем другое буквосочетание стоит на этом месте.

Формально. Думаю, что внутри снимка должно быть напряжение и притяжение контрастов. Это дает картинке драматургию. Так полярности (свет — тень, гармония — хаос, прекрасное — безобразное, верх — низ, живое — предмет,

покой — страх и т. д.), если с ними удается справиться, высекают искру, нужную автору (и зрителю).

Всякая схема условна, так может быть нечто простое и четкое, без всяких контрастов, с одной тональностью.

Тут нет точности, я теоретизирую, вспоминаю, даю варианты, грани, надеваю маски, тревожу зыбкие материи, а ведь хотелось бы иметь в виду и просто быт, просто жизнь с ее размеренностями, ритуалами, ужасом, счастьем.

А могут быть слайды беспредметные. Тут уже чистая эстетика, и среди пятен, линий, форм можно приятно провести время.

О портретах. Портрет, вписанный в своеобразную городскую среду, оборачивается персонажем, социальным типом. Это не выражение личности модели, а выяснение отношений человека и города.

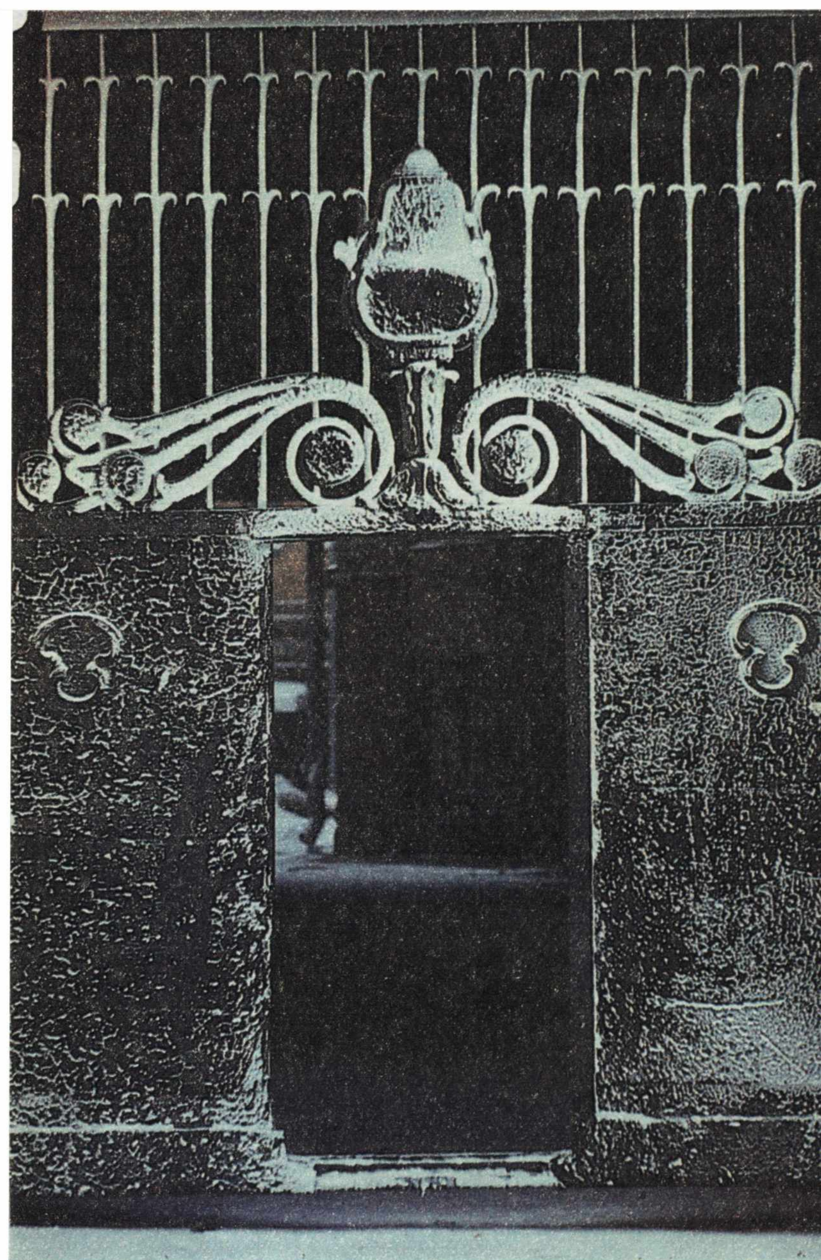
Об ущербности и трущобности. Это часто приходилось слышать. Пример из опыта показов. Дом на капремонте. Красно-коричнево-желто-сине-серая облупившаяся штукатурка. Стая труб. Сине-черные дырки окон. Снято из окна на лестнице.

Для меня это как бы портрет опустошенной души: трубы — волосы, окна — пустые глаза, треснувший подоконник — рот.

В редакции журнала: «Какой ужас! Это же не Ленинград, а американские трущобы» (член редколлегии).

В знакомом доме: «Как здорово — это же прямо-таки нью-йоркские трущобы» (отказник).

В другом доме: «Красиво» (художник). Так я понял, что правое и левое в идеологических оценках сходятся, и позиция художника мне ближе.

RANK XEROX
Authorised
Dealer
КСЕРОКС 5017.......
СТИЛЬ И ФУНКЦИЯ
ОДНА ИЗ САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ
МОДЕЛЕЙ ЭТОГО ГОДА
КСЕРОКС 5017 — ЭТО ВАШ ВЫБОР!
РАСПРОДАЖА
— ЦЕНЫ СНИЖЕНЫ
НА 30% !!!
Официальный дилер фирмы РЭНК КСЕРОКС
с 1 по 15 декабря 1991 г. продает КСЕРОКС 5017
с 30% скидкой
XEROX 5017
КСЕРОКС 5017 — это компактная, универсальная, скоростная копировальная машина формата А3.
Гарантийное обслуживание.
Запасные части.
Инструмент.
Всегда в продаже имеются более мощные копировальные аппараты и электронные пишущие машинки производства фирмы РЭНК КСЕРОКС.
Звоните нам каждый день по московским телефонам:
280-98-77
и
280-77-33.

Зиновий ЗИНИК

РУССОФОБКА И ФУНГОФИЛ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

Зиник мало кому известен. Он — типичный писатель для немногих. Не понятно, выработалось ли у него это качество уже в России или только на туманном Альбионе, куда Зиник эмигрировал в 1975 году. В 30 лет. В эмиграции, на мой взгляд, он стал одним из лучших и одним из самых малозаметных писателей, ибо в политику не встревает, в скандалах замечен не был и никогда не хвалил Горбачева.

Одна из главных его тем — жизнь русского вне Родины и жизнь русской литературы в эмиграции. Вообще Зиник очень литературен. Он много читает вместе со своими героями, что видно по его книгам, но никогда не верит на слово. Ситуация проверки, постоянных экзаменов предшествующей культуре (и самому себе тоже) типична и для романа «Руссофобка и фунгофил». Название обозначает: тот, кто ненавидит Руссо (это англичанка Клио), и тот, кто обожает грибы. Это русский муж Клио, Константин. Они встретились в Москве. Пожили здесь немного. На ее грязных улицах. В ее сумасшедших коммуналках. А потом сбежали в Англию. В страну строгих правил и малоэмоциональных женщин. Так же и слог Зиника: он суховат и кажется маловыразительным. Но внутри него горячее сердце,и нежность, и,в общем,русская это литература, русский роман. Впервые изданный в Лондоне в 1984-м.

Он покажется вам слишком эротичным? Сплошь сексуальным? Любой отрывок обманывает — тем более у Зиника, пародирующего все на свете, а уж штампы бульварного романа — в первую очередь. Потому что «настоящий» Зиник никакого отношения к ним не имеет.

Алексей МОКРОУСОВ

Этот московский год остался в ее памяти как некий затянувшийся кошмар. Так вспоминают с содроганием вынужденную зимовку на плавучей льдине, отсидку в турецкой тюрьме с крысами или первый аборт, когда сломлены и гордость, и стыд и никакое унижение не стоит на пути к одной-единственной цели: выжить, выцарапаться, выкарабкаться.

Вместе с регистрацией брака в конторе, где женщина, похожая на мешок с капустой, увешанный медалями и орденами, долго говорила о роли семьи в борьбе с фашистскими захватчиками, Клио лишилась секретарской работы в британском торгпредстве — то ли по соображениям госбезопасности, то ли по сокращению штатов. Ей ничего не оставалось, как целыми днями просиживать дома, особенно когда ударили настоящие морозы и зашуршали первые вьюги. Вместе со стеной снега, выраставшей у окна, замораживались в памяти лондонские разговоры про перманентную революцию и инфляцию, и все выше вставал в глазах железный занавес в виде железнодорожного забора, за которым неслись, раскачивая Костину комнату, поезда, непонятно откуда, непонятно куда. Сдвинулось и время, поскольку Костя работал вахтером посменно и возвращался то в полночь, то под утро, своими возвращениями отмеряя московское время Клио: другой точки отсчета у нее не было.

От Кости зависели не только часы ее сна, точнее, снившихся ей кошмаров. Как тюремщик, Костя диктовал, естественно, и рацион питания, составленный, как и следовало ожидать, главным образом из консервов, уворованных на фабрике, не считая тех малосъедобных консервированных изысков, которые Клио успела завезти из Лондона. Пока Костя, прихлебывая бульон из кубиков, заправленный брюссельской капустой из лондонской жестяной банки, зачитывал соответствующую капусте цитату из Пруста, Клио безуспешно пыталась отвлечься от единственного слова, все громче и громче звучавшего у нее в голове и заглушавшего рулады Костиного чтения и собственное бурчание в животе. Этим словом было — мясо. Поначалу она пыталась отрешиться от суетных мыслей о мелкобуржуазном хапанье продуктов из-под прилавков, но когда из кулинарных экспериментов Кости исчезли последние намеки на мясной отдел продмага, кровавые картины чикагских боен и йоркширских мясорубок стали неотступно преследовать Клио в ночных кошмарах, и наутро край подушки был обильно увлажнен ее слюной.

Однажды ей даже приснился еврей Гиндин с мешком посреди Лубянской площади: он предлагал ей трупик ребеночка, объеденного крысами, на жаркое, говорил, что по дешевке отдаст, поскольку его все равно арестуют. «Возьмите и ешьте себе на здоровье,— говорил еврей с мешком.— Вам людоедствовать можно: вы иностранка». Но Клио мотала головой: «Я не иностранка, я советская по мужу». И отпихивала рукой холодного ребеночка, а сама думала: может, взять, Костя ведь людоед?

Во время приемов пищи по Костиной методе Клио сидела за столом как будто в полудреме, с пустой, застывшей в воздухе ложкой в одной руке, а другой подперев подбородок, со взором, похожим на заиндевевшее стекло, и до головокружения внюхивалась в запахи, проникающие из коридора в дверную щель. Там Костина соседка Тоня варганила нечто, явно отличающееся от Костиной консервной диеты. Точнее, Костино меню находилось в непосредственной зависимости от благорасположения соседки Тонечки.

Тонечка работала в мясном отделе продмага, и постепенно до Клио стало доходить, откуда возник миф о Косте как главном народном добытчике мяса для дружеских пирушек. Все эти куриные ножки, окорока, лангеты и антрекоты с вырезкой поступали непосредственно из-под Тониного прилавка. Однако эти поставки зависели от крайне запутанных нюансов в отношениях Кости со своей соседкой, и эти нюансы оставались для Клио долгое время загадкой. Во всяком случае, первые несколько месяцев пребывания Клио в качестве Костиной жены в коммунальной квартире привели к тому, что Косте пришлось ограничиваться собственным консервным пайком вахтера, и Клио, окончательно деморализованная тоской по мясу, стала сама выискивать возможные ходы к детанту, то есть к Тонечке на кухне. И она эти шаги явно, хоть и сдержанно, приветствовала. Она становилась для Клио неким искушением, возвращающим ее смятенный ум к моральным урокам закона Божьего в квакерской школе. Сами запахи, доносящиеся из кухни, необычные для английского обоняния, кружили голову экзотикой и потому соблазном: она стремилась к ним, как к острову сокровищ из детской книжки. Она прислушивалась к туземному перестуку ножа, шинкующего капусту, к журчащей, как ручей, раскаленной сковородке с шипящим маслом — разве можно жарить вырезку в таком гигантском озере масла? А может быть, это вовсе не вырезка, а свиная отбивная журчит в собственном жиру? Или печень? Может быть, она готовит мясной «пай»? И тут же спохватывалась: какой тут может быть «пай», когда это московская коммуналка, а не йоркширский деревенский паб! Выпадала ложка из ослабевших рук Клио; оправдывая позорные позывы своего истосковавшегося желудка миссионерской идеей (мол, надо же научить кулинарного варвара, Тонечку, как готовить изысканный английский пудинг), Клио вслух оправдывалась перед Костей: «Пойду сполосну ложку». И, подобрав ложку с пола, выходила на кухню со слабостью и дрожью в коленках.

Тоня, крепкая девица в бигуди и шелковом халатике цвета морской волны с павлинами, крутилась у плиты. «Ромштексам доверять нельзя,— журчала она грудным полудеревенским говорком.— Закаялась ромштексы брать, а вот опять бес попутал». И она, гремя сковородой, швыряла на нее бездумно лепешки мяса, густо обваляные в сухарях. Сухари витали облачком над плитой. «Панировка, говорят, а под панировкой этой что? Я вилкой-то в эти сухари потыкала, ничего вроде, а вот стала жарить, и жиру натопленного — хоть в помойное ведро выливай. А с жиру-то — одни кости!»

Клио заглядывала сбоку, делая вид, что полощет ложку у раковины. «Вам, Клеечка, на разжарку картофеля жирку не отлить?» Клио как загипнотизированная согласно кивала головой, уставившись на полноватые, с ямочками локти Тонечки, фокусничавшей над сковородой. Всякий раз, поймав на себе этот затуманенный взгляд, Тоня с улыбочкой милосердия на крупных губах, прищурившись, говорила: «Что это вы, Клеечка, сегодня с лица такая бледная?» Похлопав у себя в комнате дверцей холодильника, снова вырастала перед Клио, как джинн-соблазнитель из бутылки: «А вот корейчки не хотите попробовать? Постненькой?» И чуть не насильно совала ей в рот блестящую, как лаковая туфля, шкурку со слоистой бахромой подкопченной свинины. Клио, учуяв запах английского бекона, жадно вгрызалась в нежующийся кусок и заглатывала его, чуть не поперхнувшись, со слезой, выступавшей от упорной работы челюстей. «И что вы, англичане, все такие французистые? Все диетничаете? — приговаривала Тонечка, хлопая закашлявшуюся Клио ласково по спине, как будто взвешивая баланс мяса и костей.— У нас в деревне такие миниатюрные до гроба в девках пропались бы. Но Константин у нас городской, аристократ, ему миниатюры захотелось, вот и держит тебя на консервном пайке с бульоном. Ты, Клеечка, когда пузо с голодухи пухнет, ты на супруга не гляди — стучись в дверь в любой час дня и ночи — пошамать чего и вынесу, нечего костьми греметь ради ублажения иностранных вкусов мужа к англицкому студингу. Я Константина не первый год знаю: мужчина любит, чтоб в женщине было за что подержаться!» И Тоня с горделивой скромностью запахивала халатик голубой синтетики на своих рвущихся к небесам дирижаблях плоти.

В этом же экспортном, по блату, халатике (добытом через подругу Зину из галантерейного магазина) она стала являться без стука и в Костину комнату с продуктовым пакетом, лопающимся по бокам, как и ее откормленное тело. Из этого пакета на стол выкладывалось нечто невероятное для изголодавшихся жителей московской коммуналки: скажем, целый окорок или нетронутое полено копченой колбасы. Костя начинал излагать очередные гадости про советские мясокомбинаты, где яко-

бы в мясорубках ночуют крысы, но Тонечка как будто не слушала; усаживалась на качающийся табурет и, дав Косте вдоволь выговориться, пресекала: «Ешь, аристократ! Ешь да помалкивай! — наставляла она Костю, оседлав табуретку, как будто предлагая Косте не окорок на столе, а свое тугое бедро, сверкающее из-под халатика.— Одними бусурманскими рецептами жену не прокормишь, гляди, совсем миниатюра стала! — И она по-матерински, хотя была лет на десять моложе Клио, прижимала ее к себе.— И не думайте мне деньги сувать,— заключала она.— Мы тут не чужие. Свои люди — сочтемся!» И, чмокнув звонко Клио в щечку, удалялась к себе по коридору.

«Как бескорыстен русский человек! — ворочалось в сонном мозгу Клио, пока желудок переваривал очередное подношение Тонечки.— Разве Марга способна на такую щедрость?» Даже в студенческие годы «борьбы с буржуазными предрассудками» стоило тебе принести подруге чашку кофе во время ленча, обязательно совали десять пенсов в ладонь, и ты совала, если тебе принесут: всегда баш на баш. Тонечка от денег категорически отказывалась, хотя речь шла не о какой-то мизерной чашке кофе, а о целой поросячьей ноге. Но от мыла, пачку которого Клио привезла из Лондона, Тонечка не отказалась. «Завотделом промтоваров мыло из загранки с оберткой съест,— говорила Тоня загадочные фразы, связанные со сложным распределением продуктов потребления.— А вот нельзя ли из-под вашей сертификатной «Березки» выкопать эти самые виски-дриски? У моей парикмахерши завтра день рождения, я ей сервелату венгерского несу с духами «Родина» в придачу, но надо ж ведь что-то и прилично-заграничное преподнесть?»

За парикмахершей последовал завотделом «Обувного», не считая книжной лавки ССП для приобретения романа «Двадцать лет спустя» Александра Дюма, чтобы не соскучился директор магазина «Ткани» на улице Горького; как будто все социалистическое хозяйство целиком зависело от винотдела инвалютного магазина «Березка» и без этой «подмазки» страна давно скатилась бы к первобытному варварству пещерного быта, с костровым принципом общего котла и охотой на мамонтов.

Принимая очередное продуктовое подношение из Тониных пухлых ладоней в обмен на очередной «сувенирчик», Клио успокаивала себя тем, что, может быть, это и есть коммунизм, то есть возвращение к натуральному обмену на основе взаимопомощи. Тонечка же, в свою очередь, всякий раз повторяла: «Ой, да что ты! Ой, да зачем это? Да мы ж свои люди — сочтемся!» Но, помявшись, награждала Клио сочным поцелуем и тут же принималась интимно излагать, как она «подмажет» завотделу по соцпутевкам насчет пансиона в Друскениках, где под Новый год собираются все завотделами московских продмагов и распределяют должности в облаках пара тамошних саун.

С каждым разом (а эти разы повторялись, поскольку голод не тетка, навещающая раз в год) Тонечка все меньше отнекивалась и все настойчивей требовала внимания к своему душевному миру. Ее тревожили разнообразные и неотложные вопросы. «Говорят, у вас там по улицам черномазые толпами ходят?» — интересовалась она, задумчиво глядя на Клио. Та в замешательстве пыталась объяснить, что в Лондоне по улицам ходят не толпами, а по отдельности, вне зависимости от расовой принадлежности. Тоня с готовностью качала головой. «Я чего спрашиваю,— уточняла она,— неужели у них, у негров, член тоже черный?» Клио краснела. «Да ты не красней,— хлопала ее по коленке Тоня,— я же из интернационализма интересуюсь. Однако любопытно было бы попробовать. Исключительно ради интернационализма».

Разговоры на эти интернациональные темы раз от разу учащались. «Говорят, у вас там искусственные даже члены продаются. Синтетические. С электрической приставкой. А?» Клио, потупившись, объясняла, что электрические называются не членами, а вибраторами. «Жужжит? — хихикала Тоня.— А по мне и пускай себе жужжит. Когда мужик кряхает да хрипит, как удавленник, лучше, что ли? А потом брык — и захрапел, а ты всю ночь ворочайся, неудовлетворенная.— Она вздыхала.— Вот твой Костя не такой. Костя нежный».

Эти загадочные для Клио вздохи окончательно разъяснились, когда однажды Тонечка явилась в комнату с синяком под глазом. «Мой инвалюга из отлучки вернулся. Подаю ему борщ,— шмыгая носом, отчитывалась Тоня.— Отхлебнул он две ложки и говорит: это что, говорит, гороховый, что ли, суп? Ну да, говорю, гороховый! Похлебал он еще две ложки. Какой же, говорит, гороховый, когда это борщ! А что ж это, по-твоему, говорю, как не борщ? Гороховый, что ли? А чего же ты, говорит, гороховый говоришь?! И вдарил мне, инвалюга, отсюда и досюда». Она вздохнула, пощупав пальцем синяк. Клио не до конца поняла причину семейного конфликта, но синяк на лице был налицо и не в первый раз.

Муж Тони был инвалид то ли войны, то ли собственной судьбы, по вине которой провел полжизни в исправительно-трудовых лагерях как расхититель народного имущества из пушного кооператива. Тоню он выписал из деревни в качестве домработницы взамен на московскую прописку, но супружеские обязанности, подразумевавшиеся в этом негласном соглашении, исполнять отказывался. «Так что мне без заграничного вибратора не будет душевного покоя»,— объясняла Тоня.

Поскольку вибратор стоил ползарплаты секретарши, Клио делала вид, что не понимает запросов Тонечки. Валюта кончилась, и давно начался натуральный обмен: за дубленкой последовали джинсы, и дело уже шло к лифчику с трусиками. Постепенно переодеваясь во все советское, как в новую шкуру, Клио лихорадочно соображала: что осталось у нее в запасе иностранного, кроме собственного тела? В иностранном происхождении собственной души она стала сомневаться — тем более вряд ли душу можно обменять на иностранную валюту в стране советского атеизма. Но Клио недооценила великой терпеливости женщины русских селений, когда та знает, чего хочет.

В очередной раз одарив Клио говяжьей вырезкой, Тонечка в ответ на благодарности пробормотала свое казенное: «Ой, да что ты, свои же люди!» Но к себе в комнату не уходила, а все сидела, чего-то выжидая, и мяла уголок скатерти. Потом, решившись, опустилась рядом с Клио на диванчик, сжала ее руки в своих пухлых ладонях и снова заговорила про семейный идеал, про совместное счастье Клио и Кости без вибратора, поскольку Константин хоть и с загибами насчет рецептов спасения России, но на мужском потенциале у него это никак не сказывается, она-то уж знает, не первый год в этой квартирке проживает. И, снова помолчав, перешла к практическим выводам. Поскольку у Клио с Костей впереди супружеская жизнь до седины волос во всех присутственных местах, а у нее, Тонечки, в этом смысле вдовья бесперспективность, не уступит ли Клеечка своего Костю ей, Тоне, всего на пару часов — для телесного слияния. «Ты ничего дурного не подумай! — спешила внести ясность Тоня, глядя, как Клио откашливается, поперхнувшись от Тониной просьбы говяжьей вырезкой, со слезами на глазах, то ли от кашля, то ли от унижения.— Ты не думай: любовные шашни я с ним заводить не собираюсь. Исключительно, чтобы унять телесную лихорадку — уже ночами не сплю. Был бы у меня, Клеечка, вибратор, разве я б к тебе обращалась? Но подумай сама: Василий, грузчик, опять в запое, а от моего инвалюги, сама знаешь, никакого толку. А с посторонними я не гуляю. Дошла до того, что за прилавком с весами не могу совладать. Вместо того чтоб покупателя облапошить, сама граммы лишние довешиваю. Как мужчина у прилавка — у меня в груди как будто пудовые гири раскаленные, вчера чуть в бочку со сметаной от головокружения не свалилась. Так что прошу тебя, можно сказать, как аптечку: для излечения. Тем более у Кости, знаю, завтра отгул, а у меня вторая смена. Много времени не займет, а ты пока на нашего вечно живого в Мавзолее с утра поглядишь, ты ж в Мавзолее не была?» И Клио, онемев от услышанного, от самого тона просьбы, жалобно-деловитого, при всей невероятности сказанного, качнув головой, подтвердила, что в Мавзолее она действительно не была и вообще: «свои люди — сочтемся».

В то утро первого Тонечкиного с Костей «сеанса» Клио кружила по заскорузлым от мороза московским улицам, со слипающимися от замерзших слез ресницами и делала вид, что плачет не от ревности и унижения, а переживает за судьбы неудовлетворенных российских женщин, жертв мужского шовинизма советского толка.

Со студенческих лет Клио приучала себя не поддаваться мелкобуржуазному чувству ревности, ложному чувству собственничества. Может быть, просьба Тонечки была ниспослана свыше, как некое духовное испытание, проверка шоком — готова ли она отречься от принципа индивидуализма, неразрывного с западной цивилизацией, и приобщиться к трудной науке общинного быта, где надо делить не только свои мысли друг с другом, не только хлеб и соль. Направляясь в то утро к Мавзолею, она всем сердцем старалась отождествить себя с душой и телом Тонечки, с ее голодным деревенским детством и людоедством, паспортным контролем и московской пропиской, с мужем-инвалидом, который стал старым хрычом не по своей вине, а в результате тягот народных, то есть тюрьмы, как извечного рока этого народа — раба и зека Божьего.

Но чем жарче становился накал ее благородных чувств, тем, казалось, ниже становилась температура воздуха на Красной площади. И чем ближе она приближалась к мумии вождя революции, шаг за шагом передвигаясь в гигантской очереди по заиндевевшим булыжникам, тем острее ощущалась пустота в желудке, поскольку приближалось обеденное время английского ленча, а кругом высились лишь угрюмые, с пятнами изморози, кремлевские стены, напоминавшие мясо лишь своими багровыми колерами — мясо обветрившееся, залежалое, обмороженное.

Затаив дыхание, она миновала застывшего с примкнутым штыком часового, боясь, что он пропорет ей штыком желудок, чтобы раз и навсегда прекратить неприличные рулады, возмутительные в обстановке встречи с вождем революции. Но морозный румянец под юношеским пушком этого часового напомнил ей золотистый пушок Тонечкиной выи, склоненной над духовкой с ароматным варевом. И перед глазами стали навязчиво мелькать лангеты Тонечкиных бедер и с некоторой долей воображения — августовские вишни ее сосков, недоступные в зимние месяцы — за исключением Центрального рынка — персики ее щек и ананасы ее ягодиц, а ярче всего — клубника со сливками, которые взбивал Костя своим могучим инструментом и, склоняясь над этим роскошным мясным блюдом, поливал его соусом. И Клио хотелось проглотить Тонечкины телеса целиком, с потрохами, в неком припадке голода по человеческой теплоте и плоти на этом морозе, превращающем эротику в людоедство.

Как будто поймав ее на этой людоедской мысли, кто-то грубо подтолкнул ее, тяжело дыша в затылок: она поняла, что задерживает шествие мимо гроба вождя. Глаза ее скользнули по восковому личику мумии с как будто наклеенной бородкой. Очередь снова вынесла ее на булыжную площадь. Дразнящая пустота в желудке сменилась тупой сосущей тошнотой, как будто в животе оказалась эта мумия. Она зашла в городскую уборную: ее долго и мучительно рвало.

Что заставляло ее согласиться на Тонечкины уговоры — уступала ли она зовам желудка или сочувствию к чужой одинокой женской доле? Она чувствовала себя всей Россией: не способной себя прокормить, зато взамен дарящей любовь. И когда Тонечкины запросы стали повторяться с регулярностью месячных, Клио даже стала наводить справки о возможности принять советское гражданство, чтобы официально, так сказать, зарегистрировать собственный жертвенный статус. Но, видимо, не все униженные и оскорбленные этой коммунальной квартиры разделяли ее пафос жертвенности. В очередной раз, когда в глазах у Тони появилось знакомое томное беспокойство, поскольку Вася опять в дупель пьян, а муж-инвалид в отлучке вторую неделю, Клио решила на прогулку вообще не выходить, а отсидеться на кухне. Тем более мороз на улице трещал такой, что даже школьники не посещали школу. Тем более был повод: на кухне скопилась гора грязной посуды, как раз займет те полчаса «свиданки», как называла Тонечка свои визиты в Костину комнату.

Клио стояла у кухонной раковины с черными ранами сбитой эмали, скосив глаза на заросшее грязью и кухонным жиром окно, и грохотом посуды пыталась заглушить то ли стук вагонных колес за окном, то ли скрипучее грохотанье кровати под нарастающее паровозное пыхтенье за стеной. Чтобы не слышать эти охи, и всхлипы, и скрипы, она даже обвязала голову полотенцем, но постельная возня не заглушалась ничем, и от этих инвокаций, мнимых или действительных, у Клио начинало слабеть в коленках, и банное мыло (посудомоечная пена была незнакома этой цивилизации) выскакивало из ее огрубевших красных пальцев с заусеницами и падало на потрескавшийся, щербатый пол.

Унижение было не в том, что Костя сейчас там, за стеной, занимается кулинарными ритуалами с Тонечкиным жарким телом, а в том, что Клио там нет, что ее не допустили к дегустации российского тепла на советском морозе, а ей хотелось быть Тоней на месте Кости или Костей на месте Тони, быть ими обоими. Всякий раз она ждала, что ее позовут, покличут и посвятят в загадочный ритуал душевной дележки, а не будут держать сторожем брата своего или кем там еще?

Кисловатый, затхлый запах годами не проветривавшейся кухни напомнил ей о деревенском хлеве, и взвизгнувший гудок паровоза слился с заголосившей за стеной Тонечкой. Как зарезанная свинья. Чем они там занимаются? И кому она сторож? И сторож ли? Что, если все эти идеи, надежды, амбиции, которые привели ее в эту мистическую Советскую Россию, все это блеф? И права была тетка, твердившая дядемиссионеру, что с дикарями надо обращаться по-дикарски, иначе они тебя съедят?

Обмылок банного мыла снова выскользнул из пальцев, и, подняв его с почерневшего, как будто глиняного, пола, Клио перехватила свое отражение в мутном, запотевшем зеркальце над кухонной раковиной. И себя не узнала. С полотенцем на голове, с лицом, обветрившимся от русской зимы, с обломанными ногтями, вся в каких-то поддевках, поскольку разные джинсы и водолазки перекочевали к Тоне,— от нее, от лондонской Клио, ничего не осталось. Осталась ряженая, уготованная на заклание — то есть привычное для этой страны людоедство. И тут она почувствовала, что за спиной закопошилось нечто и потом уткнулось в туфлю и поползло вверх по ноге, твердое

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

и упругое, как крыса. И как тут не быть крысам, если квартира кишела клопами и тараканами, сколько ни поливай дезинсекторами и пестицидами, а ночью пробираешься в уборную, щелкнешь выключателем — и на тебя чуть ли не прыгает армия суетливых вавилонян на тысяче ножек, толкущихся по всем углам в своих собственных очередях распределительной продуктовой сети: как тут и крысам не возникнуть? Она передернулась, как будто за шиворот засунули мыльный обмылок, скользнувший вниз по спине липким и скользким комком, и, сжав недомытую тарелку, как единственное оружие, Клио стала медленно поворачиваться, чтобы пришибить паразита, крадущегося по ее туфле.

«Не пужайся, англичаночка»,— осклабилось на нее существо, раскачивающееся на протезе посреди кухни. Палкой-костылем с резиновой наставкой на конце он теребил туфлю Клио, но тут, скосивши взгляд на тарелку, зажатую в ее руках, костыль убрал. Тонин супруг-инвалид своим видом напоминал крокодильскую карикатуру на лондонского безработного: с колтуном слипшихся, торчащих из-под шапки-ушанки волос, с испитым, подернутым плесенью лицом алкаша, где нос был похож на гнилую картофелину, а заячья обветренная губа не прикрывала искрошенных и желтых от никотина зубов. Неясно было, где испоганенное жизнью тело переходит в обезображенность тряпья, где рубаха слилась по цвету с немытой шеей и небритостью.

Это чудище было для Клио тенью одного из тех лондонских побродяжек, догов-собак английского общества, что ищут ночлега под железнодорожными мостами. Инвалид раскачивался перед Клио, как призрак несправедливой Англии, как ее общественная совесть; но из-за своей экзотичности для ее, Клио, глаз он неожиданно предстал пародией на английского лорда, викторианским судьей в парике, как будто стыдящим ее, Клио, за то, что она предала забытых всех униженных и оскорбленных там, у себя на родине, и дала себя вовлечь в развратные и поганые обычаи чужого народа. И вот теперь, с руками, грязными от посуды, с чужими объедками, предавалась ментальной похоти и блуду, в которые втягивала ее извращенная преданность туземному мужу. Ее, аккуратненькую и дисциплинированную школьницу со скаутским галстучком, как будто поймали курящей в уборной или с одноклассницей под простыней, и вот директор гимназии, судья в парике, лорд-канцлер раскачивался перед ней, грозя костылем истории.

Клио всматривалась в шевелящиеся губы, произносящие загадочные проклятия в ее адрес, пока не расслышала наконец обращенный к ней вопрос Тонечкиного инвалюги: «Давно хотел спросить, англичаночка, а что рабочий класс у вас там в Англии глушит?» «Рабочий класс — что?» — не поняла с испугу Клио. «Глушит. Ну это, то есть выпить чего предпочитает?» — повторил, раскачиваясь, инвалид социальной несправедливости. «Все,— подумав, ответила Клио и добавила: — Все, и еще сидр». «Сидр? Это еще что такое, сидр?»

Клио, напрягая свои познания в русском, попыталась объяснить про яблочную настойку. «Так в нем, в сидре, градуса, значит, нет? Чего ж его пить?» — недоумевал Тонин супруг. Клио объясняла, что градус достигается количеством выпитого. «Полезный, наверное, напиток? — задумчиво переспросил инвалид.— Ну а чем они его закусывают? Чем закусывает английский рабочий класс?» — спрашивал он, продвигаясь к Клио. «Ничем», — отступив на шаг, ответила Клио. «Вот это по-мужски! — стукнул костылем инвалид.— Этому надо нам, пролетариату самой первой страны социализма, поучиться у английского пролетариата. Не закусывать! — Он помолчал.— Английскому пролетариату, однако, легче. Если в этом сидре-дристе градусу нет, чего ж его закусывать? Нет никакой необходимости. А если взять водку, скажем,— он помотал пальцем в воздухе,— или если спирт, то тут мы достигли больших успехов. Мы и водку не закусываем. Закусывать все равно нечем. Если б не Антонина!» — И он икнул.

В этом загадочном диалоге Клио, как всякая иностранка, подозревала иной, потайной смысл, скрывающийся за нелепыми фразами. Тонечкин супруг заведомо намекал на ее чуждость этому обществу, его России. И впервые за все эти месяцы она неожиданно для себя дала волю долго копившейся обиде и ревности, и ей захотелось любым способом отомстить этой круглозадой Тонечке за ее мясистые преподношения — за то, что из-за ее российских страданий она, гордая британка, должна стоять над горой грязной посуды перед этим упырем из болота на протезе с его хитрыми вопросами.

«Антонину мою не видала? Пошамать хоца!» — пробурчал инвалид и двинулся к кухонному столу. «Натравить бы этого вампира на парочку за стеной»,— подумала Клио, но тут же соврала, противореча собственным намерениям. «Она из магазина не успела приходить еще»,— забормотала она свои англицизмы, как будто в раскаянии за собственные мстительные мысли.

«Как же не успела приходить еще, когда на столе кило говядины гниет без присмотра?» — И супруг Тони инквизиционно указал на истекающий кровью кусок вырезки на тарелке.

И тут из-за двери Костиной комнаты с удвоенной мощью грянул дуэт голосистой Тонечки и кроватного скрипа.

«Антонина голосит,— нахмурился супруг-инвалид, склонив ухо в сторону двери.— Так только Антонина моя визжать может, когда я ей мозги ее деревенские костылем вправляю»,— утверждался он все больше и больше в своих соображениях и догадках и, наконец, покачиваясь и хромая, двинулся к Костиной комнате. Клио тоже стала продвигаться из своего угла, пытаясь своим телом скрыть существование двери в ад плотского греха за стеной. «Отойди, англичанка,— грозно наступал на нее инвалид.— Я тебя не тревожу, но и другим свою Антонину колошматить не позволю. Я ейный законный супруг». И, отшвырнув Клио костистым плечом, одним ударом деревянной ноги вышиб дверь.

Клио думала (если она вообще думала в тот момент) увидеть нечто оргиастическое и греховное из египетских ночей с Антонием и Клеопатрой, но глазам ее, выглядывающим из-за спины Тонечкиного супруга, предстало нечто производственно-фабричное. Лицом к двери, на карачках стояла Тоня — со сбитыми на лоб потными кудряшками перманентной завивки, с закатившимся взором и чуть ли не высунутым языком. Как будто катая белье на берегу невидимой речки, она мощными челночными движениями раскачивала кровать и Костю, который вцепился в ее зад, явно боясь свериться на пол. «Сейчас кончу, с-с-сейчас кончу!» — голосила Тонечка, как будто объясняя представшему перед ней супругу, что вот-вот закончит рабочую смену и поступит в его распоряжение. Страсть слепа. И только когда супруг-инвалид опустил свою тяжелую лапу на ее перманент, потянув за волосы, Тонечка, ошарашенно завертев глазами, очнулась и издала то ли стон, то ли вопль, то ли от ужаса, то ли выполнив наконец обещание кончить. Этот вопль перешел в животный визг боли, когда инвалид, рванув, сбросил ее на пол и потащил за волосы через весь коридор, голую и извивающуюся, как Синяя Борода в свое подземелье. Он даже не удосужился прикрыть дверь их комнатушки, откуда стали раздаваться мерные и глухие удары.

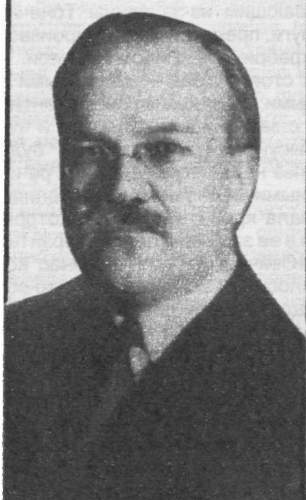
Клио бросилась к двери. Тяжелое уханье исходило от Тониного супруга, который, сняв деревянный протез, сосредоточенно дубасил Тоню по белому телу, не исключая физиономии. Оглянувшись на возникшую в дверях Клио, он на секунду оторвался от своего утомительного занятия и сказал угрожающе, наставив на Клио костыль: «Ты в наши внутренние дела не суйся, иностранка. Развела тут капиталистическую конкуренцию, басурманка бесстыжая! Я семью разрушать не позволю!» — И снова заработал протезом по Тониным телесам. Косте, взиравшему на эту сцену с безразличием опытного зоолога, пришлось вызвать милицию.

Потом был визит в больницу к Тонечке. Были бесконечные удостоверения личности госпитализированной и путаница в номерах палат, пожухлая масляная краска и истершийся линолеум, запах швабры, грязных кастрюль и нечистых бинтов, запах смерти. Клио пробиралась через коридоры, уставленные из-за недостатка помещения больничными койками, как во время войны или революции. Санитарка, с усами содержательницы борделя, указала Клио на Тонечкину койку в переполненной палате — иначе Клио ни за что не узнала бы свою соседку. Тоня покоилась на кровати запеленутая, как мумия, с ног до головы в гипсе и бинтах.

Мумия вздохнула распухшими с синевой и кровоподтеками губами и глянула на Клио глазами ошпаренной кипятком собаки. Клио схватилась было за графин с водой, за кулек с яблоками на тумбочке. Но веки заплывших от побоев глаз снова опустились. Клио тоже опустилась на стульчик рядом с кроватью и с минуту вслушивалась в стоны с соседних коек.

Когда она уже поднялась идти, губы Тони вдруг зашевелились, и глаза снова просительно заморгали. Как сестра милосердия, Клио склонилась ухом к этим израненным губам, как будто душеприказчица последней воли умирающего, и услышала полушепот, полустон: «В деревню... — И потом еще раз, с глотком воздуха: — В деревню хочу... — И снова: — Домой хочу, в деревню...» И из-под заплывших век потекли слезы и расплылись желтыми пятнами на бинтах. «В Англию! В Англию!» — понукала себя Клио, стуча каблуками по больничным коридорам к выходу.

(Начало в № 45.)

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В БАЙКАХ

Байка 10

О том, как государственный секретарь Соединенных Штатов Америки Дин Ачесон получил подарок от министра иностранных дел СССР товарища Молотова и что из этого вышло

В конце сороковых годов в Москве проходила большая выставка народного творчества, где среди прочего была выставлена и скульптура Сергея Орлова «Петушок».

Наша необъятная страна по праву гордилась своими умельцами, поэтому неудивительно, что товарищ Молотов привел на эту выставку Дина Ачесона, пребывавшего в Москве с официальным визитом. Представьте, что реакционному государственному деятелю США* очень понравилась фигурка «Петушок», а поскольку Россия всегда славилась своим гостеприимством, то товарищ Молотов прямо на выставке и подарил эту фигурку вышеуказанному реакционеру.

И вот кончается выставка, и Сергей Орлов, естественно, приезжает за своей фигуркой. Однако народ на выставке мнется и отсылает его в Министерство культуры.

Долго бродил скульптор по министерским кабинетам, пока какой-то сердобольный чиновник не сжалился над ним, рассказав всю эту историю.

Тогда Сергей Орлов возвращается к себе и пишет письмо в Кремль лично вождю народов Иосифу Виссарионовичу.

Заканчивается очередное заседание Политбюро, и товарищ Сталин говорит:

— Все. Товарищи могут быть свободны. Впрочем, задержитесь на минуточку. Товарищ Молотов, правда ли, что вы подарили скульптуру Сергея Орлова «Петушок» махровому реакционеру Дину Ачесону?

Товарищ Молотов, разумеется, побледнел и стал оправдываться, просчитывая в уме: сейчас расстреляют или немного позже...

— Это вы правильно сделали,— улыбнулся товарищ Сталин.— Необходимо, чтобы империалисты знали широту русской души. Только вот товарищ Орлов жалуется, письма пишет, пороги обивает. Что же нам с ним делать? Как думают члены Политбюро?

Члены Политбюро безмолвствовали.

— А не поручить ли нам ему изваять памятник основателю Москвы Юрию Долгорукому? А если товарищ с этой задачей не справится, я думаю, академики ему помогут! У членов Политбюро нет возражений?

Возражений, разумеется, не было.

* Так он именуется в «Энциклопедическом словаре» БСЭ. Москва, 1954, т. 1.

Байка 11

О том, как художник и скульптор Петр Беленок надолго обеспечил себя сахаром

В 1964 году Беленку поручили весьма почетный, но очень необычный заказ: требовалось исполнить бюст Никиты Сергеевича Хрущева из сахара. Ну, разумеется, завезли огромную сахарную голову, и, разумеется, этот заказ был выполнен, и огромный сахарный Хрущев возвышался в мастерской, ожидая, когда его заберут.

Но тут произошло прискорбное событие: Никиту Сергеевича скинули еще более верные ленинцы, и бюст, таким образом, оказался невостребованным.

После некоторых хлопот Беленок получил причитающуюся за работу плату да вдобавок еще несколько лет, размешивая сахар в чае, искренне восхвалял опального Хрущева.

Рассказал Александр ТУМАНОВ.

Байка 12

Как Леонид Лиходеев едва не пошел по пути Станюковича и Конецкого

В 1949 году, когда писатель Лиходеев приехал в Москву, кампания борьбы с космополитизмом была в самом разгаре. Естественно, уже по одной национальности Леонид Израилевич попал в космополиты со всеми вытекающими последствиями: его нигде не печатали, кроме «Смены» — единственного в те годы журнала, позволявшего себе такую отчаянную смелость. Но публикации эти были редки и не давали средств к существованию.

Спас писателя Вадим Кожевников, работавший тогда редактором толстого журнала: он стал давать ему чисто «негритянскую» работу — писание очерков за всяких бывалых людей.

И вот однажды работал Лиходеев с одним капитаном дальнего плавания. И настолько этот капитан проникся любовью и уважением к тому, кто писал за него статью, что предложил ему место замполита на своем сухогрузе. Причем об этом говорилось как о деле решенном, и даже, когда капитан уехал в Гамбург, где стоял его сухогруз, он слал оттуда телеграммы примерно такого содержания: «Будешь выезжать, зайди к моей маме, передай привет и возьми для меня посылочку».

Сам Лиходеев тоже ни минуты не задумывался. Еще бы: почти кругосветное плавание, новые впечатления, лавры Станюковича, да и молодость — все это звало в дорогу. Оставалась формальность: утверждение в политотделе Министерства морского флота.

Начальник политотдела был большой, розовощекий, весь в галунах и шевронах человек. Как только Лиходеев вошел и представился, тот поднялся из-за стола и широко раскрыл объятия. Он приобнял писателя и сокрушенно заохал:

— Сынок, да ты ж еврей! Вот беда-то какая. Ах, беда, беда. А я смотрю, такой парень, такой хороший, а еврей!

Вот так Леонид Лиходеев не стал замполитом.

Байка 13

О советском Перикле

Рассказывают, будто Евгений Кацман писал Сталина с натуры. И вот однажды, когда работа уже близилась к завершению, в кабинет вождя народов зашел Климент Ефремович Ворошилов.

Художник, наводя последний глянец на сапоги, воскликнул в верноподданническом порыве:

— Иосиф Виссарионович, вы так много сделали для советского искусства. Будьте нашим Периклом [2]!

На что Иосиф Виссарионович хмуро ухмыльнулся, посмотрел на Ворошилова и процедил:

— Клим будет вашим Периклом.

Так оно и вышло.

Рассказал Леонид ЛИХОДЕЕВ.

[2] Перикл (ок. 490—429 до н. э.) — афинский стратег, инициатор строительства Парфенона, Пропилей и т. д.

Байка 14

О калошах члена Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслова

Известно, что Михаил Андреевич Суслов, главный идеолог Страны Советов, был едва ли не последним носителем калош в столице. Будучи человеком аккуратным и пунктуальным, он всегда, выходя из дому, надевал калоши, а входя в здание, снимал. Это стало своего рода ритуалом.

И вот однажды, уже в очень преклонном возрасте, отягощенный присущим этому возрасту маразмом, он вышел из дома в калошах, намереваясь отправиться на службу. Подали машину. Перед тем как влезть в ее уютное чрево, Суслов машинально снял калоши и, оставив их на асфальте, поехал на Старую площадь. Отработав сколько положено, он очень удивился, не обнаружив в прихожей своих калош, однако шума поднимать не стал. Подъехали к дому. Михаил Андреевич вылез из машины, надел калоши, которые так и стояли там, где он их оставил, вошел в подъезд, снял калоши и поднялся к себе.

Разумеется, все время отсутствия Суслова у калош стоял часовой.

Байка 15

Об одной ошибке корреспондента ТАСС, приведшей к неожиданным последствиям

В 1932 году забойщик шахты № 1 «Кочегарка» Никифор Изотов выступил инициатором обучения молодых рабочих их более опытными товарищами. Как водилось в те времена, почин немедленно был подхвачен газетами, сделавшими из этого сенсацию и назидание для всего советского народа.

Но корреспондент ТАСС, передававший первое сообщение о почине, перепутал имя тогда еще никому не известного шахтера и вместо Никифора назвал его Никитой. Так Никита и кочевал с одной первой полосы на другую.

И вот в Кремле М. И. Калинин произносит речь, вручая Изотову орден:

— Дорогой Никита...
— Михаил Иванович, я — Никифор.
— Дорогой Никита...
— Никифор я, товарищ Калинин.

И АНЕКДОТАХ

— Какой же ты Никифор? Во всех газетах Никита, и в наградной грамоте тоже, так что придется тебе, сынок, документы менять.

Вот так Никифор Изотов стал Никитой Изотовым.

Байка 16

О том, какие произведения написал Алексей Николаевич Толстой

Михаил Зощенко любил рассказывать такую историю: Алексей Толстой, советский граф и известный писатель, поехал выступать на крупный завод. Как водится, после выступления для писателя и заводского начальства был накрыт стол. Ну а какой же стол без тостов!

И вот встает директор завода и произносит тост:

— Мы все очень рады, что к нам приехал такой знаменитый писатель, что он нашел время, оторвался от писания своих великих произведений, таких, как «Война и мир», «Анна Каренина», и многих других.

Все выпивают.

С ответным тостом выступил Алексей Толстой.

— Мне приятно,— сказал он,— что мои произведения так хорошо известны в народе. Вы только забыли упомянуть, что я еще и «Мертвые души» написал.

Байка 17

Неожиданная характеристика, данная В. И. Лениным Н. К. Крупской

Эту историю рассказывал Натану Альтману В. Д. Бонч-Бруевич, а он, в свою очередь, пересказывал рассказ М. И. Калинина. Дело было так. Мятеж в Орле. Льется кровь. Вешают коммунистов и активистов. Владимир Ильич решил послать на усмирение мятежа Михаила Ивановича Калинина, который хоть и не блистал большим умом, но обладал крепкой крестьянской сметкой и хорошо умел общаться с народом.

Через несколько дней Калинин возвращается и, поскольку время было вечернее, отправляется с докладом к Ленину домой.

Ленин пьет чай. Пригласил к столу и Калинина.

— Ну-с, батенька, присаживайтесь. Не угодно ли чайку? Рассказывайте, как же вам в столь короткий срок удалось ликвидировать контрреволюционный мятеж?

— Да вот ведь, Владимир Ильич, дело-то простое: эти дураки закрыли все церкви. Молиться негде, отпевать — негде, венчаться — негде. Вот народишко-то и поднялся.

— Ну-те, ну-те?

— Ну, я приехал, разобрался, открыл четыре церкви, и все успокоилось.

И тут в разговор вступает Надежда Константиновна Крупская, жена и соратница вождя:

— Вот ваша политическая необразованность! Вы даже не в состоянии понять, что благодаря вашим неумным действиям за эти несколько дней революция в Орле сделала два огромных шага назад!

— Наденька, принеси нам, пожалуйста, еще чайку,— попросил Ленин и, заговорщицки оглянувшись, прошептал, когда она вышла:

— Никогда не женитесь на революционерках. Змеи. И нас едят! Это я по себе знаю!

Рассказал Леонид УСАЧ.

Байка 18

О посещении Михаилом Гаркави серных бань в Тбилиси

Известный эстрадный артист Михаил Гаркави был огромного роста и очень толстый. И вот приезжают они с концертами в Тбилиси и, как тогда водилось, идут в серные бани.

Вот они раздеваются и шествуют по мраморной анфиладе.

Маленький и сухонький терщик-осетин (так тогда назывались банщики и массажисты одновременно), широко раскрыв глаза, смотрит на огромного Гаркави и восклицает в непритворном ужасе:

— Это мить нельзя!

Рассказал Борис БРУНОВ.

Редакция убедительно просит не относиться к байкам как к достоверным фактам и воспринимать их просто как забавные и поучительные истории из нашей и ненашей жизни.

■

Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. И. Э. Грабаря (ВХНРЦ) уже более 40 лет арендует четыре известных в Москве храма: церковь Сретения Владимирской Иконы Божьей Матери бывшего Сретенского монастыря, Покровский собор Марфо-Мариинской обители, церковь Воскресения Словущего в Кадашах и церковь Св. Екатерины, которые благодаря планомерной реставрации удалось сохранить для современников. Мы неоднократно просили предоставить нашему Центру помещение, чтобы уникальные храмы были доступны верующим. Однако начатая мэрией и правительством Москвы непродуманная кампания по немедленной передаче храмов Православной церкви без предоставления взамен каких-либо помещений Центру поставила обе стороны — и верующих, и реставраторов — в условия прямого противостояния. Так случилось в храме Сретения Владимирской Иконы Божьей Матери, где ордер выдан церкви без вывоза мастерских, и ежедневные службы идут в коридоре, а реставраторы продолжают работы рядом, в фанерных клетушках.

Уже слышатся угрозы, и не исключено, что произведения русского церковного искусства, которые проходят реставрацию, в том числе и рака Святого князя Михаила Черниговского, вскоре будут выброшены общиной. Наше предложение передать Центру освободившийся 6-й корпус завода ВАРЗ отвергнуто мэрией, и здание передано под СП. Центру не предложено никакого помещения взамен.

Нас тревожит, что из-за невыносимых условий работы начался уход десятилетия обучавшихся специалистов. Нас тревожит также, с чем останется культура России после уничтожения старейшей реставрационной организации с мировой славой.

А. ВЛАДИМИРОВ,
директор Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря

P. S. В настоящее время фондохранилище ВХНРЦ находится на сцене актового зала Министерства культуры РСФСР — это единственное помещение, которое нашлось у мэрии Москвы и Министерства культуры РСФСР для размещения выселяемого из собора Сретенского монастыря отдела реставрации скульптуры.

Геворк МАРТИРОСЯН, собственный корреспондент «Огонька»

БЛОКАДА

У моего холеного коллеги, назовем его мистером Смитом, сошел весь заграничный лоск после его попыток вылететь из Москвы в Ереван.

В первый раз он промыкался в аэропорту целый день, чтоб лишь к вечеру узнать: полет не состоится из-за неприбытия самолета.

Удрученному мистеру Смиту любезно объяснили, что с ереванскими рейсами в последнее время творится черт знает что: легче появление НЛО над Внуково предсказать, чем прилет ереванского самолета. И пожелали ему, а вдобавок и доброй тысяче озверевших от внуковского гостеприимства пассажиров, еще одной доброй ночи на московской земле.

На следующий день самолет прилетел. Его без промедления нашпиговали пассажирами и выкатили на взлетную полосу. Мистера Смита на борту не было...

Избалованный авиасервисом Хитроу, он прибыл во Внуково в точно указанное на билете время. Но в эти же самые минуты ереванский лайнер уже подлетал к Большому Кавказскому хребту...

Возмущенному мистеру Смиту любезно объяснили, что в последнее время количество ереванских рейсов сократилось: от восьми до одного. И этот единственный самолет прилетает и улетает когда хочет, то есть вне расписания.

Доброй ночи вам, мистер Смит!

На третий день он примчался во Внуково на рассвете. Твердо сжатые губы и поднятый воротник плаща свидетельствовали о его решимости улететь во что бы то ни стало...

Обошлось! Ближе к ужину прекрасная фея Аэрофлота пригласила чуть осунувшегося мистера Смита к долгожданному полету... Но убейте меня, если кто-то из знакомых смог бы признать в этом обалдело-взволнованном пассажире с наспех выбритым подбородком мистера Смита, чьи статьи и изысканные манеры хорошо известны цивилизованному миру...

Я встретил его в Ереване глубокой ночью. Всю дорогу до гостиницы он хранил глубокомысленное молчание, как человек, столкнувшийся с неразрешимой проблемой.

Пытаясь расшевелить приунывшего гостя, я сказал, что ему, между прочим, крупно повезло. Ведь если б не «Интурист» с прекрасной феей, то он бы наверняка прокуковал в Москве еще не одну ночь.

Почему? Очень просто, мистер Смит. С вашим, простите, оксфордским воспитанием, было бы непростительной наивностью рассчитывать на успех в многочасовой осаде регистрационных стоек Внуково...

У дверей своего номера мистер Смит задал-таки свой коварный вопрос, который источал яд предполетных треволнений:

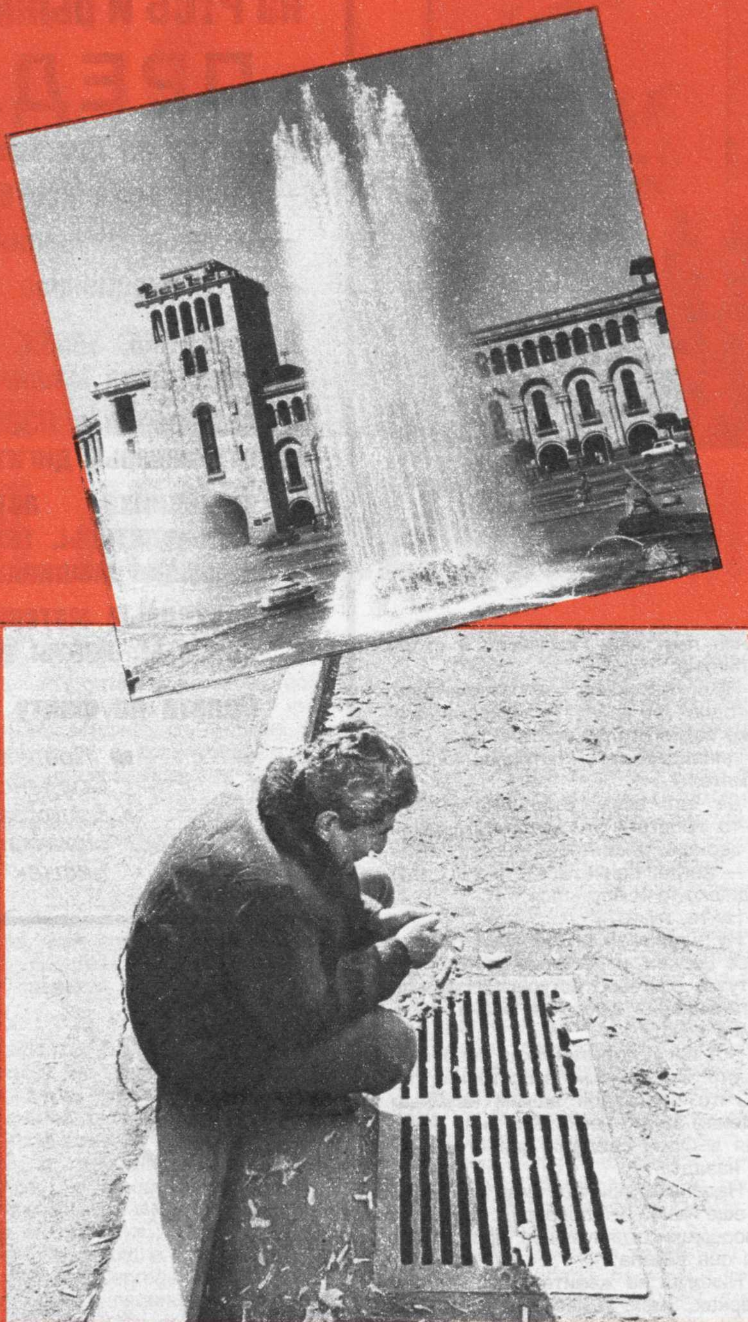
— Но отчего же так, черт побери?..
— Блокада, сэр!

* * *

Конечно, нашего тертого пассажира подобной коллизией не удивишь. Он сам, если угодно, дюжину подобных выдаст, да еще и похлеще моей, не в Хитроу живем...

Но все же, когда один из крупнейших аэропортов юга напоминает сегодня разоренное гнездо, из которого робко, от случая к случаю, вылетают ослабевшие стальные птицы, когда вылет или прилет в Ереван стал сродни крупному выигрышу в «Поле чудес», то тут действительно сорвешься смитовским вопросом:

— Но отчего же?..

Из заявления совета трудового коллектива авиакомпании «Армянские авиалинии»

Дорогие соотечественники!

...В настоящее время стало реальным фактом прекращение рейсов из аэропортов республики, поскольку после 2 сентября к нам поступило всего 750 тонн горючего, что могло обеспечить выполнение полетов лишь в течение полутора дней.

Наше руководство принимает все меры для того, чтобы, используя личные контакты с руководителями авиапредприятий Тбилиси, Минеральных Вод, Грозного, Сочи, Сухуми, Красноводска, выполнять рейсы в основные регионы страны, получая горючее в этих городах. Благодаря этому ежедневно выполняются 5—6 рейсов. Но и эти рейсы ограничиваются, так как авиапредприятия этих городов также сталкиваются с трудностями обеспечения горючим...

* * *

Амбарцум Кандильян долго подбирал слова, чтобы выразить свое отношение к блокаде. И подобрал:

— Блокада, что целлофановый мешок на голову: пара вздохов — и нет уже кислорода. Видимо, у наших соседей не осталось других аргументов...

К нему я приехал без предварительных звонков, ибо знаю: начальник Армянской железной дороги сутками не покидает своего кабинета. И как покинуть, если сюда беспрерывным потоком стекается самая что ни есть стратегическая информация сегодняшних дней: где, что отгрузили для Армении, сколько составов с топливом тянутся к границам республики... Но информации финишируют на экране дисплея с одним и тем же печальным результатом: поезд застрял в Азербайджане...

Армению со всеми регионами страны связывают три железнодорожные магистрали. Подобно кровеносным сосудам, они питают экономику и трехмиллионное население Армении. Оборвется этот сосуд, и — коматозное состояние...

Одна дорога проходит через Грузию. Две — через Азербайджан. Опустив блокадный шлагбаум на смежные с Арменией магистрали, азербайджанцы лишили соседа главного источника существования — 80 процентов всех народнохозяйственных грузов, поступающих в республику.

Но от блокады страдает не только Армения. Смежники в Сибири и на Украине, в Прибалтике и в Средней Азии ждут не дождутся армянских грузов — станков, трансформаторов, комплектующих, сельхозпродукции... К концу октября в Армении скопилось 30—35 готовых к отправке товарняков. Только блокада тормозит их ход...

Да, действительно, уж, блокада — что целлофановый мешок на и без того агонизирующую экономику...

Из монолога Амбарцума Кандильяна

— 12 сентября, ровно в 21 час 25 минут по стыку Нахичевань — Норашен в Армению поступил последний поезд из Азербайджана. Потом нам сообщили: все, баста, больше не ждите!..

На втором стыке, Акстафа — Иджеван, уже трава выросла — высокая, сочная трава. Хоть косы машинистам выдавай... Да и как не вырасти, если с начала года азербайджанцы держат под замком этот путь ни много ни мало — 184 дня! Представляете? Главная артерия республики из десяти прошедших месяцев полгода бездействует.

А что такое закрыть дорогу на такой срок?

Невостребованные грузы, недостроенные дома, недолеченные больные... Это и 4 тысячи армянских железнодорожников, оставшихся безработными.

Несмотря на вынужденные простои, мы выплачиваем железнодорожникам средний заработок. А что делать?

Мы подсчитали экономический ущерб, причиненный блокадой только нашей дороге. Подсчитали и ужаснулись: 35 миллионов 108 тысяч рублей составляют убытки только за этот год.

Я направил письмо Совету Министров Азербайджана, сообщил наш иск и потребовал компенсировать эти убытки. Написал и Президенту СССР М. Горбачеву. Ответов пока не получил...

Здесь я ненадолго прерву Кандильяна, чтобы сделать небольшое отступление и удивиться наивности моего многоопытного собеседника.

* * *

Когда на Армении впервые затянулась блокадная удавка, а случилось это в 1989 году, многие поспешили расценить сей акт как самодеятельность азербайджанских железнодорожников, внесших таким образом свой «патриотический вклад» в спор двух республик.

Как же так, восклицали идеалисты, чтобы в одной стране да с социалистическим выбором, чтобы кто-то посягнул на общесоюзную собственность, на родную нашу железку?.. Что подумают о нас в Европе?

Я не знаю мнения Европы, равно как и оценки других континентов. Зато хорошо помню дебаты в союзном парламенте, когда депутатам от Армении, не без сопротивления Лукьянова, удалось все-таки вытащить на трибуну вопрос блокады.

Это было поистине любопытное зрелище!

Ораторы ухитрялись обходиться без слова «блокада». Словно игра какая-то шла: коллективный поиск синонима «блокада». Эдакая словесная эквилибристика!

Даже уважаемый Президент раз за разом обходил это кусачее слово, ни разу не назвал блокаду блокадой и остановился в итоге на расплывчатой формулировке — «безобразия, творящиеся на железной дороге»...

Спору нет, безобразия! Но ведь сло-

во-то «блокада» имеет конкретный смысл. Откройте Ожегова: «Окружение войск противника, а также изоляция враждебного государства, города с целью прекращения его сношений с внешним миром».

Чувствуете разницу?

Однако, позвольте, какое враждебное государство? Какая такая изоляция? Вы что, с ума сошли? Посмотрите на календарь: шел-то 1989-й... А тогда умом, честью и совестью нашей эпохи, нашими деяниями перед господом Богом еще правила-распоряжалась вечно безгрешная партия.

Вот уж, действительно, удивилась бы Европа, а вместе с ней и Армения, если б тогда, в зародыше, эти безобразия получили более точную формулировку, а ее организаторы и идейные вдохновители — политический неуд по поведению. Глядишь, и не заняла бы блокада прочного места в армяно-азербайджанском разговорнике времен карабахского конфликта. А штрафные санкции Армении против соседней республики не оседали бы бесполезной писаниной в центральных кабинетах власти...

Но тогда хоть центр был, и надежда — пусть слабая, но надежда, что в стране есть власть, законы, общественное мнение, которые не позволят одной республике безнаказанно сжимать в блокадных тисках другую, тоже, заметьте, советскую республику.

С кого спросить? Кто нынче арбитр меж республиками?

Вы наивный человек, Амбарцум Кандильян, главный армянский спец по железным дорогам! Не пишите больше безответных писем. Поймите, дороги блокируются не за тем, чтобы после отстегивать штрафные миллионы...

Из монолога Амбарцума Кандильяна

— В Азербайджане, к 24 октября скопилось 58 составов с нашими адресами. Что-то уже разворовано, это я вам говорю по своему прошлогоднему блокадному опыту, что-то испортилось, что-то заржавело... Нельзя же мириться с этим беззаконием, надо что-то делать!

Мой азербайджанский коллега, господин Абдуллаев, я его знаю как опытного специалиста не один год, все время ищет какие-то отговорки.

Вот, к примеру, положение дел на стыке Акстафа — Иджеван. По сложившейся практике, азербайджанская сторона через этот стык должна подавать Армении поезда — от своей станции Бархударлы до нашего Иджевана. Это 12 километров 400 метров пути. Соседи утверждают, что их машинисты боятся работать на этом участке: стреляют, мол, армяне и вообще чинят всевозможные препятствия... Поэтому и не водят поезда.

Но это же абсурд! Кто же в Армении будет препятствовать снятию блокады, стрелять в идущие в республику поезда? Сумасшедший, что ли?

Но опять наши оппоненты находят отговорки, опять окончательное решение вопроса вязнет в словесной трясине...

Знаете, я глубоко убежден, что корень зла не во вражде армянских и азербайджанских железнодорожников, которые в равной степени хотят мира и хлеба. Проблема гораздо глубже. Блокада — это стопроцентная политическая акция, предпринятая и руководимая республиканскими властями Азербайджана. Это плата Армении за Карабах, за нашу решимость помочь своим братьям и сестрам в трудную минуту.

Но жить-то надо. Вот и зима на носу. Народ волнуется: будут ли топить в домах, подвезут ли масло, сахар, стройматериалы для зоны землетрясения?..

Что сказать людям? Успокаиваем, как можем. Мир ведь населен и добрыми людьми. Союзное министерство путей сообщения, видя наше бедственное положение, делает все возможное, чтобы помочь Армении. Если раньше составы для Армении формировались с назначением на станцию Ширван, что в Азербайджане, то теперь МПС выбрал нам вспомогательный перевалочный узел — станцию Батайск Северо-Кавказской железной дороги. Здесь составы с грузами для Армении формируются, а затем через Туапсе, Грузию следуют до Еревана.

Не могу не сказать добрых слов в адрес наших других соседей — грузинских железнодорожников. Возрастание грузопотока на Армению через стык Садахло — Ереван в определенной степени лишило маневренности их подвижной состав. Часть своих поездов им приходится перегонять кружным путем, через Дербент. Но они не ропщут. Грузия не раз шла нам навстречу в трудную минуту.

Что же нас ждет впереди? Зачем упорствует соседняя сторона? Не лучше ли наводить мосты между народами, обреченными судьбой жить рядом, нежели сжигать уже построенные?

* * *

Здесь с Кандильяном трудно не согласиться. Люди, народы, государства не должны играть с огнем, испытывать терпение друг друга. Не надо — победителей все равно не будет, ибо дети гибнут с обеих сторон.

Но пока нет мира даже на железнодорожных стыках...

* * *

Не кажется ли вам, что мы забыли мистера Смита? А вот он все дни пребывания в Армении держит в голове предмет нашего разговора — блокаду.

Благодаря ей мистер Смит сделал для себя массу открытий.

Возьмем прессу. Газеты, журналы, телевидение. Цивилизованному человеку трудно представить себе нормальную жизнь без прессы. Журналисту — тем более.

В первое же утро мистер Смит попросил портье принести ему свежие газеты. Портье вежливо отказался выполнить поручение: нельзя принести то, заметил он поучительно, чего нет в природе...

Мистер Смит, конечно, не поверил и сам спустился к киоску.

Увы, портье оказался прав: центральные газеты не печатаются в Армении уже полтора-два месяца.

Мистер Смит поморщился, как от острой зубной боли:

— Но отчего, черт побери?..

— Блокада, сэр! Бумага застряла в пути,— ответил киоскер.

Мистер Смит долго не мог взять в толк, почему днем в городе так много праздных людей? Они безработные?

— И да, и нет. Предприятия стоят из-за энергетического кризиса. Людям нечего делать в замолкших цехах...

Он морщил лоб, чтоб вспомнить, еще в какой стране мира нельзя остановить такси по причине, что в городе просто нет такси.

— В Ереване,— помог я гостю,— бастуют не таксисты, а моторы — нет бензина.

Он нервничал на ужине из-за медлительности официанта, потому что знал: в шесть вечера уже темно, а улицы в Ереване не освещаются.

Мистер Смит каждое утро принимал горячую ванну. Но он был джентльменом, а не моржом, а посему научился пользоваться кипятильником. Он читал о нем в Большом Британике и решил увезти домой. На случай блокады.

* * *

Выступая в парламенте, и. о. премьер-министра Армении Грант Багратян прямо заявил: в энергетике республики создана такая ситуация, какой не было никогда. Прекратил работу ряд крупнейших предприятий республики: Араратский цементный и Ереванский электроламповый заводы, Каджаранский горно-обогатительный комбинат и другие. Многие предприятия стоят на грани банкротства, что через пару месяцев приведет к массовой безработице...

С первыми холодами в Армении начался тотальный поход за экономию топливно-энергетических ресурсов. Совет Министров республики придал этой вынужденной акции характер декретов военного времени: «...сократить телепередачи до трех часов в день, с 20 до 23 часов... Ограничить потребление электроэнергии на освещение улиц до 70 процентов и полностью отключить все световые рекламы... Запретить пользоваться электроэнергией на индивидуальных точках уличной торговли...» Погружаемся во тьму?

А что же будет в январе — феврале, когда морозы под тридцать в Армении не редкость? По подсчетам специалистов, в зимние месяцы республике необходимо в день до 42 миллионов киловатт-часов электроэнергии. Сегодня она производит 24 миллиона. Хочешь не хочешь, а с завистью вспомнишь о тех временах, когда Армянская атомная давала ток.

По данным Армгазпрома, за три прошедших квартала республика уже недополучила 748 миллионов 517 тысяч кубических метров газа. Газопровод также проходит по азербайджанской территории...

* * *

Мой следующий собеседник — министр Генрих Кочинян. Он руководит автотранспортом республики. А недавно в его ведение передали и городской электротранспорт. Каково? Лучше, наверное, сразу к стенке...

Из монолога Генриха Кочиняна

— Автопредприятия нашего министерства потребляют в день 500—550 тонн горючего. В лучшем случае сегодня удастся получить 100 тонн. На приколе весь пассажирский транспорт, сокращены до минимума автобусные маршруты. Районы республики более двух недель не получили ни грамма бензина. А ведь в задержанных составах в Азербайджане не только горючее — там и автопокрышки, запчасти, смазочные материалы. Нужда в них большая, а поступления нет.

В моих блокадных записках много монологов. В том же духе могли высказаться еще три миллиона граждан Армении — от руководителя самого высокого ранга до домохозяйки. Но я ограничусь эсклюзивным монологом исполняющего обязанности премьер-министра Армении Гранта Багратяна:

— День работы нашей экономики — это 40 миллионов рублей валового национального продукта. Блокада привела к тому, что экономика республики стала работать на 50—70 процентов ниже своих возможностей. Иными словами, мы ежедневно теряем от 15 до 25 миллионов рублей.

Армения подписала экономическое соглашение, вошла в число тех республик, кто согласился с его положениями. Пора бы нашим партнерам разобраться с блокадной анархией, спросить с тех, вкто, попирая элементарные правовые и нравственные нормы, совершает самый настоящий акт агрессии против суверенного государства.

...Когда я провожал мистера Смита обратно в Москву, он выглядел гораздо бодрее, чем в первые дни. Трудности закаляют.

На прощание он неожиданно нарушил этикет и вместо крепкого мужского рукопожатия дружески обнял меня. Я не ожидал от чопорного британца подобных эмоций и удивился вслух. В ответ мистер Смит хлопнул меня по плечу:

— Блокада, сэр!

Послесловие

Статья эта уже была подготовлена к печати, когда от нашего ереванского собкора поступил тревожный факс: ситуация в Армении за эти дни намного осложнилась. Впрочем, слово вновь Геворку Мартиросяну.

* * *

Я пишу эти строчки в воскресенье, 17 ноября. За окном моего холодного корпункта длиннющая очередь за хлебом. Телефоны не работают. Света, естественно, тоже нет. Жесточайший энергетический кризис привел к остановке всех промышленных предприятий республики за исключением тех, что обеспечивают население пищевыми продуктами первой необходимости.

Вчера Совет Министров Армении, оценив ситуацию, объявил чрезвычайное положение в энергетике республики.

...В конце октября после первой официальной встречи армянской и азербайджанской сторон блокада наконец была снята.

С 25 октября по блокированным стыкам Акстафа — Иджеван и Нахичевань — Норашен пошли первые поезда. У людей появилась слабая надежда. Но на шестой день работы дорога Акстафа — Иджеван вновь была блокирована азербайджанской стороной. Причем никаких объяснений она до сих пор не привела...

Другая дорога, Нахичевань — Норашен, правда, еще работает. Но надолго ли?..

Оправдались тревожные опасения руководителей Армянской железной дороги. Поступившие вагоны подверглись тщательной «проверке» блокирующей стороны. В нескольких цистернах с топливом отсутствует содержимое, разграблены продукты питания, дефицитные стройматериалы... Не погнушались даже железнодорожными шпалами, которые Армении сегодня нужны как воздух. Кстати, буквально на днях, близ станции Арташат, сошел с рельсов товарный состав. Причина — кустовая гнилость шпал. Хорошо, что состав был не пассажирский...

На 7 ноября армянская сторона уже составила 700 коммерческих актов. Это оценка «ревизионной» деятельности соседей только за последние две недели. Кто понесет наказание за разбой, за раскулаченные составы, за самый настоящий беспредел, чинимый на Азербайджанской железной дороге? Боюсь, никто...

Но это еще не все... 4 ноября были полностью перекрыты задвижки на газопроводе в Казахском районе Азербайджана, через который в Армению поступало топливо. Хочу особо подчеркнуть, что этот газ Армении поставляет Россия, но газопровод проходит по соседней республике... Хорошо, что у армян своя вода, и солнце восходит тоже не в Азербайджане...

Президент Республики Армения Левон Тер-Петросян и и. о. Председателя Совета Министров Грант Багратян обратились к Президенту СССР М. Горбачеву, Председателю МЭК И. Силаеву, Президенту РСФСР Б. Ельцину, Президенту Казахской ССР Н. Назарбаеву, всем членам Государственного совета СССР — С. Шушкевичу, А. Акаеву, М. Снегуру, А. Искандарову, С. Ниязову, И. Каримову и Л. Кравчуку. В этом послании, в частности, говорится: «...нынешнее политическое руководство Азербайджана, несмотря на подписанное им железноводское коммюнике, стремясь любой ценой сохранить власть, не пренебрегает никакими средствами. Все сводится к тому, чтобы «оправдаться» перед населением республики все возрастающей масштабностью антиармянских действий... При этом используются фальсификации, провокации, а также заявления, преподносящие действия Азербайджана как ответные меры якобы против «агрессивных акций» со стороны Армении, армянского населения Нагорного Карабаха.

Так дальше продолжаться не может...

Выражая готовность все вопросы решать путем переговоров в духе коммюнике, подписанного в Железноводске, руководство Республики Армения при этом настаивает, чтобы в отношении Азербайджана применялись политические и экономические санкции республиками, подписавшими договор об экономическом сообществе...»

В Арцахе тем временем не смолкают выстрелы...

Ереван

НЕДЕЛЯ СКВЕРНЫХ ПРЕДЧУВСТВИЙ

Не поспеть за кровавыми событиями армяно-азербайджанского конфликта!

Казалось, куда уж хуже: пружина противостояния двух соседних республик сжата до крайнего предела — ежедневно скупые тассовки разносят по миру имена новых жертв, количество заложников, порушенных домов... Но даже при всей очевидности неутихающей войны, получившей к зиме дополнительный импульс жестокости, вызванной блокадой, сердце не переставало верить, что миссия мира Ельцина — Назарбаева, переговорный процесс двух республик и, наконец, усталость людей от крови и ненависти все же поставят точку в этом затянувшемся противоборстве.

Многие считают, что слабая надежда на это рухнула 20 ноября вместе с военным вертолетом «Ми-8», на борту которого находилась большая группа государственных лиц Азербайджана, представителей России и Казахстана, Министерства обороны СССР, журналисты Азербайджанского ТВ. Вылетев с аэродрома районного центра Агдам, вертолет «Ми-8» при пока неизвестных обстоятельствах потерпел катастрофу близ села Каракенд Мартунинского района НКАО. Экипаж и пассажиры погибли. Всего 21 человек.

Мы выражаем глубокое соболезнование родным и близким покойных, понимаем величину их горя, но вместе с тем призываем их очистить сердца от слепой ненависти, жажды мести. Пусть эти жертвы будут последними в длинном списке смертей в огне неутихающего конфликта.

Месть! Беженцы с обеих сторон — это месть. Осиротевшие дети — это тоже месть. И еще блокада, депортация, сожженные села и неубранный урожай... Ситуация, сложившаяся на юге, подобна мине с часовым механизмом. Часы, минуты, секунды... Если не остановить зловещего тиканья — взрыв. Нельзя допустить, чтоб это случилось. Нельзя дать эмоциям возобладать над разумом.

Сразу же после катастрофы с вертолетом «Ми-8» появились две версии. Комендатура района чрезвычайного положения НКАО и межреспубликанская служба безопасности СССР распространили версию, что вертолет врезался в гору, оказавшись в полосе сильного тумана.

Однако азербайджанская сторона сразу же опровергла эту версию, утверждая, что вертолет был сбит армянскими боевиками. Приводятся различные доказательства, в том числе запись «черного ящика», сохранившего последнюю информацию пилота: «...нас обстреливают».

Наверное, нет смысла сейчас ссылаться на утверждения и той, и другой стороны в защиту выдвинутых версий: идет расследование при участии военной прокуратуры, экспертов Госавианадзора и МВД СССР, представителей Азербайджана. На место происшествия прибыл заместитель министра внутренних дел СССР Виталий Турбин.

Руководители двух республик оказались в крайне тяжелом положении. Под прессом оппозиции президент Азербайджана Аяз Муталибов может пойти на самые жесткие санкции против Армении. Естественно, сделает свой ход и Левон Тер-Петросян. Нетрудно догадаться, к чему это может привести.

В обеих республиках поговаривают о мобилизации, о неотвратимости военных действий...

Все это страшно. Только бы политики не ошиблись, только бы не стали демонстрировать мускулы.

Эдуард Шеварднадзе обратился к руководителям Армении и Азербайджана с призывом проявить сдержанность.

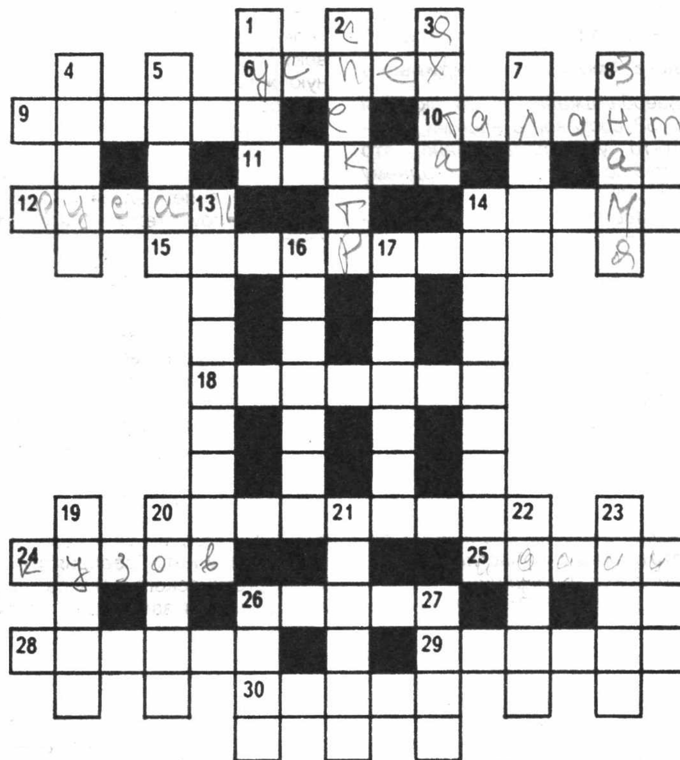
...По московским улицам идут люди. Среди них и армяне, и азербайджанцы. Бывает, они сидят рядом в ресторане или живут по соседству в гостиничных номерах. В объятия друг к другу не бросаются, но и эксцессов особых нет. Значит, можно сосуществовать?

Говорят, пусть расследование выявит истинных виновников трагедии. Хочется верить, чтоб не было в смерти погибших злого умысла. А если вертолет все же был сбит, то неужели это должно стать причиной новых смертей с обеих сторон?

В тревоге сегодня Армения, в тревоге Азербайджан. В тревоге все мы. Неделя ожидания и скверных предчувствий. Не дай Бог им оправдаться.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Хороший результат, достижение. 9. Английский поэт-романтик XIX века. 10. Дарование, выдающиеся способности. 11. Охотничья собака. 12. Заяц. 14. Звезда в созвездии Северная Корона. 15. Теплообменник в системе отопления. 18. Остров в Баренцевом море. 20. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня». 24. Корпус автомобиля. 25. Напевы альпийских горцев. 26. Роман И. С. Тургенева. 28. Отражение действительности, правда. 29. Образование новой пчелиной семьи. 30. Драматическое произведение.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Денежная единица некоторых стран Европы, Азии, Африки. 2. Цветовые полосы при прохождении луча через преломляющую среду. 3. Судно для водного спорта и прогулок. 4. Рассказ Л. Н. Толстого. 5. Род папоротников. 7. Продольная флейта, распространенная в Молдавии и балканских странах. 8. Стяг, флаг. 13. Русский революционер XIX века. 14. Французский философ-материалист XVIII века. 16. Горная цепь в системе Верхоянского хребта. 17. Приток Днепра. 19. Учебное заведение. 20. Город в Польше. 21. Южное созвездие. 22. Венгерский поэт. 23. Народный артист СССР, выступавший в Саратовском и Свердловском драматических театрах. 26. Соляной раствор, используемый для лечебных целей. 27. Характер, душевные свойства.

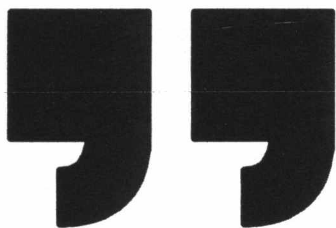
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Пименов. 6. Сенбернар. 8. Акватория. 11. Балл. 12. Гиппократ. 14. Трек. 15. Пинега. 16. Лутон. 17. Рельеф. 18. «Орфей». 19. Лемма. 24. Фреска. 25. Драже. 26. Калкан. 27. Жюри. 28. Анемометр. 29. Гром. 30. «Финансист». 31. Тимирязев. 32. Цицерон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Тирасполь. 2. Боккерини. 4. Герасим. 5. Пиренеи. 7. Беллетристика. 9. Офтальмология. 10. Контрафагот. 12. Гватемала. 13. Терренкур. 20. Артюхин. 21. Одоевский. 22. Репетилов. 23. Чадобец.

СЕРВОИМПОРТ

в партнерстве с в/о "Союзснабимпорт" СССР

А/О Сервоимпорт

Сегодня это автомобили наиболее популярных и престижных европейских производителей на советском рынке.

Мы гарантируем Вам оптимальные варианты покупки с нашего консигнационного склада.

ВАШИ МАШИНЫ ЖДУТ ВАС.

VOLVO, OPEL, NISSAN, CITROEN.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕНЫ!

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕРВИС!

ЕВРОПЕЙСКОЕ КАЧЕСТВО!

Оплата только в СКВ. Те, кто не обладает свободно конвертируемой валютой, не огорчайтесь. Для Вас - за рубли:

*телефонные аппараты марки **Panasonic** в том числе с автоответчиком.*

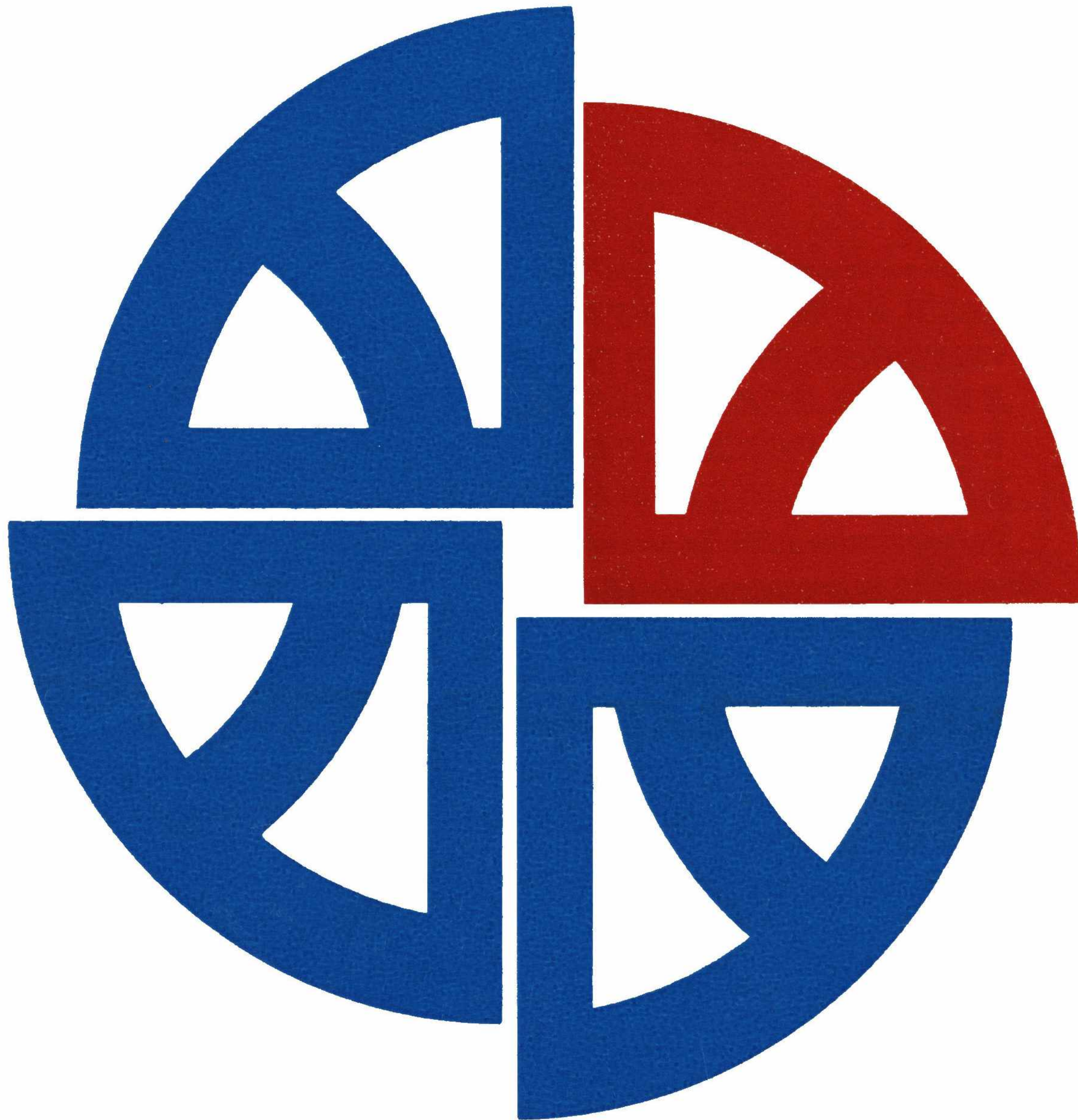
Бухгалтерские калькуляторы с принтером и без, а так же телевизоры и двухкассетные магнитолы ведущих производителей мира и парфюмерия.

Ждем Ваших предложений по телефонам в Москве: **335-98-66, 335-49-87, факс 330-15-55.** **Наш адрес: 117392 Москва, ул.Профсоюзная, д.88/20.**

Паника на этой бирже Уставом не предусмотрена.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТУС БИРЖИ И НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОУЧРЕДИТЕЛЕЙ – НАДЕЖНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВАШИХ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ

Международная биржа наукоемких и информационных технологий.

информация – (095)187-27-90
акции, брокерские места – (095)187-33-97
факс – (095)292-65-11 SPAISE 5314
292-65-11 XSENON 5312

НЕ БОЛЬШЕ МЕСЯЦА ДО ПЕРВЫХ ТОРГОВ.

ЭКАРТ

1 руб. Индекс 70663